СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXXV, № 3.

ИЗЪ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ИСТОРІИ СЕРБІИ

МИРЪ ПЕТРА ИЧКО

ПОПЫТКА НЕПОСРЕДСТВЕННАГО СОГЛАШЕНІЯ СЕРБІИ СЪ ТУРЦІЕЙ 1806—1807 ГГ.

Этюдъ

Члена-Корреспондента Ст. И. Новаковича

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
Вас. Остр., 9 лин., № 12
1903

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Октябрь 1903 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Немного людей, о которыхъ было бы такъ мало извѣстно и которые въ то же время такъ выдвинулись своими заслугами, какъ Петръ Ичко, дипломатъ и Константинопольскій депутатъ перваго сербскаго возстанія.

Хотя и дѣятельность прочихъ современниковъ П. Ичко до настоящаго времени не получила надлежащаго и полнаго освѣщенія, послѣднему повезло менѣе всѣхъ другихъ, такъ что въ этомъ отношеніи онъ остается значительно позади ихъ. Все, что намъ извѣстно о дѣятельности П. Ичко,—темно и неясно, все—безъ хронологическихъ данныхъ, безъ документовъ, безъ текстовъ. Даже въ письмахъ, въ которыхъ о томъ времени говорится, о немъ упоминается мало, а объ его дѣятельности какъ-бы мимоходомъ.

По этимъ даннымъ однако нельзя ни въ какомъ случаѣ судить ни о личности, ни о дѣятельности П. Ичко.

Какъ разъ тогда, когда всѣ обстоятельства клонились къ тому, чтобы такъ или иначе формулировать вопросъ о возникновеніи новаго сербскаго государства въ долинѣ р. Моравы и въ древнихъ областяхъ Мачвы и Браничева, явился этотъ замѣчательный человѣкъ, который своимъ проницательнымъ умомъ распозналъ и искусно воспользовался удобнымъ моментомъ въ Константинополѣ, для приведенія сербскихъ дѣлъ къ опредѣленной формулѣ.

Въ другомъ мѣстѣ указаны причины неудачи этой формулы и обстоятельства, помѣшавшія осуществленію ея на практикѣ. Но все-таки нѣкоторые изъ важнѣйшихъ сербскихъ успѣховъ

того времени стоятъ въ связи съ нею, относясь къ тому короткому періоду, когда эта формула временно примѣнялась.

Въ формулѣ П. Ичко одна изъ фазъ перваго возстанія нашла свое олицетвореніе. О ней потомъ вспоминали, какъ о какомъ-то потерянномъ благѣ, каждый разъ, когда сербскія дѣла — идя противоположнымъ путемъ, на который толкали ихъ обстоятельства — попадали въ разныя невзгоды и терпѣли неудачи.

Переговоры Петра Ичко въ 1806 году въ Константинополѣ заканчивали собою всѣ болѣе раннія попытки непосредственнаго соглашенія между Портою и сербскими повстанцами Бѣлградскаго пашалыка. Въ виду того, что тѣмъ прежнимъ переговорамъ турки только въ 1806 г., благодаря стараніямъ П. Ичко, дали свое одобреніе и точную формулу, достигнутое и утвержденное тогда соглашеніе было названо *Миромъ П. Ичко*. Правда, въ 1807 г. сербскіе старшины, рѣшивъ въ послѣднюю минуту не мириться съ Турціей, какъ о томъ начали было хлопотать, а вмѣстѣ съ русскими продолжать войну противъ нея, — отвергли этотъ миръ; тѣмъ не менѣе о немъ долго еще помнили, такъ какъ онъ считался готовой и довольно удовлетворительной формулой умѣренныхъ сербскихъ требованій. Особенно часто сербы вспоминали о немъ до 1815 г., т. е. до тѣхъ поръ, пока на дѣлѣ не оказалось, что права Сербіи лучше всего обезпечены сохраненіемъ въ силѣ и исполненіемъ на практикѣ тѣхъ обязательствъ, которыя, въ отношеніи Сербіи, Турція приняла на себя по русско-турецкому договору, подписанному 16 мая 1812 г. въ Букарестѣ. Миръ П. Ичко остался своего рода программою вассальной Сербіи, программою, о которой думали (хотя и не совсѣмъ основательно), что она можетъ быть принята Портою въ Константинополѣ и установлена непосредственными переговорами съ нею.

Когда въ 1815 году князь Милошъ, послѣ кратковременной войны съ турками, снова началъ переговоры съ Портою, онъ — все еще поддаваясь общему неудовольствію противъ Букарестскаго трактата и его постановленій касательно Сербіи, неудо-

вольствію, господствовавшему тамъ послѣ 1812 и въ особенности послѣ 1813 г.,—также остановился на требованіяхъ Мира П. Ичко, думая, что онъ будетъ имѣть особенное значеніе, какъ формула, относящаяся ко времени до союза съ русскими и притомъ достигнутая непосредственными переговорами съ Портою. И когда, въ маѣ 1818 г., собирался прервать всякія сношенія съ Марашли-Али-пашой, рѣшаясь опять положиться на русскую помощь,—князь Милошъ (именно 11 мая 1818 г.) заявилъ Марашли, что еще въ 1816 г. настаивалъ на утвержденіи «фирманомъ дарованныхъ черезъ Петра Ичко пунктовъ» и что паша обѣщался выхлопотать ихъ у Порты. Князь жаловался, что это обѣщаніе до того времени (11 мая 1818 г.) еще не было исполнено. Между тѣмъ неисполненіе его ни въ 1807, ни въ 1813, ни въ 1815—1818 гг. и необходимость прибѣгать къ другимъ средствамъ лучше всего свидѣтельствуютъ, что Миръ П. Ичко явился не какъ выраженіе доброй воли турокъ (хотя такъ оно казалось), и что формулой его послѣдніе пользовались только какъ средствомъ для выхода изъ политической путаницы, съ цѣлью выиграть время для новаго примѣненія силы.

Тѣмъ не менѣе Миръ П. Ичко заслуживаетъ серьезнаго вниманія и изученія, какъ потому, что въ 1806—1807 гг. сербы были согласны удовлетвориться его постановленіями, такъ и потому, что въ 1815 г. князь Милошъ на формулѣ Ичко основывалъ свои первыя требованія.

Задача настоящаго изслѣдованія—освѣтить этотъ предметъ. Во многихъ пунктахъ наше изложеніе — потому именно, что оно обширнѣе — расходится съ извѣстными до сихъ поръ историческими версіями.

Мы нарочно избѣгали всякой полемики съ тѣми, которые думали и писали иначе, и старались какъ можно яснѣе представить основанія, доводы и источники нашего особаго мнѣнія въ томъ или иномъ пунктѣ. Намъ кажется, что этого вполнѣ достаточно и что такое отношеніе — самое правильное въ трудѣ специальномъ, какимъ является настоящая работа.

Начнемъ съ изложенія всего того, что намъ извѣстно о жизни П. Ичко, а затѣмъ разсмотримъ его дипломатическую дѣятельность, текстъ, критику и объясненіе его договора (насколько они намъ доступны), значеніе его для сербской политики и переломъ, давшій послѣдней новое направленіе, упоминая одновременно и объ его противникахъ.

I.

Мѣсто рожденія, воспитаніе и служба Петра Ичко. Время его поселенія въ Землинѣ въ качествѣ коммерческаго агента. Связи съ Хаджи-Мустафа-пашой и переселеніе въ Бѣлградъ (послѣ 1795 г.). Базерджанъ-баша и драгоманъ. Заговоръ янычаровъ противъ Хаджи-Мустафа-паши. Первоначальный замыселъ сербскаго возстанія. Убійство Хаджи-Мустафа-паши (15 декабря 1801 г.). Возвращеніе П. Ичко въ Землинъ. Участіе его въ сербско-турецкихъ переговорахъ послѣ возстанія Карагеоргія (1804–1806). Миссія 1806–1807 гг. Неожиданная смерть 5 мая 1808 г. Связь этого событія съ политикою того времени.

Какъ скудны свѣдѣнія о дѣятельности Петра Ичко, точно такъ же мало данныхъ и объ его происхожденіи и жизни.

Всѣ біографы говорятъ, что онъ родился въ м. Катраницѣ въ южной Македоніи, Каиларскаго уѣзда, между городами Бэромъ (Верія) и Островомъ.

Катраница находится какъ разъ на южной этнографической границѣ славянскихъ поселеній Балканскаго полуострова. И нынѣ тамъ смѣшанное славянское (безъ экзархистовъ) и турецкое населеніе[1]).

---

1) Ростковскій въ своей статистикѣ Битолійскаго вилаета записалъ въ Катраницѣ 305 домовъ съ 1093 жит. турокъ-османліевъ и 1000 жит. славянъ-патріархистовъ. «Живая Старина» годъ IX, вып. I.

В. Кънчовъ насчитываетъ тамъ 940 душъ славянъ и 1100 — турокъ.

М. В. Веселиновичъ сообщаетъ мнѣ, что въ Катраницѣ 490 домовъ; изъ нихъ 240 турецкихъ, а 250 славянскихъ. И по нему — турки настоящіе османліи. О землѣ говорятъ, что она принадлежитъ султану, и христіане даютъ десятину въ натурѣ, а остальные налоги — деньгами. «Въ печальбу» (отхожіе промыслы) мало кто идетъ. Школы все еще греческія. Въ настоящее время тамъ 5 православныхъ церквей и 2 священника; служба совершается по-гречески. Есть еще нѣсколько церквей въ развалинахъ.

Отъ нея дальше къ югу и начинается одинъ изъ самыхъ большихъ въ тѣхъ краяхъ острововъ чисто-турецкихъ поселеній.

Связи этого края съ Сербіей, безъ сомнѣнія, давнишнія, такъ какъ не только Петръ Ичко связалъ свою судьбу съ судьбою Сербіи, но и позднѣе извѣстно, что и другіе роды изъ Катраницы искали и находили тамъ свое счастье[1]).

Вслѣдствіе того, что Катраница находится на сѣверной границѣ сильнаго турецкаго острова южной Македоніи и что П. Ичко имѣлъ много дѣлъ съ турками и даже на службѣ у нихъ отличился, его иногда называютъ и по-турецки Ичкоглу (Ичкоглија).

Ничего не извѣстно, какъ и гдѣ онъ провелъ свое дѣтство и гдѣ получилъ образованіе; между тѣмъ и его служба и свидѣтельство людей, которые его знали и могли оцѣнить, даютъ ясное понятіе о немъ, какъ о человѣкѣ образованномъ. Въ точности извѣстно только то, что онъ говорилъ по-нѣмецки, такъ какъ и Ранке (со словъ В. С. Караджича) и С. Милутиновичъ[2]) отмѣчаютъ, что онъ состоялъ при турецкомъ посольствѣ въ Берлинѣ сначала драгоманомъ (переводчикомъ), а потомъ и повѣреннымъ въ дѣлахъ. Нельзя точно установить, когда это было, но во всякомъ случаѣ — раньше 1792 г. Слѣдуетъ еще указать, что все время съ 1780 по 1807 гг. Россія и Австрія находились въ тѣсной дружбѣ и единеніи, — все въ виду турецкихъ дѣлъ. Въ противовѣсъ этому пруссаки изъ Берлина искали себѣ возмѣщенія и обезпеченія въ Турціи, почему, съ другой стороны, королевство Пруссія и Оттоманская имперія сблизились и въ свою очередь жили въ дружбѣ.

К. Родофиникинъ также говоритъ, что П. Ичко долгое время служилъ при турецкихъ посольствахъ въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ[3]). Правда, наши источники ничего не упоминаютъ о службѣ въ Вѣнѣ, но это записано еще при жизни Ичко и притомъ че-

1) Такъ напр.: изъ Катраницы роды Даничей и Бадемличей. Родъ же г. Ник. Христича изъ Блатца, недалеко отъ Катраницы.

2) Сербіанка, II, 40—42.

3) «Русскій Вѣстникъ», томъ 106, стр. 106, изслѣдованіе Н. Дубровина.

ловѣкомъ, который имѣлъ возможность быть точно освѣдомленнымъ.

Неизвѣстно и то, когда Петръ Ичко бросилъ турецкую дипломатическую службу, и почему онъ это сдѣлалъ.

Около 1794 г. П. Ичко упоминается уже въ качествѣ коммерческаго агента, — сначала въ Землинѣ, потомъ въ Бѣлградѣ. Но такъ какъ съ 1787 по 1792 гг. между Австріей и Турціей велась война и отношенія ихъ были вообще весьма неупорядоченными, то съ вѣроятностью можно предполагать, что и онъ не могъ открыть своей агентуры раньше установленія правильныхъ отношеній между двумя сосѣдними имперіями, — что̀ случилось въ 1792 г.

Торговыя агентуры въ Бѣлградѣ и въ другихъ пограничныхъ городахъ въ турецкое время имѣли весьма важное значеніе въ дѣлѣ посредничества между восточными и западными купцами. Отлично владѣя турецкимъ и нѣмецкимъ, а также и сербскимъ языками, П. Ичко, надо полагать, имѣлъ въ виду немедленно послѣ возстановленія мира (1791—92) занять вакантное мѣсто агента въ Бѣлградѣ и продолжать прежнюю практику посредничества. М. Миличевичъ пишетъ, что П. Ичко открылъ такую дѣятельность сначала въ Землинѣ. Если справедливо только что высказанное нами предположеніе о выборѣ момента, тогда это могло случиться сейчасъ послѣ заключенія мира въ г. Систовѣ (4 августа 1791). Тамъ, въ спокойномъ мѣстѣ, П. Ичко могъ начать дѣло, переѣзжая въ Бѣлградъ каждый разъ, когда было нужно, какъ это практикуется и нынѣ. Осмотрительность его была весьма умѣстной. Возстановленіе турецкой власти въ Сербіи на основаніи полнаго порядка, мягкаго обращенія съ христіанами и съ выводомъ изъ Бѣлградскаго пашалыка непокорныхъ янычаръ, — началось въ 1792 г., но не долго продержалось. Первый бѣлградскій визирь Бекиръ-паша (Эбу-Бекиръ-паша) уѣхалъ черезъ три года[1]); а въ 1795 г. новый визирь, Шашитъ-

1) Одна запись, писанная въ 1805 г. въ Землинѣ, утверждаетъ, что этотъ Бекиръ-паша въ 1804 г. исполнялъ обязанности представителя султана въ

паша, сталъ совѣщаться и дѣйствовать заодно съ янычарами и съ друзьями Пасваноглу въ видахъ возстановленія отнятыхъ у нихъ правъ на жительство въ Сербіи. Однако, въ защиту новаго порядка, введеннаго тамъ первымъ послѣ Систовскаго мира визиремъ, Бекиръ-пашой, возсталъ одинъ изъ ближайшихъ его сотрудниковъ, бина-эминъ (главный строитель) Хаджи-Мустафа-паша Шиникоглу, происхожденіемъ изъ г. Филиппополя, который въ то время въ нижнемъ (бѣлградскомъ) городѣ наблюдалъ за ремонтомъ казармъ. Такъ какъ, при производствѣ этихъ работъ, онъ пришелъ въ соприкосновеніе съ сербскими старшинами, руководившими доставкою строительныхъ матеріаловъ со стороны народа,— то сталъ во главѣ ихъ противодѣйствія и научилъ, что дѣлать, чтобы помѣшать возвращенію янычаръ въ Сербію. Шаги ихъ на этотъ разъ увѣнчались успѣхомъ. Помогло то обстоятельство, что уже тогда Виддинскій пашалыкъ, подъ предводительствомъ Пасваноглу, изъ-за янычаръ и сопротивленія набору низамовъ, — отказалъ въ покорности султану, такъ что Порта сочла нужнымъ немедленно уволить Шашитъ-пашу, тяготѣвшаго въ ту же сторону, и назначила визиремъ въ Бѣлградѣ того же самаго Хаджи-Мустафа-пашу. Послѣдній сейчасъ положилъ конецъ начавшемуся было хозяйничанью янычаръ въ Бѣлградскомъ пашалыкѣ, и показалъ, что и желаетъ и умѣетъ сохранить и даже улучшить введенный тамъ послѣ Систовскаго мира порядокъ. Это случилось въ началѣ зимы 1795 г. [1]). М. Миличевичъ пишетъ, что тогда говорили, будто и Мустафа-паша и П. Ичко были франмасонами, и что, поэтому, они жили въ большомъ согласіи. Другіе говорятъ, что въ это же время П. Ичко рѣшился бросить Землинъ и поселиться въ Бѣлградѣ,— въ чемъ нельзя не видѣть выраженіе его довѣрія къ дѣятель-

---

Сербіи. Тѣмъ не менѣе нельзя съ достовѣрностью утверждать, что этотъ паша въ 1795 г. былъ только переведенъ, или это два разныхъ лица.

1) Время установляемъ по докладамъ французскаго посольства въ Константинополѣ. A. J. Odobescu, Documente Suppl. I, vol. II. Bucareste 1885, стр. 130, 131—132 и 134. Сравн. записки Іоанник. Джурича, Гласник, IV, 99 и 100.

ности Хаджи-Мустафа-паши. Л. Ранке (со словъ В. С. Караджича) прибавляетъ, что Хаджи-Мустафа-паша находился подъ нѣкоторымъ вліяніемъ П. Ичко и пользовался его совѣтами и указаніями. Все это повело къ тому, что въ своемъ новомъ положеніи въ Бѣлградѣ П. Ичко пріобрѣлъ большой престижъ. Какъ близкаго и довѣреннаго человѣка, Хаджи-Мустафа-паша назначилъ его базерджанъ-башой въ Бѣлградѣ [1]). Базерджанъ-баша завѣдывалъ пошлинами и торговлей и являлся, въ нѣкоторомъ родѣ, совѣтникомъ паши по части торговли и промышленности, въ какихъ видахъ долженъ былъ заручиться довѣріемъ и паши и купцовъ. Въ одномъ австрійскомъ докладѣ изъ Землина отмѣчено, что П. Ичко исправлялъ обязанности консула греческихъ купцовъ и въ то же время состоялъ у паши драгоманомъ. Должность базерджанъ-баши упоминается за нимъ и позднѣе, даже тогда, когда онъ находился въ Константинополѣ делегатомъ для мирныхъ переговоровъ, какъ то видно изъ сохранившейся съ 1806 года записи объ этихъ переговорахъ. Когда черезъ нѣкоторое время начались козни и подвохи янычаръ противъ Хаджи-Мустафа-паши, П. Ичко совершенно перешелъ на его сторону. Между тѣмъ, Хаджи-Мустафа-пашѣ не суждено было сохранить въ полной силѣ запретъ о поселеніи янычаръ въ Сербіи и одержать верхъ надъ ними. Французская экспедиція въ Египетъ 1798 г. и неудачи турецкой арміи около г. Виддина, въ борьбѣ противъ главнаго предводителя бунтовавшихъ янычаръ, Пасваноглу, заставили Порту открыть янычарамъ свободный доступъ и въ Виддинскій и въ Бѣлградскій пашалыки. Самъ Пасваноглу именемъ султана былъ признанъ и утвержденъ визиремъ Виддинскаго пашалыка, а янычарамъ снова было дано право жить въ Бѣлградскомъ пашалыкѣ, право, отнятое у нихъ съ 1791—92 гг., т. е. съ возстановленія турецкой власти въ названномъ пашалыкѣ. Такимъ образомъ, янычары стали снова

---

1) О такой его службѣ упоминаетъ и Пр. М. Ненадовичъ въ Мемоарахъ, 62—63.

появляться въ Бѣлградскомъ пашалыкѣ, хотя страхъ Хаджи-Мустафа-паши, ихъ противника, удерживалъ ихъ въ строгомъ повиновеніи. Зато козни и смуты противъ Хаджи-Мустафа-паши, поддерживаемые изъ Виддина и со стороны мѣстныхъ начальниковъ янычаръ — будущихъ дахіевъ — продолжались и усиливались, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ они убѣдились, что, для наказанія произвола и насилія даже въ отношеніи христіанъ, Хаджи-Мустафа-паша не думаетъ останавливаться и передъ вооруженною силою, какъ это показалъ въ 1800 г. въ г. Шабцѣ, когда янычары убили кнеза (уѣзднаго начальника) Тамнавы, Ранко Лазаревича. Наконецъ, въ концѣ 1801 года, Хаджи-Мустафа-паша собственною жизнью заплатилъ удачу одного янычарскаго заговора, съ чѣмъ и были уничтожены всѣ девятилѣтніе — съ 1792 по 1801 гг. — труды по установленію въ Бѣлградскомъ пашалыкѣ законности и порядка безъ янычаръ и ихъ произвола. Всѣ усилія обезпечить христіанамъ личную безопасность и относительную имущественную и религіозную свободу, подъ верховною властью турокъ, остались безъ всякаго успѣха.

Старшины янычаръ, видя, что отъ Хаджи-Мустафа-паши нельзя добиться никакихъ уступокъ въ ихъ пользу, стали уже думать о томъ, какъ бы избавиться отъ него и самимъ сдѣлаться хозяевами въ пашалыкѣ. Единственнымъ средствомъ для этого былъ бунтъ. Они не преминули воспользоваться и этимъ средствомъ. Именно въ то время, въ 1801 г., когда паша, по приказанію Порты, послалъ своего сына, Дервишъ-бея, къ г. Виддину противъ извѣстнаго Пасванджи, а самъ остался въ Бѣлградѣ съ небольшимъ числомъ кирджаліевъ, янычары взбунтовались и завладѣли предмѣстьемъ и нижнимъ городомъ Бѣлграда, самъ же паша съ кирджаліями заперся въ верхнемъ городѣ (цитадели) [1]). Такъ какъ и тогда Пасваноглу нельзя было нанести существеннаго вреда и Хаджи-Мустафа-пашѣ нечего было ждать помощи отъ своего двора, то онъ сталъ обдумывать, какъ соб-

1) В. С. Караджичъ, Грађа, 6.

ственными силами справиться съ янычарами въ городѣ. Первое, что можно было сдѣлать въ этомъ отношеніи,— это вызвать обратно сына Дервишъ-бея съ его войскомъ, состоявшимъ изъ сербовъ и турокъ. Но янычарскіе начальники сумѣли остановить исполненіе этого намѣренія. Измѣною одного изъ сотниковъ (булюкбаши) кирджаліевъ паши, янычары проникли въ цитадель и, захвативъ пашу, принудили его написать сыну (который уже находился у м. Гроцка), чтобы онъ немедленно распустилъ по домамъ сербовъ, а съ турками удалился изъ предѣловъ Бѣлградскаго пашалыка. Потерявъ всякую надежду на помощь съ этой стороны, паша сталъ совѣщаться со своими довѣренными людьми, особенно съ П. Ичко, и для собственнаго спасенія задумалъ вызвать возстаніе сербовъ противъ янычаръ. Планъ этого возстанія состоялъ въ томъ, что въ разныхъ мѣстахъ пашалыка одновременно должны были появиться сильныя повстанческія банды, съ извѣстнѣйшими и преданнѣйшими людьми во главѣ. Когда эти банды увеличатся до 300—400 человѣкъ, онѣ должны будутъ соединиться, подойти къ Бѣлграду и осадить его. Такимъ образомъ янычары въ городѣ очутились бы между двухъ огней, и были бы опять побѣждены. Какъ кажется, согласно одной земинской записи, кромѣ П. Ичко, въ этотъ планъ были посвящены еще Митрополитъ Леонтій и Янко Катичъ. Неизвѣстно, говорилъ ли объ этомъ Хаджи-Мустафа-паша кому-нибудь изъ турокъ и кому именно. Достаточно того, что кто-то изъ довѣренныхъ лицъ выдалъ янычарамъ планъ паши[1]). И они 15-го декабря 1801 г. объявили въ городѣ, чтобы всѣ христіане заперли свои лавки и отправились по домамъ, турокъ же приглашали взяться за оружіе. Послѣ этого нѣсколько главнѣйшихъ янычаръ отправились въ верхній городъ (крѣпость), а двое изъ нихъ явились къ Хаджи-Мустафа-пашѣ будто-бы для совѣщанія, поклонились ему, и тутъ Кучукъ-Али быстро вынулъ свои два писто-

---

1) Земинская запись 1805—6 гг. по разсказу самого П. Ичко. Архивъ С. К. А. № 389.

лета и обоими выстрѣлилъ прямо въ грудь паши. Послѣдній пробовалъ защищаться, но тѣ тремя ударами кинжала отрубили ему голову. Послѣ того главный начальникъ янычаръ (яничаръ-ага) сталъ править пашалыкомъ до пріѣзда новаго паши[1]). Такъ янычары совершенно завладѣли и Бѣлградскимъ пашалыкомъ, и послѣ почти десятилѣтней (съ 1792 по конецъ 1801 г.) борьбы снова завели тамъ турецко-янычарскій режимъ произвола и насилія, какъ то было до послѣдней австро-турецкой войны. Главные заговорщики изъ янычаръ Мехметъ-ага Фочичъ, Кучукъ-Али, Аганли и Мула-Юсуфъ, ставъ дѣйствительными правителями Бѣлградскаго пашалыка и, раздѣливъ его на четыре части, начали совершать тамъ тѣ же самыя янычарскія и грабительскія насилія и безчинства, противъ которыхъ въ то время вооружалось и центральное турецкое правительство въ Константинополѣ.

Понятно, что при такихъ условіяхъ не было уже никакой возможности оставаться въ Бѣлградѣ ни Петру Ичко, ни другимъ лицамъ, стоявшимъ за прежній порядокъ, утвержденный мудростью и энергіей Хаджи-Мустафа-паши. Прота М. Ненадовичъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ, какъ одинъ изъ дахіевъ, Мула-Юсуфъ, покушался отравить кофеемъ его отца, кнеза Алексу (Алексѣя) Ненадовича. Почувствовавъ дѣйствіе яда, кнезъ Алекса немедленно позвалъ къ себѣ базерджанъ-башу П. Ичко, «съ которымъ (говоритъ Прота въ мемуарахъ) былъ въ прекрасныхъ отношеніяхъ», и онъ давалъ кнезу всякія противоядія, какія только зналъ[2]). Это могло быть въ 1802 г., такъ какъ правленіе дахіевъ продолжалось немного болѣе двухъ лѣтъ (съ конца 1801 до начала 1804 г.). По этому можно было судить, что для людей порядка нѣтъ больше жизни въ Бѣлградскомъ пашалыкѣ. Л. А. Баталака пишетъ, что во время насилія дахіевъ (начиная съ 1802 г.) многіе христіанскіе купцы перебрались въ Землинъ, и между ними упоминаетъ Петра Ичко

---

1) См. письмо землинскаго протоіерея Мих. Пенча къ Митрополиту Стратимировичу отъ 16 дек. 1801 г. Споменик XXXVII, 133.

2) Мемоари, 62—63.

и его брата Наума Ичко[1]). Пр. М. Ненадовичъ разсказываетъ, что въ письмѣ кнеза Ал. Ненадовича, писанномъ весной 1803 г. австрійскому маіору Митезеру въ Землинъ, въ которомъ кнезъ просилъ о присылкѣ офицеровъ и военныхъ припасовъ для возстанія (Фочичъ, передъ тѣмъ какъ казнить кнеза Алексу, приказалъ прочитать это письмо народу въ г. Вальево), — маіору Митезеру рекомендуется, если не повѣритъ письму, разспросить обо всемъ базерджанъ-башу Петра Ичкоглу, изъ чего видно, что тогда, когда письмо это писано (1803 г.), П. Ичко проживалъ уже въ Землинѣ[2]). Итакъ, П. Ичко и послѣ смерти Хаджи-Мустафа-паши засвидѣтельствовалъ свою преданность ему и показалъ, что былъ его приверженцемъ не изъ-за одной выгоды, а и по искреннимъ политическимъ убѣжденіямъ.

Въ возстаніи 1804 г. на первомъ планѣ выдвигается защита жизни и національности со стороны сербовъ, а уже потомъ идетъ борьба противъ произвола янычаръ. Такъ какъ новая партія реформъ въ Турціи, во главѣ которой стоялъ самъ тогдашній султанъ Селимъ III, стремилась также къ уничтоженію или преобразованію янычаръ, и энергично старалась объ обузданіи всякихъ безпорядковъ, то, естественно, и сами турки партіи реформъ (а ей принадлежали всѣ лучшіе люди націи) съ радостью привѣтствовали возстаніе сербовъ и стали оказывать ему поддержку. Къ нимъ присоединились и всѣ бывшіе друзья и сторонники Хаджи-Мустафа-паши. Среди послѣднихъ, конечно, на первомъ мѣстѣ находился и Петръ Ичко, какъ личный другъ и приверженецъ Хаджи-Мустафа-паши и какъ бывшій турецкій чиновникъ и образованный человѣкъ, а потомъ и какъ сербъ и христіанинъ. Весьма возможно, что имъ были составлены и тѣ девять пунктовъ, въ которыхъ были формулированы первоначальныя требованія сербовъ, и которые они предъявили при свиданіи въ Землинѣ 28 апрѣля 1804 г., затѣмъ послали въ Константино-

---

1) Историја српског устанка, 33.
2) Мемоари, 66—67.

поль и, наконецъ, представили Бекиръ-пашѣ въ Бѣлградѣ. Основаніе для такого предположенія мы находимъ въ упоминаніи въ этихъ требованіяхъ Мореи, о которой едва ли зналъ кто-нибудь изъ сербскихъ старшинъ, — и, кромѣ того, нѣкоторые македонизмы въ стилѣ этихъ пунктовъ [1]).

Л. Ранке говоритъ, что П. Ичко особенно потрудился, со стороны сербовъ, въ то время, когда Бекиръ-паша, въ качествѣ представителя султана, стоялъ близъ сербскаго лагеря подъ Бѣлградомъ и въ самомъ Бѣлградѣ, въ іюлѣ 1804 г. Отмѣчено, что тогда же въ сербскомъ лагерѣ палатка П. Ичко стояла рядомъ съ палаткою Карагеоргія [2]). Несмотря на это, изъ одной записки Караджича, въ неизданныхъ его бумагахъ, какъ-бы выходитъ, что П. Ичко тогда еще не переѣзжалъ на жительство въ Сербію, а находился тутъ временно и въ этихъ переговорахъ 1804 г. участвовалъ съ цѣлью оказать услуги. Дѣло въ томъ, что Караджичъ въ упомянутомъ мѣстѣ говоритъ о томъ, какъ Карагеоргій въ 1806 г. пригласилъ П. Ичко изъ Нѣмецкой земли (Австріи) въ Остружницу, а затѣмъ черезъ Валахію отправилъ его въ Константинополь [3]). П. Ичко, поэтому, вплоть до 1807 г. имѣлъ постоянное мѣстожительство въ Землинѣ.

Важнѣйшую изъ дипломатическихъ акцій П. Ичко, Константинопольскіе переговоры 1806 г., мы опишемъ дальше. Эта дѣятельность связала его имя съ возстановленіемъ Сербіи и поставила его въ ряды выдающихся современниковъ. С. Милутиновичъ говоритъ въ «Сербіанкѣ», что Карагеоргій цѣнилъ П. Ичко «какъ родного брата», и что послѣдній и отъ природы и по своимъ дѣламъ стоялъ выше лучшихъ людей того времени. С. Милутиновичъ въ особенности восхваляетъ его ловкость въ переговорахъ съ турками и выдвигаетъ его дружбу съ Иваномъ

1) Текстъ названныхъ девяти пунктовъ былъ сообщенъ (изъ архива Пр. М. Ненадовича) въ первомъ изданіи мемуаровъ, 1867, стр. 288—290. Вотъ македонизмы: «неће да примимо»; «дата по хатишериф»; «да обновљавају цркве и манастири, који су пали и изгорели»; «како и у Мореа што се находи».

2) Л. Ранке, стр. 103.

3) В. С. Караджичъ, Грађа, 206.

Юговичемъ, котораго, подобно В. С. Караджичу, превозноситъ какъ человѣка необыкновеннаго ума и необычайныхъ способностей въ дѣлѣ оцѣнки политической ситуаціи и политической прозорливости.

Послѣ занятія Бѣлграда и перемѣщенія туда Совѣта изъ Смедерева (1807 г.), П. Ичко, по словамъ Л. А. Баталаки, былъ назначенъ членомъ Совѣта, хотя еще находился въ Турціи для переговоровъ [1]).

По своему прошлому и по своей дѣятельности П. Ичко принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые думали, что сербы обязательно должны примириться съ турками, — посредничествомъ со стороны или безъ него, — и остаться въ составѣ Турецкой имперіи. Поэтому онъ всегда искалъ способы, которые привели бы къ такому концу. Какъ это политическое мнѣніе, такъ и дѣло, которое онъ велъ, служа своему убѣжденію, — ставили его въ сторону, болѣе склонную къ турецкому правленію и примирительнымъ идеямъ. Вслѣдствіе этого онъ не могъ быть съ тѣми, которые съ самаго начала возстанія, безъ всякаго знакомства съ дѣлами, средствами и людьми, — тотчасъ стали дѣлать самые оптимистическіе планы насчетъ возстановленія сербскаго государства и полной самостоятельности. Несмотря на это, о немъ отозвался съ похвалой и К. К. Родофиникинъ, который въ одномъ изъ рапортовъ своему правительству, отъ 17 февраля 1808 г., о П. Ичко говоритъ какъ о «человѣкѣ выдающихся дарованій» и видитъ въ немъ одного изъ тѣхъ немногихъ образованныхъ людей Сербіи, которымъ и принадлежитъ заслуга за все, что было сдѣлано въ ней тогда по части благоустройства [2]).

---

1) Л. А. Баталака, Истор. срп. устанка 254. Однако, въ рапортѣ К. К. Родофиникина отъ 17 февраля 1808 г. П. Ичко названъ «купцомъ», изъ чего слѣдуетъ, что замѣчаніе Баталаки не точно. В. С. Караджичъ тоже не упоминаетъ П. Ичко въ числѣ лицъ, назначенныхъ членами Совѣта послѣ его переселенія въ Бѣлградъ, утверждая, что и П. Н. Чардаклія не былъ назначенъ совѣтникомъ. Вукъ приводитъ имена всѣхъ членовъ Совѣта по порядку. Грађа, 65.

2) Н. Дубровинъ, Военный Сборникъ, 1864 г., т. 38, стр. 233. К. К. Родофиникинъ прибавляетъ еще, что, пока было тѣсно и трудно, сербскіе

Когда же въ февралѣ и мартѣ 1807 г. совершенно прекратились переговоры съ Турціей, П. Ичко, въ виду извѣстнаго направленія дѣятельности, остался также безъ дѣла. Какъ человѣкъ заслуженный въ отношеніи новаго порядка, онъ жилъ въ Бѣлградѣ, но больше не упоминается въ связи съ государственными дѣлами. Въ 1808 году умеръ неожиданно, именно 5 мая, какъ то отмѣчено Л. Ковачевичемъ въ регистрѣ при его изданіи мемуаровъ Проты М. Ненадовича. Случилось это такъ. Въ Топчидерѣ была устроена какая-то гостьба («теферич»). Послѣ обѣда П. Ичко сѣлъ на лошадь и поѣхалъ въ Бѣлградъ, но по дорогѣ съ нимъ сдѣлалось дурно и еле живой добрался онъ до дому. Тутъ дѣлали все, чтобы спасти его отъ яда, но безуспѣшно [1]). С. Милутиновичъ воспѣлъ его смерть въ слѣдующихъ полныхъ грусти и почитанія стихахъ:

Та теферич онакови славни,
Што Топчидер не дочек'о дотле,
Смрт оскврни Ичкоглије Петра,
И узнаде с' из чије је главе,
Ал' га Господ ђоја предизабра,
Ол' да Српству једно ј' крило крньо [2]).

Въ этомъ же мѣстѣ С. Милутиновичъ дѣлаетъ намекъ и на причины смерти П. Ичко. Вотъ его слова:

О ви, тобож' просвеђенци неки,
Гадите се ђе дивјаци једу
Себи равне а пљенике своје,
Што немају граде ни Руднике

старшины слѣпо слушались митрополита Леонтія, П. Чардакліи, Өеодора Филиповича (Божи Груёвича) и П. Ичко, а возненавидѣли ихъ, когда, съ переходомъ русской арміи въ Валахію, почувствовали у себя шире около шеи,—такъ что клеветали на нихъ и самую ихъ жизнь ставили въ опасность, — какъ всѣ пакостные невѣжды, которые не выносятъ присутствія въ ихъ средѣ просвѣщенныхъ людей!

1) М. Миличевичъ, Поменик, 188.

2) Сербіанка, III, 40—42

И што к' томе сви од лова живе!
А да како, обазрите с' на се,
Поступате ви с пријан'ма својим,
Ил' сте умни за зла чинит' већа?!
Лажна ј' мудрост злобног дјелатеља,
Тешко л' земљи ће се лест подвуче
Европејца!... чешће чудовишча,
Све ждеравша, нигда л' пенасита!
«Монтецума, вјечно племенити,
«К теб' ето ме, и мој враг је бео!»
То изрекав умрьо је Ичко.

Что означаютъ эти намеки въ стихахъ Милутиновича? Авторъ «Сербіанки» упоминаетъ мексиканскаго царя Монтецуму, который предупредительно и дружелюбно встрѣтилъ испанскаго военачальника Фернанда Кортеса съ толпою авантюристовъ и грабителей, пріѣхавшихъ завоевывать Мексико. Несчастный этотъ царь изъ-за Кортеса и жизнь свою потерялъ, безвинно и почти случайно убитый своими же людьми, — за стараніе мирнымъ путемъ расправить и предотвратить стычки съ завоевателями, о которыхъ думалъ, что они явились по волѣ судьбы. Безъ сомнѣнія изъ этихъ намековъ дѣлались до настоящаго времени выводы, будто П. Ичко былъ отравленъ по наущенію К. К. Родофиникина, котораго поэтъ будто бы ставитъ въ роли Ф. Кортеса, а П. Ичко въ роли Монтецумы. Остается еще вопросъ: кто такое «просвећенац» Милутиновича? Судя по всему и даже по этому же слову, его слѣдуетъ искать среди самихъ сербовъ. Изъ выраженія «Што немају граде ни Руднике» (въ оригиналѣ буква «Р» — прописная) можно подумать на Стефана В. Живковича. Изъ біографіи послѣдняго, — въ неизданныхъ бумагахъ В. С. Караджича и въ мемуарахъ Пр. М. Ненадовича,—видно, что Стефанъ В. Живковичъ до 1806 г. изучалъ въ Вѣнѣ медицину и почти кончалъ когда Прота М. Ненадовичъ, возвращаясь въ упомянутомъ году изъ своей миссіи изъ

Вѣны, взялъ его съ собою и привезъ въ Сербію. Тутъ онъ служилъ сначала писаремъ въ Совѣтѣ въ Смедеревѣ, а потомъ, въ виду его знакомства съ естественными науками, назначенъ былъ въ г. Рудникъ, на должность управляющаго рудниками, открытыми тамъ Совѣтомъ, — гдѣ и оставался до конца 1807 года[1]). Въ началѣ 1808 г. его опять перевели въ Совѣтъ, находящійся тогда уже въ Бѣлградѣ. Въ это время тамъ былъ и К. К. Родофиникинъ. Живковичъ сразу приблизился къ нему и сталъ послушнымъ его орудіемъ. Поэтому, когда въ концѣ 1808 г. отношенія между Карагеоргіемъ и К. К. Родофиникинымъ сильно обострились, первый прогналъ со службы Ст. Живковича. Послѣ того Живковичъ состоялъ нѣкоторое время писаремъ у Миленко Стойковича, пока, въ 1809 году, вмѣстѣ съ К. К. Родофиникинымъ не уѣхалъ изъ Сербіи и, наконецъ, около 1817 г. окончательно поселился въ Россіи[2]). Извѣстно, что онъ умеръ на русской службѣ, а, какъ кажется, въ Россіи и теперь есть его потомки. Итакъ, если П. Ичко дѣйствительно умеръ отъ отравленія, то, согласно стихамъ С. Милутиновича, вина за это падала бы на К. К. Родофиникина и Ст. В. Живковича. Мотивы для такого преступленія можно найти въ политической ситуаціи Сербіи того времени, ситуаціи очень тяжелой и запутанной, которая, понятно, вызывала между старшинами разномысліе и трепіе, побуждавшія ихъ не останавливаться иногда и передъ крайними средствами.

Въ другомъ мѣстѣ[3]) мы уже нарисовали ту ломку, которая

---

1) Кромѣ В. С. Караджича, объ этомъ и С. Милутиновичъ поетъ:

Живковића, Протом доведена,
Одредише старатељем бити
Рудокопства у старом Руднику;
Набавио и мајсторе нужне
Из Нѣмачке и остале ствари,
Пак отпоче ископават' руде
Многог сребра и претапат' чисто.

Сербіанка, III, 30.

2) В. С. Караджичъ, Грађа, 348.

3) См. Годишньица, XXI, 208.

возникла между старшинами въ началѣ 1807 г. по вопросу: мириться ли съ турками, или вмѣстѣ съ русскими, которые уже выступили въ походъ противъ Турціи, — продолжать войну? Жестокія расправы, которымъ подверглись турки въ Бѣлградѣ, Шабцѣ и Парачинѣ, въ февралѣ 1807 г., положили конецъ дальнѣйшимъ колебаніямъ и вызвали обновленіе войны. Когда же лѣтомъ 1807 г., послѣ примиренія между Александромъ I и Наполеономъ, было установлено перемиріе и между Россіей и Турціей, при чемъ русскіе не успѣли внести Сербію въ это перемиріе и она осталась какъ взбунтовавшаяся турецкая область, внѣ его условій, то среди сербскихъ старшинъ снова возникли колебанія начала 1807 г. и разгорѣлись въ настоящіе раздоры, которые довели до образованія между ними русской и антирусской партій. Дѣло, однако, было потомъ улажено, по настоянію Россіи, и турки, чтобы сдѣлать пріятное русскимъ и французамъ, согласились молчаливо признать дѣйствіе перемирія и въ отношеніи Сербіи; а въ 1808 г. Карагеоргіемъ и турецкимъ главнокомандующимъ въ Софіи были подписаны и условія этого перемирія [1]).

Такимъ образомъ, вся осень и зима 1807 и 1808 гг. были заполнены этими спорами и передрягами — между русскими и сербами — съ одной, а сербами и турками — съ другой стороны.

К. К. Родофиникинъ былъ столпомъ русскихъ приверженцевъ въ Бѣлградѣ. Заодно съ нимъ дѣйствовали митрополитъ Леонтій (грекъ по происхожденію и человѣкъ преданный К. Ипсиланти, — какъ и самъ К. К. Родофиникинъ), Ст. В. Живковичъ, а изъ воеводъ П. Добрньяцъ и Миленко Стойковичъ. На другой сторонѣ съ Карагеоргіемъ, который боялся (безпричинно, какъ это мы теперь знаемъ), что Родофиникинъ съ этими своими друзьями орудуетъ противъ него, — стояли Младенъ Миловановичъ и кнезъ Сима Марковичъ, а изъ образованныхъ людей Иванъ Юговичъ и П. Н. Чардаклія. Петръ Ичко и Досиѳей Обрадовичъ, правда, не вмѣшивались въ эти внутрен-

1) Перемиріе въ Парачинѣ.

нія распри, но, тѣмъ не менѣе, по своимъ привычкамъ, тяготѣли больше къ Карагеоргію, какъ верховному правителю страны.

Первая изъ вышеупомянутыхъ группъ полагала, что слѣдуетъ безусловно слушаться Россіи; а такъ какъ Россія вела войну съ Турціей и они считали, что въ концѣ концовъ все будетъ такъ, какъ того захочетъ Россія,— то и возставали противъ Турціи всегда и во всѣхъ случаяхъ. Имъ казалось, что это самый кратчайшій путь для полученія самостоятельнаго и независимаго сербскаго государства. Вторая же группа находила, что русскіе чиновники слишкомъ скоро и неудобно вмѣшиваются въ сербскія внутреннія дѣла и притомъ раньше, чѣмъ успѣли сдѣлать что-нибудь для сербской націи,—и думая больше о томъ, какъ бы удержать то, что уже было пріобрѣтено, были не прочь вступить въ переговоры съ Турціей и даже съ Австріей, лишь бы только этими переговорами скорѣе заручиться и обезпечить себѣ прочный миръ, хотя бы и съ умѣренными пріобрѣтеніями.

Мы уже упоминали, что П. Ичко шелъ съ людьми второй группы, о чемъ не трудно догадаться и изъ разсказаннаго впереди. И симпатіи его были на сторонѣ людей той категоріи. Изъ стихотвореній С. Милутиновича мы видимъ, что съ П. Ичко больше всего сходился и былъ въ тѣснѣйшей дружбѣ Иванъ Юговичъ. Про Юговича всѣ говорятъ, что это былъ одинъ изъ самыхъ умныхъ и самыхъ ученыхъ сербовъ того времени. И В. С. Караджичъ даетъ о немъ слѣдующій весьма лестный и весьма похвальный отзывъ. «Чтобы не сказать», — говоритъ Вукъ, — «что никто изъ сербовъ нашего времени не могъ бы сравниться съ нимъ въ знаніи и наукѣ, скажу только то, что, безъ всякаго сомнѣнія, онъ былъ однимъ изъ числа извѣстнѣйшихъ и умнѣйшихъ сербовъ»[1]). С. Милутиновичъ не меньше Вука восхваляетъ его въ своихъ стихахъ. Упоминая о томъ, что Карагеоргій любилъ П. Ичко «какъ родного брата», С. Милу-

---

1) Грађа, 277—278.

тиновичъ спеціально выдвигаетъ дружбу П. Ичко и И. Юговича. Этой дружбѣ онъ и посвятилъ слѣдующіе стихи:

Ах да ли се још продужи дружба
Петра славног с Југовићем ретким!
Онај радо свуд за Србе главом
И памећу стај'о у Турака,
К'о и овај Србом се додав'о,
Да га ставе на дно у Небојшу
Ђе су змије и скорпије јетке,
Да г' окују како грђе знаду,
Пак отале да га допитују
За сва дјела у правльенью земльe,
Ал' да слѣде и ньегову сјету,
Пак и у чем ако б' назаднули
Одмах смрћу да г' накажу грозном[1]).

А что и И. Юговичъ въ 1807 г. стоялъ за примиреніе съ турками, видно изъ стиховъ С. Милутиновича, гдѣ онъ вспоминаетъ, какъ П. Добрньяцъ вырѣзалъ турецкихъ пословъ, и гдѣ говоритъ:

Југовићу, залуду ти труди
Најславније испословат' перцем,
Дар одбачен Народнијем Вождом
И нагльецом... исјечени посли
Сјајне Порте и премногомоћне
Преко сваког народнога права
А с вольенья давно жельне дружбе
Против Турак' с Рус'ма дјејствовати[2]).

1) Сербіанка, III, 40—42. Въ доказательство правильности такой оцѣнки со стороны поэта, достаточно сослаться на весьма тяжелый и прямо критическій 1809 годъ. Въ тотъ самый моментъ, когда К. К. Родофиникинъ, П. Добрньяцъ и Ст. В. Живковичъ находили, что слѣдуетъ оставить страну, Юговичъ совѣтовалъ Карагеоргію твердо стоять и не поддаваться. Можно только пожалѣть, что и въ 1813 г. около Карагеоргія не нашлось какого-нибудь И. Юговича!

2) Сербіанка, II, 144. «Наглецомъ», по нашему мнѣнію, здѣсь названъ

По своему характеру Карагеоргій былъ бы всегда съ такими дѣятелями, какъ П. Добрньяцъ, Миленко Стойковичъ и Ст. В. Живковичъ, но мотивы внутренней политики заставляли его склоняться къ болѣе умѣренной политикѣ, такъ какъ за нее стояли тѣ его друзья, на которыхъ онъ могъ вполнѣ положиться и относительно которыхъ былъ увѣренъ, что они никогда не оставятъ его. Между тѣмъ П. Добрньяцъ, М. Стойковичъ и др., которые всѣ потомъ сдѣлались горячими русскими сторонниками,—дѣйствительно старались воспрепятствовать Карагеоргію стать полнымъ хозяиномъ-правителемъ всей страны, не желая подчиняться его приказаніямъ. Они олицетворяли въ себѣ борьбу мѣстной автономіи и независимости, — къ которымъ тяготѣли,— противъ централизаціи власти, которую представлялъ Карагеоргій. Этотъ послѣдній въ самомъ дѣлѣ стремился всю власть и правленіе, какъ они тогда понимались, — сосредоточить и удержать въ своихъ рукахъ, а затѣмъ передать своимъ дѣтямъ. Поэтому Карагеоргій, видя, что около русскихъ чиновниковъ собираются и группируются его противники, боялся Россіи, какъ орудія въ ихъ рукахъ. И поэтому же онъ часто сожалѣлъ о томъ, что не удержалось въ силѣ соглашеніе П. Ичко 1807 года. Самъ К. К. Родофиникинъ разсказываетъ въ своихъ рапортахъ, какъ однажды, въ ноябрѣ 1807 г., во время какого-то горячаго спора, Карагеоргій, обращаясь къ нему, сердито сказалъ: «Вы сами приказали, чтобы мы на это (т. е. на примиреніе съ турками) не соглашались, и мы исполнили ваше приказаніе». Затѣмъ прибавилъ, что отрубитъ голову каждому совѣтнику, который не сталъ бы слушаться К. К. Родофиникина, — и уѣхалъ въ Тополу[1]). Эта рѣзкость въ обращеніи Карагеоргія даетъ ясное понятіе о томъ, каково было его личное мнѣніе осенью 1807 г. (а это и послѣ много разъ повторялось) о русско-сербской политикѣ, къ которой рѣшительно приступили весною

Петръ Добрньяцъ, такъ какъ тутъ упоминается его рѣзня турецкихъ чиновниковъ въ Парачинѣ 1807 г.

1) Н. Дубровинъ, Русскій Вѣстникъ, т. 46, стр. 136—137.

1807 г. Такое мнѣніе и такія же чувства имѣли своихъ представителей и среди другихъ сербскихъ старшинъ, при чемъ эти чувства смѣшивались съ чувствами внутренней политики, съ симпатіями и антипатіями къ той или другой личности, что̀ еще больше обостряло отношенія. Тѣ люди, которымъ во что бы то ни стало хотѣлось видѣть торжество союза съ русскими, могли считать препятствіемъ для своей политики и человѣка съ заслугами Петра Ичко, въ особенности если знали, что онъ ихъ надежды не вполнѣ раздѣляетъ и ихъ взгляды не одобряетъ. Кромѣ того, его положеніе могло казаться и опаснымъ для этихъ взглядовъ, такъ какъ можно было бояться, какъ бы обстоятельства снова не выдвинули его впередъ и не отбросили на задній планъ и тѣ взгляды и тѣ способы и пути спасенія и благоустройства Сербіи, въ которые они вѣрили. Политическія страсти всѣхъ временъ движутся такими двигателями и производятъ преступленія, различающіяся только по формѣ, по времени и по культурному уровню среды, но совершенно однородныя по своимъ началамъ и источникамъ.

Возвращаясь къ смерти Петра Ичко, мы опять утверждаемъ, что замѣтка объ его отравленіи при гостьбѣ въ Топчидерѣ, 5-го мая 1808 г., отнюдь не имѣетъ характера такой записи, въ достовѣрности которой нельзя было бы усомниться. Источникъ же ея — молва и разсказы. Извѣстно, что тотъ же духъ партійности, о которомъ мы только что говорили, охотно приписываетъ своимъ противникамъ и такія политическія преступленія, которыя иначе нельзя было бы доказать. И это бываетъ во всѣ времена и на всѣхъ ступеняхъ образованія. Значитъ, то же самое могло случиться и въ 1808 году въ Сербіи. Но если П. Ичко дѣйствительно палъ жертвою своихъ политическихъ враговъ, тогда слѣдуетъ признать, что нападеніе на него могло произойти только на почвѣ рѣзкаго противорѣчія между политикою тѣснѣйшаго союза съ русскими,—съ одной и примиренія съ турками,— съ другой стороны, и въ такомъ случаѣ его враговъ надо искать среди тѣхъ лицъ, которыхъ мы выше называли.

П. Ичко похороненъ у монастыря Раковицы, близъ Бѣлграда, какъ человѣкъ, имѣющій заслуги передъ своимъ народомъ. Послѣ него остался въ живыхъ его братъ Наумъ Ичко, который въ 1813 г. также былъ назначенъ базерджанъ-башой. Въ 1816 году князь Милошъ снова утвердилъ Наума Ичко въ этой должности, которую онъ и занималъ до 1820 г.[1]). Безъ сомнѣнія, князь Милошъ этимъ назначеніемъ хотѣлъ выразить почитаніе и признательность памяти Петра Ичко и его заслугамъ для Сербіи со времени 1806 года.

II.

Формула сербскихъ требованій 1804 г. и сравненіе съ прежнимъ состояніемъ 1792—1801 гг. Австрійскій взглядъ на настоящее сербское движеніе. Миссія Бекиръ-паши (съ іюля по августъ 1804 г.) и первая попытка примиренія. Сербское требованіе иностранной (австрійской) гарантіи выполненія условій примиренія. Холодность и Австріи и Турціи къ этому желанію сербовъ. Сербскіе делегаты въ С.-Петербургѣ. Результаты этой миссіи. Связи съ Россіей черезъ Букарештъ. Примирительная работа при посредствѣ кн. Ипсиланти и его роль въ этомъ дѣлѣ. Сербская депутація въ Константинополѣ и новыя требованія сербовъ отъ апрѣля 1805 г. Оцѣнка послѣднихъ и сравненіе съ требованіями 1804 г. Перемѣна въ расположеніи Порты къ сербскому возстанію. Рѣшеніе Порты подавить возстаніе въ Сербіи при посредствѣ силы. Нападеніе Гафисъ-паши (августъ 1805 г.). Порученіе изъ С.-Петербурга послать новую депутацію въ Константинополь (въ концѣ 1805 г.).

Въ исторіи сербскаго возстанія весьма интересно прослѣдить ту постепенность, съ какою желанія народныхъ старшинъ о формулѣ новаго порядка и новаго государственнаго состава поднимались и росли съ низшей ступеньки на высшую, отъ меньшаго къ большему.

Хотя это мы и разсматриваемъ въ спеціальномъ трудѣ, все-таки, для ясности, считаемъ необходимымъ и здѣсь представить коротенькое обозрѣніе этихъ ступеней развитія сербскихъ жела-

---

1) М. Петровић, Финансије и установе обновљене Србије, Београд 1897, стр. 203.

ній въ дѣлѣ формулировки новаго государства, для того, чтобы лучше было видно, на какой ступени и за какую формулу выступаетъ въ дипломатическую акцію Петръ Ичко.

Первый случай, при которомъ желанія сербскаго народа могли быть выражены, показался въ концѣ апрѣля 1804 г., когда, вслѣдствіе просьбы о содѣйствіи со стороны начальниковъ сербскихъ повстанческихъ отрядовъ, австрійскія власти получили приказаніе сдѣлать попытку примиренія повстанцевъ съ турками. По этому поводу, собственно говоря, и состоялось впервые сближеніе и соединеніе въ нѣкоторый общій союзъ всѣхъ сербскихъ вожаковъ, которые раньше дѣйствовали безъ солидарности и отдѣльно, каждый на свою сторону. Дѣло въ томъ, что именно въ виду такого австрійскаго приглашенія и для того, чтобы знать, чего требовать отъ турокъ и австрійцевъ вообще — отъ имени всего бунтующаго пашалыка, — Карагеоргій въ Юрьевъ-день созвалъ было въ м. Остружницѣ близъ Бѣлграда какъ бы нѣкоторое общее собраніе старшинъ Шумадіи и Подринья. На этомъ собраніи и были утверждены основные пункты первой сербской государственной или автономной программы, которая 28 апрѣля 1804 г., во время переговоровъ въ Землинѣ, въ присутствіи австрійскаго комендапта, была сообщена турецкимъ делегатамъ изъ Бѣлграда, а потомъ, когда землинская попытка примиренія осталась безъ всякихъ результатовъ, — послана и Портѣ въ Константинополь, въ качествѣ формулы тогдашнихъ сербскихъ требованій.

Формула эта состояла изъ девяти пунктовъ, въ которыхъ въ видѣ условій примиренія выставлены были слѣдующія требованія:

а) Чтобы дахіи были истреблены, а вмѣстѣ съ тѣмъ и установленные ими читлукъ - сахибійскія отношенія въ Сербіи.

б) Чтобы сербы, до пріѣзда султанскаго войска, представили въ помощь бѣлградскому пашѣ отрядъ въ 1500 вооруженныхъ воиновъ, для безопасности своей и его самого.

в) Чтобы царскимъ фирманомъ сербамъ была объявлена

амнистія, и чтобы никто не подвергался взысканію за участіе въ возстаніи.

г) Чтобы каждый визирь правилъ раей въ смыслѣ гатишерифа 1793 г., и чтобы налоги не увеличивались больше тогда установленной нормы.

д) Чтобы въ каждой нахіи (округѣ) былъ учрежденъ судъ; чтобы судьями были люди способные и честные; чтобы во всемъ судили по закону и, наконецъ, чтобы никто не могъ быть наказанъ безъ суда.

е) Чтобы сербы, – все согласно тому же гатишерифу 1793 г., — свободно могли возобновлять сожженныя церкви и монастыри; чтобы было свободно исполненіе религіозныхъ обрядовъ; чтобы турки не вмѣшивались въ христіанскія свадьбы, и чтобы духовныя лица (священники и монахи) не подлежали турецкому суду, а судились бы у своихъ духовныхъ начальниковъ—архіереевъ.

ж) Чтобы по округамъ было свободно заниматься торговлей, и чтобы каждый сербъ могъ продавать свое имущество тому, кто дастъ лучшую цѣну за него.

з) Чтобы рая сама избирала своихъ кнезовъ, которыхъ долженъ утверждать визирь. Они же, въ свою очередь, избираютъ верховнаго кнеза, который, такимъ образомъ, является главою всего сербскаго народа. Черезъ послѣдняго совершаются всѣ сношенія съ народомъ и визиря и другихъ чиновниковъ Порты; такъ, черезъ него совершается раскладка дани, которую собираютъ мѣстные кнезы, приносятъ верховному, а онъ передаетъ Портѣ и т. д., какъ оно было въ Мореѣ [1]).

і) Послѣ того, какъ Порта дастъ удовлетвореніе по всѣмъ вышеизложеннымъ пунктамъ, сербы будутъ готовы и жизнь свою пожертвовать, когда Порта отъ нихъ того потребуетъ, и вообще обѣщаютъ оставаться у нея въ полномъ повиновеніи во всемъ.

Вотъ первыя сербскія требованія въ девяти пунктахъ, о которыхъ Пр. М. Ненадовичъ въ Мемоарахъ упоминаетъ три

1) Мемоари Пр. М. Ненадовича, въ изданіи Л. П. Ненадовича 1867 г. стр. 288—289.

раза: при совѣщаніи въ Землинѣ, при началѣ осады Бѣлграда и при предъявленіи ихъ Бекиръ-пашѣ [1]). Очевидно, вездѣ рѣчь идетъ объ одномъ и томъ же актѣ. Однако, Л. А. Баталака, въ своей книгѣ о сербскомъ возстаніи, говоритъ, что подъ девятымъ пунктомъ слѣдуетъ понимать требованіе сербами австрійскаго поручительства, которое сербскіе старшины не хотѣли предъявлять письменно, а высказали его устно Бекиръ-пашѣ [2]).

Эти требованія олицетворяли въ себѣ тотъ порядокъ, который тамъ существовалъ на практикѣ во время Хаджи-Мустафа-паши, а въ видѣ мѣстной автономіи встрѣчался и въ разныхъ другихъ областяхъ Турецкой имперіи. Упоминаніе же Мореи показываетъ, что сербскія требованія были написаны человѣкомъ, знавшимъ тамошніе порядки. Въ Мореѣ, въ главномъ городѣ области, Триполицѣ (какъ въ Сербіи въ Бѣлградѣ), дѣйствительно практиковался тотъ же способъ собиранія дани, какъ въ Бѣлградскомъ пашалыкѣ при Хаджи-Мустафа-пашѣ. Тамъ паша въ Триполицѣ съ народными старшинами опредѣлялъ сумму дани, которая потомъ раскладывалась между общинами и семьями [3]).

Вышеупомянутое сербское предложеніе представляло собою нѣкотораго рода соединеніе областной автономіи съ мѣстнымъ самоуправленіемъ. Въ немъ внутреннее единство области выступало только въ связяхъ съ сувереннымъ турецкимъ правительствомъ черезъ верховнаго кнеза; въ округахъ же власть окружныхъ кнезовъ, въ предѣлахъ предоставленныхъ имъ верховною турецкою властью, почти ничѣмъ не ограничивалась.

Не забыто въ немъ ни существовавшее при Хаджи-Мустафа-пашѣ — народное войско. Упомянута также и автономія духовныхъ властей, хотя права, которыхъ добивались сербы, и безъ того вездѣ признавались за греческими архіереями по автоном-

1) Мемоари, стр. 104—117.

2) Историја срп. устанка, стр. 152. Пр. М. Ненадовичъ дополняетъ это замѣчаніе, говоря, что требованіе поручительства было предъявлено на другой день послѣ передачи девяти приведенныхъ пунктовъ.

3) G. G. Gervinus, Geschichte des Aufstandes und der Wiedergeburt von Griechenland I, 17.

нымъ правиламъ Вселенской Церкви. Тираническая расправа дахіевъ и казнь Хаджи-Руфима, Хаджи-Дьеры и какого-то священника въ Пожаревацкомъ округѣ, — могли послужить непосредственнымъ поводомъ для такого требованія.

Въ сравненіи съ состояніемъ при Хаджи-Мустафа-пашѣ выступали болѣе точно выраженныя права народа на избраніе окружныхъ кнезовъ; кромѣ того вновь устанавливалась должность верховнаго кнеза, въ лицѣ котораго сильнѣе выставлялась національная самостоятельность христіанъ и, наконецъ, создавался чистый типъ областной автономіи подъ турецкимъ верховенствомъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что каждый изъ вожаковъ (воеводъ) стремился сохранить за собою ту самостоятельность и власть, которыя до тѣхъ поръ, — при тогдашнемъ странномъ стеченіи обстоятельствъ — успѣлъ забрать въ свои руки. Установленіе же верховнаго кнеза, въ качествѣ обще-народнаго представителя и посредника въ отношеніи суверенной власти, — было новостью, которой при Хаджи-Мустафа-пашѣ не существовало. Кромѣ необходимости дать народной автономіи опредѣленный типъ, этимъ нововведеніемъ освящалось созданное уже на практикѣ положеніе главнаго старшины — Карагеоргія. Изъ дальнѣйшаго будетъ видно, какъ много расчитывалъ на это самъ Карагеоргій.

Въ другомъ мѣстѣ мы скажемъ и объяснимъ, какъ тѣ же бунтующіе сербскіе кнезы и воеводы жаловались и султану на безпорядки и насилія дахіевъ, вызвавшія ихъ на бунтъ. То же самое дѣлали и спагіи, изгнанные дахіями изъ ихъ помѣстій; они жаловались отъ имени своего и своихъ христіанъ, для чего и присоединили къ себѣ кнеза Іоанна Рашковича.

Для Австріи, въ то смутное для Европы время, — всѣ осложненія на южной ея границѣ были весьма не съ руки. Австрія тогда вовсе не искала войны съ Турціей и желала поддерживать съ нею дружественныя отношенія. Не хотѣла она также недоразумѣній съ Россіей, съ которой давно (съ 1781 года) состояла въ союзѣ и дружбѣ, и совмѣстно съ которою еще такъ

недавно начала было войну противъ Турціи, войну (1788—1791 гг.), цѣлью которой открыто выставлялось желаніе уничтожить и раздѣлить Турцію.

Смуты, вызванныя французской революціей, незначительные военные успѣхи и смерть императора Іосифа II помѣшали осуществленію на этотъ разъ такого плана.

Созданіе въ Сербіи новой автономіи безъ австрійскаго руководительства и въ то время, когда Австрія, занятая на другой сторонѣ, не могла воздѣйствовать и силою, — возбуждало въ Вѣнѣ сомнѣніе, чтобы и эта автономія не пошла путемъ Валахіи и Молдавіи — еще сильнѣе въ сторону русскихъ, тѣмъ болѣе, что въ Бѣлградскомъ пашаликѣ и кругомъ его населеніе не только православное, но и славянское. Поэтому въ Вѣнѣ совершенно искренно желали, чтобы возстаніе, вспыхнувшее въ Сербіи 1804 г., по причинамъ весьма основательнымъ, — прекратилось и успокоилось, и чтобы сербы остались въ такомъ же положеніи, въ какомъ они находились до времени дахіевъ, хотя бы и съ нѣкоторыми поправками въ смыслѣ лучшаго и болѣе спокойнаго житья. Для австрійской политики выгоднѣе всего было удержать движеніе въ Бѣлградскомъ пашаликѣ въ томъ же положеніи, до другого времени, когда у Австріи будутъ развязаны руки для разрѣшенія этого спора.

Всѣ эти условія въ совокупности дали въ результатѣ то, что Порта въ Константинополѣ рѣшилась, — съ благосклонными чувствами къ сербамъ, которые, казалось, возстали въ защиту порядка и центральной законной власти въ пашаликѣ, — послать въ Бѣлградъ боснійскаго визиря Бекиръ-пашу съ приказаніемъ возстановить порядокъ въ Бѣлградскомъ пашаликѣ и снова водворить тамъ миръ и спокойствіе. Въ Вѣнѣ уже 13/25 мая 1804 г. знали о возложеніи такой миссіи на Бекиръ-пашу [1]), — изъ чего слѣдуетъ, что рѣшеніе объ этой миссіи было принято Портой еще до переговоровъ въ Землинѣ, — по всей вѣроят-

1) См. рапортъ императору отъ 13/25 мая 1804 г. у Богишича: Разборъ сочиненія и т. д., стр. 33.

ности во второй половинѣ апрѣля. Полагаемъ, что около половины мая и Бекиръ-паша былъ увѣдомленъ объ этомъ назначеніи, когда получилъ и нужныя инструкціи. Въ Сербію же Бекиръ-паша отправился только во второй половинѣ іюня, послѣ того какъ собралъ небольшой отрядъ войска. Пр. М. Ненадовичъ разсказываетъ, что въ началѣ или около половины іюля сербами и турками у Бѣлграда была получена «буюрундія» (приказъ визиря) Бекиръ-паши, въ которой тотъ приказывалъ, чтобы обѣ стороны воздерживались отъ борьбы, и сообщалъ, что онъ посланъ султаномъ для примиренія сербовъ съ дахіями. Переговоры дѣйствительно начались еще до конца іюля 1804 г., такъ какъ извѣстно, что вечеромъ 25 іюля дахіи были уже въ Адакалэ, ибо въ тотъ же день были тамъ умерщвлены посланникомъ Карагеоргія, Миленко Стойковичемъ. Немедленно затѣмъ сербы поднесли Бекиръ-пашѣ въ бѣлградской крѣпости свои требованія,— тѣ же самыя, которыя 28 апрѣля предъявлялись ими въ Землинѣ и которыя вскорѣ послѣ того были посланы въ Константинополь. Для Сербовъ самымъ важнымъ было то, которое и не было записано, а именно—требованіе поручительства со стороны Австріи за все, что̀ повстанцы выговорили бы для себя отъ представителя султана. Объ этомъ сербскіе старшины думали еще раньше, нежели Бекиръ-паша прибылъ къ Бѣлымъ Водамъ у Жаркова—vis-à-vis сербскаго лагеря подъ Бѣлградомъ.

Сохранился черновикъ письма отъ 20-го іюля 1804 г., писаннаго въ сербскомъ осадномъ лагерѣ въ Топчидерѣ, съ которымъ подписавшіеся подъ нимъ сербскіе старшины обращались къ австрійскому кесарю (императору) съ просьбою о помощи и посредничествѣ. Въ этомъ письмѣ старшины благодарятъ императора за то, что онъ довелъ до свѣдѣнія султана объ ихъ страданіяхъ и совершаемыхъ надъ ними насиліяхъ. Между тѣмъ, съ Божіею помощью, они сами теперь избавились отъ всего этого, и нынѣ только ищутъ способовъ и пути, какъ бы упрочить этотъ новый порядокъ вещей. Султанъ же послалъ своего человѣка, боснійскаго визиря Бекиръ-пашу, съ цѣлью возстановить у нихъ закон-

ность и порядокъ. «Но паши — люди смертные и непостоянные, а мы отъ нашего царя весьма отдалены и поэтому не всегда и во время можемъ получить защиту». Въ виду этого сербскіе старшины просятъ императора, чтобы и онъ, въ свою очередь, не отказалъ имъ въ помощи и послалъ бы своихъ представителей, которые были бы посредниками и свидѣтелями въ дѣлѣ новаго устройства и соглашенія сербовъ съ посломъ султана. Сербскіе старшины просятъ и о томъ, чтобы кесарь (императоръ) подтвердилъ и поручился за новый порядокъ, который будетъ установленъ переговорами съ Бекиръ-пашой, — по утвержденіи его султаномъ, — ибо только такъ можно было бы предупредить насилія въ Сербіи. Наконецъ старшины просятъ кесаря послать своихъ представителей въ Бѣлградъ или куда онъ найдетъ за лучшее, лишь бы только они скрѣпили договоръ съ Бекиръ-пашой[1]).

Имѣется и другое указаніе, — въ одномъ письмѣ митрополита Стратимировича, — на то, что упомянутое письмо кесарю было передано въ Славонскую Генералъ-Команду съ просьбою отослать его по назначенію. Дѣло въ томъ, что, обращаясь къ австрійскому императору, сербы искали тутъ помощи и содѣйствія и у своего митрополита Стратимировича. И дѣйствительно митрополитъ Стратимировичъ 4/16 августа писалъ объ этомъ сербскомъ дѣлѣ эрцгерцогу Карлу, состоявшему въ то время военнымъ и морскимъ министромъ Австріи. Въ этомъ письмѣ митрополитъ говоритъ, что онъ отлично понимаетъ, что при существующихъ обстоятельствахъ нельзя ничего сдѣлать для удовлетворенія прошенія сербовъ, такъ какъ дружественныя отношенія Австрійскаго и Турецкаго Дворовъ не позволяютъ предпринимать какіе бы то ни было шаги въ этомъ направленіи. Но, все-таки, Стратимировичъ утверждаетъ, что сербы въ правѣ требовать какихъ-нибудь гарантій, иначе, при извѣстной склонности турокъ къ своеволію, безпорядку и насилію (въ доказательство этого онъ приводитъ недавніе примѣры) и при ихъ невѣжествѣ,

---

1) Гласник, II, стр. 221—222.

всѣ обѣщанія ихъ и договоры, какъ бы ясно ни установлялись на бумагѣ,— нельзя считать достаточными для обезпеченія мира и порядка. Итакъ, предусматривая невозможность исполненія того, о чемъ просили сербы, митрополитъ Стратимировичъ, тѣмъ не менѣе, обращаетъ вниманіе эрцгерцога Карла на то, что можно было бы собрать тѣ факты, которые имъ уже извѣстны, прибавить то что представляютъ сербскіе старшины и что онъ самъ сообщалъ, и воспользоваться этимъ для посредничества въ видахъ установленія болѣе прочнаго мира у южныхъ границъ Имперіи. Излагая съ почтительностью и смиреніемъ это предложеніе и напоминая, что во всемъ этомъ онъ руководствуется данными ему въ свое время инструкціями съ наивысшаго мѣста, — митрополитъ Стратимировичъ сообщаетъ и о томъ, что не преминулъ передать и сербскимъ старшинамъ отвѣтъ въ такомъ же смыслѣ; а именно, онъ велѣлъ сказать имъ, что ихъ просьба трудно исполнима, что въ особенности тогда (когда только что были казнены дахіи, для удовлетворенія ихъ) имъ слѣдуетъ показывать возможно больше довѣрія и предупредительности по отношенію къ Бекиръ-пашѣ, которому нужно искренно открыть всѣ свои желанія и что, наконецъ, имъ слѣдуетъ сообразоваться съ его совѣтами и указаніями, а особенно заботиться о томъ, чтобы ни подъ какимъ видомъ и ничѣмъ не оскорбить ни Бекиръ-пашу, ни кого бы то ни было изъ чиновниковъ султана[1]).

Между тѣмъ сербскіе старшины дѣйствовали и дальше такъ, какъ считали нужнымъ. Когда, около 31 іюля 1804 г., они прочитали Бекиръ-пашѣ вышеприведенныхъ восемь пунктовъ, тотъ отвѣтилъ имъ: «Иншала, иншала! Будетъ еще лучше; все получите»! Но когда упомянули объ австрійскомъ поручительствѣ, Бекиръ-паша рѣзко отказалъ въ этомъ требованіи, говоря: «Въ нашего царя земли никто не смѣетъ вмѣшиваться; у нашего царя много вѣрныхъ турокъ, которые ему скажутъ, кто виноватъ»[2]). Изъ этого сербскіе старшины увидѣли, что Бекиръ-паша

1) Архив Срп. Краљ. Академије, № 386.
2) Мемоари Пр. М. Ненадовича, стр. 117—119.

уклоняется отъ дачи гарантій, а старается только замазать имъ глаза и провести ихъ, по старому и хорошо извѣстному турецкому способу. А такъ какъ, съ другой стороны, было извѣстно, что и Австрія не въ состояніи оказать имъ въ этомъ дѣлѣ помощь, которую они отъ нея ожидали, — старшины склонились послѣдовать совѣтамъ своихъ австрійскихъ соплеменниковъ, въ особенности П. Н. Чардакліи, и рѣшили послать депутацію въ Россію и тамъ поискать совѣта и помощи въ дѣлѣ охраны народныхъ правъ.

Но хотя сербскіе старшины и считали, что въ переговорахъ съ Бекиръ-пашой отсутствуетъ самый главный пунктъ: гарантія иностранной державы, которая, въ случаѣ поворота назадъ, вслѣдствіе ли безпорядочности или своеволія турокъ, — была бы въ состояніи вступиться за Сербію, и хотя, потерявъ надежду на помощь сосѣдней Австріи, — послали депутацію въ Россію, — передъ Бекиръ-пашой они показывали видъ, что соглашаются на всѣ его обѣщанія. Не выпуская изъ рукъ ничего изъ своей добычи, они старались получить отъ Бекиръ-паши все возможное и при его помощи укрѣпить и расширить свои пріобрѣтенія. Изъ донесеній прусскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Бильфельдта отъ 12/24 августа 1804 г. видно, что тогда Порта, вѣроятно, по совѣтамъ Бекиръ-паши, — объявляла сербамъ, что подтвердитъ ихъ «привиллегіи» и «что правленіе надъ народомъ останется въ рукахъ народныхъ кнезовъ; а турецкое войско ограничится только своею чисто-военною службою»[1]). И сербы одно время думали, что порядокъ въ самомъ дѣлѣ будетъ возстановленъ и они примирятся съ турками. Внѣшній порядокъ мирнаго состоянія дѣйствительно установился въ Бѣлградскомъ пашалыкѣ. Осадная сербская линія кругомъ Бѣлграда была снята. Въ Бѣлградъ снова ходили, какъ и раньше — до возстанія. И Бекиръ-пашѣ, спеціальному послу султана, и Ага-Гассанъ-пашѣ, бѣлградскому коменданту, и Гушанацъ-Али, начальнику гарнизона, — всѣмъ

1) J. W. Zinkeisen: Geschichte d. Osman. Reiches in Europa, VIII, 305, примѣч.

сербы, въ натурѣ и деньгами, давали полное содержаніе и все, что имъ слѣдовало, какъ чиновникамъ султана. Турки послали муселимовъ (въ родѣ окружныхъ начальниковъ) во всѣ нахіи, чтобы вмѣстѣ съ сербами вершить судъ въ народѣ. И спагіи тоже отправились въ свои помѣстья собирать десятину. Протоіерей Мих. Пеичъ изъ Землина 1 августа 1804 г. писалъ митрополиту Стратимировичу, что сербы выбрали двадцать новыхъ кнезовъ, которые будутъ собирать подати отъ народа, и что Бекиръ-паша принялъ ихъ и въ знакъ утвержденія въ должности надѣлъ на нихъ кафтаны. Вскорѣ затѣмъ былъ смѣщенъ и Ага-Гассанъ-паша, а на его мѣсто назначенъ Сулейманъ-паша, который во время Хаджи-Мустафа-паши занималъ постъ мухасила (шефа финансоваго управленія области). Несмотря на это, фирмана все еще не было, а все происходило и совершалось на основаніе простого соглашенія сербскихъ старшинъ съ Бекиръ-пашой и обѣщаній послѣдняго. Паша думалъ, что онъ только возстановляетъ прежній порядокъ, который существовалъ при Хаджи-Мустафа-пашѣ, а сербы, — что вводится новое положеніе, и поэтому все время ждали фирмана и поручительства какой-нибудь изъ иностранныхъ державъ. А тутъ еще Бекиръ-паша, войдя въ бѣлградскую крѣпость съ небольшими силами, попалъ въ руки Гушанацъ-Али, военачальника дахіевъ и фактическаго хозяина Бѣлграда. Гушанацу вовсе не хотѣлось дѣлать какія бы то ни было уступки, такъ что въ скоромъ времени стало видно, что бѣлградскіе турки не слушаются посла султана. Съ другой стороны, и сербскимъ воеводамъ не хотѣлось выпускать изъ своихъ рукъ власти, пріобрѣтенной въ борьбѣ 1804 г. Поэтому, видя, что нѣтъ ни фирмана, ни поручительства Австріи, они въ концѣ августа 1804 г. обратились къ Россіи и стали ждать, что принесутъ имъ оттуда ихъ депутаты. Въ концѣ октября Бекиръ-паша возвратился въ Боснію, оставляя и Бѣлградъ и Сербію въ такомъ же положеніи, въ какомъ ихъ и засталъ. Такъ какъ турками ничего не было исполнено, кромѣ казни дахіевъ и того, что сами сербы взяли съ оружіемъ въ рукахъ,—обѣ стороны вошли

въ зиму 1804—5 гг. въ ожиданіи и готовясь къ чему-то. Доклады Бекиръ-паши изъ Бѣлграда скорѣе всего могли открыть глаза Портѣ и показать ей, что собственно началось и подготовляется въ Бѣлградѣ. Слухи и сообщенія съ другихъ сторонъ дополнили то, о чемъ въ началѣ 1804 г. въ Константинополѣ имѣли весьма неполное и одностороннее представленіе.

Въ началѣ 1805 г. въ Сербію возвратились делегаты изъ Россіи. Хотя они тамъ и были приняты довольно холодно и сдержанно, тѣмъ не менѣе, ихъ миссія дала много послѣдствій, важныхъ для позднѣйшаго развитія сербскаго дѣла. Они принесли оттуда привѣтствія и совѣтъ черезъ особую депутацію представить свои требованія непосредственно Портѣ въ Константинополѣ, а Россія постарается, черезъ своего посла, посодѣйствовать принятію и выполненію сербскихъ желаній. Назначенъ и нѣкоторый предѣлъ для этихъ желаній, такъ напр. сказано, что отъ Порты слѣдуетъ искать хорошаго визиря и освобожденія отъ Гушанаца и отъ насилій[1]). Вообще, значитъ, то была программа Бекиръ-паши и австрійская[2]).

Одинъ изъ депутатовъ, П. Н. Чардаклія, остался въ С.-Петербургѣ, съ цѣлью дождаться нѣкоторыхъ новыхъ донесеній изъ Константинополя и потомъ уѣхать въ Букарештъ, гдѣ долженъ былъ оставаться въ качествѣ посредника между С.-Петербургомъ и Бѣлградомъ.

---

1) Весьма характерно, что митрополитъ Стратимировичъ еще 29 марта 1804 г. писалъ Пр. М. Ненадовичу, что Турецкій Дворъ состоитъ въ мирѣ и дружбѣ и съ Австрійскимъ и съ Русскимъ Дворами, и что для послѣднихъ будетъ пріятно, если сербы останутся вѣрными султану, какъ своему государю. Эти Дворы могутъ только *рекомендовать* сербовъ вниманію султана, и только объ этомъ, по мнѣнію митрополита, сербы могутъ просить ихъ. «Между тѣмъ всѣ свои дѣйствія такъ направляйте и то всегда въ виду имѣйте, что вы подданные турецкаго султана и что по окончаніи начатаго предпріятія должны остаться въ подчиненіи турецкой Портѣ. Единственно только облегченія и безопасности въ будущемъ можете просить отъ вашего обладателя—Турецкаго Двора, а другіе Дворы, которые съ нимъ въ дружбѣ, можно попросить о поддержкѣ вашего ходатайства». Мемоари Пр. М. Ненадовича, въ изд. Л. П. Ненадовича, стр. 286—287.

2) Мемоари, стр. 159.

Делегатамъ еще было сказано, что правленіе въ Сербіи не должно быть самовольное, а нужно учредить судъ и синодъ (или совѣтъ),— что̀ впослѣдствіи имѣло громадное значеніе для новой государственной жизни Сербіи[1]). Не менѣе важныя послѣдствія для сербскихъ дѣлъ имѣло и то обстоятельство, что передаточнымъ пунктомъ въ сношеніяхъ сербовъ съ Россіей избранъ былъ Букарештъ. Дѣло въ томъ, что тогдашній русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, князь А. Чарторыжскій, питалъ большое довѣріе къ валахійскому князю К. Ипсиланти, въ виду чего послѣдній, до нѣкоторой степени, въ качествѣ русскаго довѣреннаго лица, офиціально былъ вовлеченъ въ сербскія дѣла и оказалъ на нихъ не малое вліяніе.

Порта также скоро узнала о начавшихся между сербскими повстанцами и Россіей связяхъ и это извѣстіе было ею принято не безъ страха новыхъ осложненій. Порта уже начинала побаиваться русскихъ стремленій, и поэтому французское вліяніе стало брать верхъ въ Константинополѣ. Видно̀ было, что миссія Бекиръ-паши не принесла никакихъ результатовъ. Въ виду этого изъ Константинополя было приказано князьямъ Валахіи и Молдавіи, К. Ипсиланти и Мурузи, чтобы они, въ качествѣ единовѣрцевъ, посовѣтовали сербамъ смириться и покориться. Порученіе это К. Ипсиланти исполнилъ нарочно въ противоположномъ смыслѣ, хотя и нерѣшительно и со свойственною восточной дипломатіи хитростью. Въ дѣйствительности, К. Ипсиланти желалъ, чтобы сербское возстаніе не затихло, а разгорѣлось до того, чтобы вызвать новую русско-турецкую войну; такъ такъ онъ считалъ, что новая война съ Турціей, при тогдашнихъ условіяхъ, можетъ привести къ освобожденію греческихъ земель.

Между тѣмъ, сербскіе старшины надумали, по совѣту Россіи, послать депутацію въ Константинополь,—съ новыми и болѣе обширными требованіями. Всѣ эти дѣла накопились къ собранію, созванному въ Печанахъ, у Остружницы, близъ Бѣлграда, 17 ап-

1) Мемоари, стр. 212.

рѣля 1805 г. Туда же передъ Карагеоргіемъ и прочими старшинами предстали и послы князя К. Ипсиланти съ предложеніемъ о примиреніи. Имъ отвѣчали, что и сами сербы добиваются мира, для чего и посылаютъ делегатовъ съ требованіями и условіями непосредственно въ Константинополь. И дѣйствительно, вскорѣ послѣ собранія въ Печанахъ сербскіе делегаты отправились туда.

Представленіе сербовъ, которое эти делегаты везли въ Константинополь, придерживалось въ общемъ тѣхъ же требованій, которыя были предъявлены Бекиръ-пашѣ, только въ немъ они были значительно расширены и разработаны. Ссылаясь на то, что, вслѣдствіе разныхъ смутъ, насильническаго режима и вымогательства денегъ,—народъ обѣднѣлъ и разорился, сербы просили Порту не назначать впередъ въ Бѣлградъ визиря, а посылать туда мухасила, изъ дѣловыхъ и честныхъ людей; ибо вилайетъ только такъ можетъ быть умиротворенъ и очищенъ, если въ немъ не будетъ никого, кто имѣлъ бы возможность злоупотреблять властью. Настоящій же смыслъ этого перваго пункта тотъ, чтобы и визирь и всѣ подчиненные ему чиновники, гражданскіе и военные,— были выведены изъ Сербіи, а съ ними и турецкое войско. Такъ какъ назначеніе мухасила,—областного финансоваго начальника,—еще въ качествѣ начальника административнаго и военнаго имѣло мѣста на нѣкоторыхъ островахъ Архипелага [1]), то для тѣхъ, которые знали турецкіе порядки,—въ одномъ этомъ требованіи ясно было видно желаніе сербовъ получить настоящее автономное управленіе, въ которомъ со стороны султана принималъ бы участіе только этотъ одинъ областной чиновникъ, главнымъ образомъ для расчетовъ по областнымъ податямъ и повинностямъ, платить которыя сербы никогда не отказывались.

Во второмъ пунктѣ сербское собраніе Бѣлградскаго паша-

1) Juchereau de St. Denys, Revolutions de Constantinople en 1807—1808. Paris, 1822, t. II, 288 — упоминаетъ мухасиловъ съ такимъ характеромъ на Критѣ, въ Канеѣ, Ретимо (на Кипрѣ), Мореѣ, Лепантѣ, Хіосѣ и Латакіи.

лыка требуетъ, чтобы въ двѣнадцати кадилукахъ (уѣздахъ) этого пашалыка были назначены оборъ-кнезы, утверждаемые бератомъ, и чтобы народъ выбралъ надъ всѣми ими одного великаго кнеза, который тоже долженъ быть утвержденъ бератомъ и имѣть свою резиденцію въ Бѣлградѣ. Всѣ исходящія отъ султана распоряженія и приказанія сообщались бы черезъ мухасила этому великому кнезу, какъ верховному начальнику народа, который, въ свою очередь, объявляетъ ихъ народу, и наоборотъ — всѣ сообщенія о нуждахъ и пользахъ народа, равно какъ и его просьбы, доставлялись бы султану черезъ великаго кнеза и мухасила. Если бы мѣста великаго кнеза или оборъ-кнезовъ остались вакантными вслѣдствіе смерти или по другой какой-нибудь причинѣ, требовалось признаніе за народомъ права избирать ихъ замѣстителей.

Всѣ денежные взносы въ казну султана, разныя подати и повинности, а также сборы въ пользу спагіевъ, съ царскихъ (казенныхъ) имуществъ и пр. — должны быть приведены къ одному знаменателю, т. е. всѣ вмѣстѣ опредѣлены въ одной общей суммѣ. Эта сумма раскладывается и собирается съ народа его старшинами, а потомъ, въ сопровожденіи одного представителя отъ народа и одного со стороны мухасила,—отсылается въ Константинополь; а тамъ уже султанъ распредѣляетъ и даетъ сколько и кому слѣдуетъ. Этимъ желали достичь того, чтобы и подъ предлогомъ сбора спагіевъ никто не могъ вмѣшиваться въ народное управленіе и дѣлать злоупотребленія. Исключенія нынѣ спагіевъ, какъ раньше янычаръ, добивались «потому, что спагіи — наполовину тѣ же янычары». Значитъ, цѣлью этого второго пункта было, чтобы вообще страна совершенно очистилась отъ турокъ, имѣющихъ право на какіе бы то ни было сборы съ народа, вмѣсто чего старались установить новый порядокъ, по которому всѣ денежные взносы уплачивались бы въ опредѣленной суммѣ непосредственно султану.

На великаго кнеза возлагалась обязанность сохраненія порядка и мира въ народѣ и охрана послѣдняго какъ отъ гайду-

ковъ, такъ и отъ всякихъ другихъ насильниковъ. Въ этихъ видахъ, равно какъ и для собиранія податей, предполагалось дать ему нѣкоторое число вооруженныхъ людей.

Требовалась затѣмъ полная свобода въ дѣлѣ постройки церквей и монастырей, а также въ отношеніи всѣхъ обрядовъ и священнодѣйствій православной вѣры.

Требовалась и полная свобода въ дѣлѣ торговли и промышленности, съ гарантіей, что на нихъ не будутъ устанавливаемы никакіе новые сборы и налоги.

Такъ какъ можно было предполагать, что кирджаліи Гушанацъ-Али, которые все еще были фактическими хозяевами Бѣлграда, не захотятъ послушаться султана, не уступятъ бѣлградскую крѣпость и не впустятъ туда мухасила, то сербское собраніе предлагало Портѣ сдѣлать представленіе Австріи, чтобы она запретила доставку провизіи для крѣпости, ибо только такимъ образомъ можно было заставить кирджаліевъ покориться. Въ концѣ просьбы было упомянуто, что ее везутъ два народныхъ депутата, которые могутъ и устно разсказать и объяснить все, что было бы нужно и, наконецъ, съ ними присланъ и отчетъ о всѣхъ сдѣланныхъ народомъ расходахъ по содержанію Бекиръ-паши, бѣлградскаго мухасила и прочихъ чиновниковъ Порты [1]).

Главнѣйшая разница между этими требованіями сербовъ отъ апрѣля 1805 г. и тѣми отъ апрѣля 1804 г. состоитъ въ томъ, что всѣ признаки автономіи, очерченные въ 1804 г. только слегка и какъ-то боязливо, — въ этомъ новомъ актѣ высказаны твердо, ясно и опредѣленно. Въ представленіи отъ апрѣля 1805 года сербы уже требуютъ, чтобы не было и визиря въ Бѣлградѣ, а сидѣлъ бы тамъ только финансовый чиновникъ султана (мухасилъ); требуютъ далѣе, чтобы не оставалось тамъ ни янычаръ, ни спагіевъ, чтобы рѣшительно никто не вмѣшивался и не нарушалъ автономнаго управленія области и чтобы съ сербскимъ народомъ Бѣлградскаго пашалыка никто изъ турокъ не могъ сно-

---

1) Голубица, V, 277—285.

ситься непосредственно, а только черезъ главныхъ начальниковъ края: мухасила, какъ представителя султана, и великаго кнеза, какъ представителя сербскаго народа. Если требованія отъ апрѣля 1804 г. и походили на автономныя привиллегіи разныхъ турецкихъ областей, то требованія отъ апрѣля 1805 г. еще больше походили на автономное устройство княжествъ Валахіи и Молдавіи.

Вопросъ о городахъ (укрѣпленныхъ пунктахъ) въ Сербіи,— относительно которыхъ турки были весьма чувствительны, — здѣсь не былъ и затронутъ, но изъ всего содержанія видно, что сербы думали и о томъ, какъ бы и эти города имъ были уступлены, такъ какъ иначе трудно представить управленіе съ мухасиломъ во главѣ. Турки сейчасъ это замѣтили, а какъ кажется имъ было это устно высказано, ибо В. С. Караджичъ пишетъ, что сербскіе старшины, не смотря на предупрежденіе о трудности выполненія, со стороны людей хорошо знающихъ турокъ,— рѣшили требовать и уступку городовъ, въ виду увѣренности въ томъ, «что пока города въ рукахъ сильныхъ и непокорныхъ турокъ, которые и своего царя слушаются только по доброй волѣ,— нельзя положиться ни на какіе договоры и соглашенія»[1]).

Біографы К. Ипсиланти разсказываютъ, что и онъ тогда старался обострить отношенія между сербами и турками, чтобы легче вызвать войну между Россіей и Турціей, о чемъ онъ хлопоталъ весьма дѣятельно. Зато Порта все больше и больше была недовольна дѣятельностью К. Ипсиланти. Выполненіе имъ данной осенью 1804 г. ему и его товарищу, молдавскому князю Мурузи, миссіи въ дѣлѣ усмиренія Сербіи, только увеличило недовѣріе Порты. Для сербовъ же было вообще невыгодно, что объ ихъ дѣлахъ хлопоталъ К. Ипсиланти. Политическая ситуація въ Европѣ была такова, что заставляла Россію и Австрію обратить все вниманіе на Францію, такъ что у Порты оставались руки совершенно развязанными. Ко всему этому съ

1) Грађа, 49.

начала лѣта 1805 г. сербскіе старшины сдѣлали нападеніе на города Карановацъ, Чачакъ и Ужице, съ цѣлью очистить ихъ отъ турокъ и присоединить и эту часть къ освобожденнымъ краямъ, такъ какъ это не было сдѣлано въ 1804 году. Это нападеніе было предпринято почти въ то же время, когда сербскіе послы съ вышеупомянутыми требованіями прибыли въ Константинополь. Поэтому,— такъ какъ Порта получила много непріятныхъ свѣдѣній и о сербскомъ возстаніи и о сербскихъ старшинахъ, такъ какъ турки были весьма недовольны сербскими требованіями отъ апрѣля 1805 г., и такъ какъ новое распространеніе возстанія въ самыя южныя части Бѣлградскаго пашалыка, хотя и подъ предлогомъ изгнанія янычаръ, только усилило прежнее раздраженіе,— Порта рѣшила приказать нишскому Гафисъ-пашѣ, который въ прошломъ 1804 году помогалъ сербамъ противъ дахіевъ,— привести въ покорность Бѣлградскій пашалыкъ. Послы же сербскіе были приняты скорѣе какъ виновные, нежели какъ послы. Они только успѣли передать свои требованія, а потомъ съ ними никто и говорить не хотѣлъ.

Между тѣмъ вторженіе Гафисъ-паши, задуманное въ видѣ одновременнаго нападенія со стороны Ниша, Ужицъ, Смедерева и Бѣлграда,—окончилось полной неудачей. Прежде всего начальникъ бѣлградскаго гарнизона, Гушанацъ-Али, не захотѣлъ съ мѣста тронуться, такъ какъ со стороны ему дали знать, что Гафисъ-паша идетъ и противъ него, въ чемъ онъ и не сомнѣвался, зная, что паша, какъ представитель султана, не потерпитъ его произвола. Затѣмъ, туркамъ изъ Ужицъ и Смедерева не повезло въ операціяхъ противъ сербовъ, наконецъ, и самого Гафисъ-пашу сербы, подъ предводительствомъ Миленко Стойковича и Петра Добрньца, разбили на Иванковцѣ, а Карагеоргій отбросилъ его (да еще, какъ говорятъ, раненымъ) отъ Парачина. Вскорѣ послѣ того Смедерево было очищено отъ турокъ (8 ноября 1805 г.). Зато сербскіе послы еле успѣли спастись изъ Константинополя, убѣжавъ на русское судно, которое доставило ихъ въ Одессу, откуда они были препровождены въ С.-Петербургъ. Изъ

С.-Петербурга послы вернулись въ Сербію въ концѣ 1805 года съ порученіемъ отъ русскаго министерства снова отправить депутатовъ въ Константинополь и возобновить предпринятые въ началѣ 1805 г. шаги.

Между тѣмъ ситуація въ Европѣ совершенно измѣнилась. Война Австріи и Россіи противъ Наполеона приняла худой для союзниковъ оборотъ. Сраженіе при Аустерлицѣ (2 декабря 1805 г.) кончилось очень печально для союзниковъ, въ особенности для Австріи. Она принуждена была отдѣлиться отъ Россіи и заключить съ Франціей миръ въ Пресбургѣ (26 декабря 1805 г.), по которому должна была уступить послѣдней свои области Адріатическаго побережья, доставшіяся ей въ 1798 г. отъ Венеціи. Такимъ образомъ, Франція вошла въ Далмацію, — въ западныя ворота Балканскаго полуострова. Сербское возстаніе, очутившееся чрезъ это въ близкомъ разстояніи отъ французской границы, — получило новое положеніе и значеніе.

Для Россіи было весьма непріятно и неудобно, что Франція заняла теперь такое выгодное положеніе по отношенію къ областямъ, о которыхъ до того времени она одна заботилась. Русскій гарнизонъ въ Корфу пріобрѣлъ совершенно новое значеніе, а покровительствуемая Россіей Черногорія — новыхъ враговъ. Война между Россіей и Франціей продолжалась, а французская дипломатія усиленно работала въ Константинополѣ съ цѣлью натравить Турцію на Россію.

Порта тогда уже поняла и оцѣнила характеръ сербскаго возстанія и была далека отъ самообмана, въ которомъ, подъ вліяніемъ первыхъ донесеній, — находилась нѣкоторое время въ началѣ 1804 г. Неудача Гафисъ-паши еще больше подлила масла въ огонь, и послѣ этого, осенью 1805 г., не думая уже ни о какомъ примиреніи, — въ Константинополѣ рѣшили снова изо всей силы и со всѣхъ сторонъ накинуться на возстаніе въ Бѣлградскомъ пашалыкѣ и окончательно уничтожить и искоренить его.

При такихъ обстоятельствахъ закончилась дѣятельность пер-

вой сербской константинопольской депутаціи 1805 г., и при такихъ обстоятельствахъ она, въ концѣ того же года, принесла Карагеоргію и сербскимъ старшинамъ порученіе изъ С.-Петербурга, чтобы снова послали депутацію въ Константинополь и непосредственно отъ Порты добивались того, что считали нужнымъ для умиротворенія Сербіи.

III.

Петръ Ичко во главѣ новой константинопольской депутаціи. Расширеніе границъ сербской области зимнимъ походомъ въ январѣ 1806 г. по направленію Кладова, Ниша, Прокуплья, Новаго-Базара, Мокрой Горы. Характеристика новаго представленія съ требованіями сербовъ отъ 12 января 1806 г. какъ со стороны текста, такъ и со стороны посланцевъ. Депутаты въ Вѣнѣ и сообщеніе сербскаго представленія Императору Александру I при посредствѣ вѣнскаго правительства. Мнѣніе этого правительства и Императора Франца II о сербскихъ дѣлахъ въ началѣ 1806 г. Положеніе сильно измѣняется, особенно въ С.-Петербургѣ, вслѣдствіе французской оккупаціи Далмаціи. Усиленіе французскаго вліянія въ Константинополѣ и стараніе вовлечь Турцію въ войну съ Россіей. Тщетная русско-австрійская интервенція въ Константинополѣ въ пользу сербскаго дѣла. Настаиваніе Наполеона, чтобы Турція силой покончила съ Сербіей. Сраженіе на Братачичѣ, Месарцахъ, Мишарѣ, Делиградѣ, Прокуплѣ, Алексинцѣ и между Княжевцемъ и Пиротомъ. Уступчивость въ Константинополѣ требованіямъ П. Ичко. Перемиріе съ Ибрагимъ-пашой (сентябрь 1806 г.).

Во всей указанной дипломатической работѣ 1805 года не видно никакого непосредственнаго участія Ичко. Какъ не было его среди депутатовъ, посланныхъ осенью 1804 г. въ Россію, такъ точно не было его и среди депутатовъ, которые весной 1805 г. были отправлены въ Константинополь. Мы уже впереди указывали основанія, по которымъ догадываемся, что сербскія требованія 1804 г. были, быть можетъ, имъ написаны. Точно такъ же можно предполагать, что и при формулировкѣ народныхъ требованій, предъявленныхъ туркамъ въ 1805 г., — съ П. Ичкомъ совѣщались. Въ этихъ требованіяхъ безспорно видно дипломатическое искусство и въ общемъ построеніи и въ стилѣ представленія. Не отмѣчено только, кто былъ его составителемъ.

Мы думаемъ, что писалъ его Божо Груевичъ (Ѳедоръ Филипповичъ), по должности секретаря Совѣта. Но требованіе мухасила и дальнѣйшее развитіе автономныхъ началъ, положенныхъ въ основѣ сербскихъ требованій 1804 г. (28 апрѣля и 31 іюля), едва ли принадлежатъ послѣднему.

Требованіе мухасила (о которомъ въ требованіяхъ 1804 г. нѣтъ и помину) выдаетъ человѣка весьма освѣдомленнаго въ турецкихъ порядкахъ и устройствѣ. Возможно, что мысль о мухасилѣ дана была П. Ичко или митрополитомъ Леонтіемъ (какъ рожденнымъ грекомъ), а то и ими обоими вмѣстѣ. Трудно даже и предполагать, чтобы кто-нибудь изъ сербскихъ старшинъ до такой степени зналъ турецкое устройство. Между тѣмъ, этимъ требованіемъ, въ весьма прикрытой формѣ, хотѣли добиться и областной и окружной (помѣстной) автономіи и городовъ (укрѣпленныхъ пунктовъ), такъ какъ нельзя было предполагать, чтобы турки удержали ихъ за собою безъ паши, который, особенно въ Бѣлградѣ, являлся еще въ качествѣ начальника гарнизона и командующаго войсками въ области,— какъ это было съ-испоконъ вѣковъ.

Однако, у насъ нѣтъ никакихъ документальныхъ данныхъ и записей объ этомъ дѣлѣ и о людяхъ, которые давали совѣты и внушали соотвѣтственныя идеи, и все, что мы сказали здѣсь о роли П. Ичко, не болѣе какъ наше личное предположеніе.

Такъ какъ борьбою во второй половинѣ 1805 г. противъ Гафисъ-паши сербы выступили въ открытую борьбу уже не съ непокорными султану лицами, а съ нимъ самимъ и съ Портою, положеніе въ концѣ 1805 г. совершенно измѣнилось. Сербскіе старшины получали извѣстія, что, по приказанію самого султана, противъ нихъ собирается огромное войско для нападенія со всѣхъ сторонъ. Со стороны Софіи и Ниша готовился къ наступленію самъ румелійскій вали Ибрагимъ-паша Бушатли изъ Скутари. Въ виду этого, сербскіе старшины въ Смедеревѣ еще въ половинѣ декабря 1805 г. задумали и рѣшили не ждать въ границахъ Бѣлградскаго пашалыка нападенія ни съ той, ни

съ другихъ сторонъ, а двинуться со своимъ войскомъ сейчасъ послѣ Новаго года, когда у турокъ еще продолжается зимній отдыхъ, и неожиданнымъ нападеніемъ занять болѣе выгодныя позиціи впереди, раздвинувъ этимъ границы освобожденной области за предѣлы Бѣлградскаго пашалыка. Неизвѣстно, кто предложилъ такой важный по своимъ послѣдствіямъ планъ дѣйствія, только онъ былъ принятъ единодушно и всѣ стали готовиться къ предположенному неожиданному нападенію. Какъ разъ послѣ принятія этого рѣшенія прибыли изъ С.-Петербурга Константинопольскіе депутаты съ порученіемъ снова послать депутацію въ Константинополь, не обращая вниманія на участь той, представители которой только что вернулись изъ Россіи. Сербскіе старшины нашли, что и этотъ шагъ можетъ быть сдѣланъ одновременно съ первымъ, т. е. что, съ одной стороны, можно выбрать и послать депутатовъ для переговоровъ о мирѣ, а съ другой,—послать войска для того, чтобы раздвинуть границы края и дальше гнать турокъ.

Около 12 января 1806 г. Карагеоргій собралъ въ Остружницѣ главнѣйшихъ старшинъ, для обсужденія и выбора новыхъ депутатовъ, посылаемыхъ съ требованіями автономныхъ правъ для Сербіи. Тогда же (какъ пишетъ В. С. Караджичъ) былъ вызванъ изъ Землина и избранъ въ депутаты Петръ Ичко. Вмѣстѣ съ нимъ избраны еще кнезъ Миличъ и Живко Парачинацъ.

Войско сербское, между тѣмъ, выступило въ походъ, какъ видно и по этимъ выборамъ, гдѣ вмѣстѣ съ П. Ичко назначены двое депутатовъ изъ только что занятыхъ мѣстъ. Согласно одной записи, день 6-го января былъ назначенъ для начала военныхъ дѣйствій[1]). Петръ Добрньяцъ долженъ былъ двинуться съ войскомъ вдоль р. Моравы, но онъ, какъ кажется, открылъ свои дѣйствія еще раньше срока. По крайней мѣрѣ, въ Букарештѣ около Крещенія 1806 г. получены были извѣстія (достовѣрныя или только въ предположеніи, точно не извѣстно), что сербы уже

---

1) Герас. Георгіевича, владыки шабацкаго, Знаменити догађаи новіє србске исторіє, Београд, 1838, стр. 4—5.

осадили и Нишъ[1]). Дѣйствительно, П. Добрньяцъ очень скоро занялъ Парачинъ (весьма возможно, что и до Крещенія), сдавшійся безъ сопротивленія, и Ражань, сопротивленіе котораго быстро преодолѣлъ, такъ что весьма скоро подоспѣлъ къ Алексинцу. Вслѣдъ за тѣмъ и Младенъ Миловановичъ очистилъ отъ турокъ лѣвую сторону р. Моравы и занялъ г. Крушевацъ и Крушевацкій округъ.

Миленко Стойковичъ направился внизъ по теченію Дуная и занялъ Порѣчъ, вскорѣ послѣ Крещенія, такъ какъ 15-го января 1806 г. Реджепъ-ага, комендантъ Адакалэ, писалъ князю Ипсиланти, что сербы заняли Порѣчъ, и что теперь очередь за его городомъ (Адакалэ), въ виду чего просилъ прислать ему войска и денегъ, дабы могъ защищаться[2]). Самъ г. Порѣчъ Миленко занялъ неожиданнымъ ночнымъ нападеніемъ, во время котораго всѣ бывшіе тамъ турки были перебиты. Затѣмъ онъ двинулся впередъ, по направленію Кладова и Неготина, но не могъ взять ни того, ни другого города. Тѣмъ не менѣе онъ очистилъ верхнюю часть придунайскаго края и разставилъ свои сторожевые посты противъ Дуная. Однако, дорога вдоль рѣки оставалась свободной, и только по ту сторону горъ начиналась фактическая власть Миленко.

Капитанъ Радичъ Петровичъ былъ назначенъ для расширенія границъ со стороны Карановца и Чачка къ Новому-Базару. Сначала и эта экспедиція шла удачно, но потомъ турки взяли верхъ и, разбивъ сербское войско, въ самый день Входа Господня во Іерусалимъ зажгли монастырь Студеницу и отбросили сербовъ въ границы Бѣлградскаго пашалыка. Зато Рудницкій воевода Миланъ Обреновичъ былъ нѣсколько счастливѣе и раздвинулъ сербскія границы до Мокрой Горы и Вышеграда. Далѣе, внизъ по р. Дринѣ, всю эту весну и лѣто сербы только защищались отъ босняковъ, которые все время сильно напирали, пока

1) В. Богишичъ. Разборъ сочин. и т. д., стр. 64.

2) В. Богишичъ. Разборъ сочин. и т. д., стр. 65, — по донесеніямъ русскаго консула въ Яссахъ.

не были какъ слѣдуетъ проучены на Мишарѣ 1-го августа 1806 г.

Таковы были обстоятельства, при которыхъ Петръ Ичко, въ началѣ 1806 г., принялъ на себя миссію по представленіи сербскихъ требованій въ Константинополѣ. Какъ видно по всему, обстоятельства эти, несмотря на совѣты изъ С.-Петербурга, — были въ высшей степени неблагопріятными. И П. Ичко и всѣмъ другимъ было извѣстно, какъ весной 1805 г., еще до разгрома Гафисъ-паши на Иванковцѣ, Порта не хотѣла даже принять сербскихъ депутатовъ, а послала къ нимъ въ Патріархію кого то изъ чиновниковъ, чтобы тамъ ихъ выслушать и взять отъ нихъ представленіе съ требованіями. Чего же можно было ожидать тогда, въ началѣ 1806 г., когда турецкое войско готовилось напасть на Сербію со всѣхъ сторонъ, отомстить за пораженіе Гафисъ-паши и разъ навсегда покончить съ возстаніемъ? П. Ичко, должно быть, весьма сильно надѣялся на свое искусство, если согласился въ подобныхъ условіяхъ принять на себя такое тяжелое бремя, и его преданность сербскому національному дѣлу достойна удивленія.

Само новое представленіе 1806 г. съ народными требованіями, хотя и воспроизводитъ то отъ апрѣля 1805 г., задумано совершенно иначе. Оно показываетъ новый, въ короткое время достигнутый прогрессъ въ развитіи сербскаго національнаго вопроса. Представленіе, писанное въ 1806 г. для этой новой депутаціи, написано искуснѣе всѣхъ прежнихъ [1]). Отъ нихъ оно отличается еще и подписями и делегатами, черезъ которыхъ послано, какъ это сейчасъ увидимъ. Подъ прошеніемъ изъ Остружницы отъ 12-го января 1806 г. не подписались всѣ участники собранія, какъ то мы видѣли на прошеніи отъ апрѣля 1805 г. На этомъ послѣднемъ, напримѣръ, подписались на первомъ мѣстѣ представители Вальевскаго округа, при чемъ первою стоитъ подпись Проты М. Ненадовича. Затѣмъ слѣдуетъ Бѣл-

---

1) Голубица, V, стр. 135—142.

градскій округъ съ подписью Карагеоргія на восьмомъ мѣстѣ. На представленіи же изъ اостружницы, 12 января 1806 г., подписались только присутствовавшіе старшины и прежде всѣхъ Карагеоргій, какъ верховный комендантъ. Послѣ Карагеоргія подписанъ Прота М. Ненадовичъ, въ качествѣ представителя всего духовенства, и дальше: кнезъ Сима Марковичъ, Лука Лазаревичъ, воевода шабацкій, Миленко Стойковичъ, воевода пожаревацкій, Вуица Вуличевичъ, воевода смедеревскій, Стефанъ, кнезъ отъ Пазара (Новаго Базара), Ефта, кнезъ ягодинскій, Лазарь Мутавшевичъ, кнезъ драгачевскій и Новакъ, кнезъ сокольскій. Въ концѣ этихъ подписей прибавлено, что подписываются они «отъ имени сербскаго народа».

Въ отношеніи депутатовъ характерно то, что съ Петромъ Ичко, по рожденію македонцемъ, послали двухъ видныхъ дѣятелей изъ Парачинскаго округа, который въ тѣ дни только былъ очищенъ отъ турокъ, и который (какъ и Крушевацъ) не принадлежалъ къ Бѣлградскому, а къ Лесковацкому пашалыку. Кромѣ того на прошеніи подписанъ «Стефанъ, кнезъ отъ Пазара». Новый Базаръ, который въ лицѣ своего представителя подписанъ на прошеніи отъ 12 января 1806 г., не былъ занятъ сербами ни тогда, ни потомъ, а только его округъ въ то время старались поднять противъ турокъ, какъ это было указано впереди. Стефанъ, все-таки, могъ быть представителемъ Новобазарскаго округа; но откуда онъ на собраніи 12-го января 1806 г. въ Острsужницѣ? Понятно, это бросается въ глаза прежде всего потому, что и Новобазарскій округъ не входилъ въ составъ Бѣлградскаго пашалыка, а представлялъ особый санджакъ, соединенный съ Босніей. Весьма знаменательно, что при подписаніи этого новаго представленія султану взяты были и люди, которые не принадлежали Бѣлградскому пашалыку. По нашему мнѣнію, это можетъ обозначать только одно, а именно, что съ границами Бѣлградскаго пашалыка, какъ поприща новой освободительной работы, стали окончательно прощаться. Вмѣсто его, черезъ эти выборы, подписи и предпріятія передъ нами высту-

паетъ болѣе широкое понятіе—сербскій народъ. Это видно и по другимъ характернымъ признакамъ. Представленіе отъ апрѣля 1805 г. отправляется султану отъ имени «раи Бѣлградскаго пашалыка», и передъ подписями участниковъ собранія значится: «всепокорнѣйшая рая»,—безъ выставленія чьего-либо старшинства. Поэтому и Карагеоргій и другіе старшины перемѣшались съ низшими начальниками, чтобы только не выдвигаться въ качествѣ главныхъ вожаковъ и правителей народа, какими они являлись въ дѣйствительности. Въ новомъ же остружницкомъ представленіи вся эта осторожность брошена въ сторону и старшины подписываются открыто въ порядкѣ, принадлежащемъ имъ по положенію, и подписываются только они. «Бѣлградскій пашалыкъ» и не упоминается, «рая»—еще меньше, а вмѣсто того стоятъ слова: «отъ имени сербскаго народа». Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ депутаты, которые должны были везти это представленіе въ Константинополь, избираются люди, происходящіе не изъ Бѣлградскаго пашалыка: П. Ичко изъ Македоніи, а другихъ двое изъ Лесковацкаго пашалыка. Наконецъ, среди подписавшихъ находимъ и имя одного представителя Новобазарскаго пашалыка. Слѣдовательно: и вооруженная акція на поляхъ сраженія, и стилистика дипломатическихъ актовъ, вполнѣ согласуясь, убѣждаютъ насъ въ томъ, что послѣ перелома въ 1805 г., совершенно сознательно стала уже выдвигаться чистая программа сербскаго освобожденія. Этимъ, значитъ, Бѣлградскій пашалыкъ превращался—въ Сербію.

Остружницкое представленіе 1806 г. подвергаетъ разбору и возстаніе противъ дахіевъ 1804 г., бросая всю вину за него на центральную государственную власть, которая непремѣнно должна была защищать вѣрныхъ своихъ подданныхъ отъ своеволія и насилія грабителей. «Въ такомъ, крайне тяжеломъ положеніи»,—говорится въ этомъ представленіи,—«мы обращали свои глаза къ престолу Вашего Величества, откуда могла быть намъ оказана помощь и защита, но, къ несчастію, всѣ наши попытки остались безплодными, и у насъ не остается больше ничего,

кромѣ печальнаго сознанія, что мы лишены помощи и убѣжища и оставлены самимъ себѣ. Когда цѣлый одинъ народъ, да еще безъ поводовъ съ его стороны,—подвергають такимъ мученіямъ, которыя по своимъ ужасамъ противны и Божескимъ и человѣческимъ законамъ, и когда подъ гнетомъ на небо вопіющимъ онъ содрогается, можно ли осудить его, если, оставленный самому себѣ, самъ и позаботится о спасеніи своихъ дѣтей и своего имущества?»...

Главная часть представленія помѣщается въ двухъ-трехъ строкахъ въ самомъ концѣ. Тутъ представители сербскаго народа торжественно заявляютъ, что желаютъ навсегда остаться подданными султана и исправно платить принадлежащую ему дань; но что ни они, ни ихъ дѣти никогда не согласятся снова вернуться подъ грабительскій и насильническій режимъ дахіевъ и ихъ преемника — начальника кирджаліевъ Гушанацъ-Али, который забралъ всю власть въ свои руки и лишилъ ея какъ Бекиръ-пашу, спеціальнаго посла султана, такъ и Сулейманъ-пашу, новопоставленнаго (съ августа 1804 г.) визиря бѣлградскаго. Представленіе сербскихъ старшинъ выдвигаетъ и признаетъ важность миссіи Бекиръ-паши. Въ немъ говорится, какъ султанъ, послѣ многократныхъ жалобъ со стороны сербовъ, послалъ своего уполномоченнаго Бекиръ-пашу, который принялся за дѣло и началъ хорошо, но потомъ, переѣхавъ съ Бѣлыхъ Водъ въ Бѣлградъ, попалъ въ руки злодѣевъ, такъ что съ этимъ переѣздомъ окончилась и его власть. «Если Ваше Величество»,—говорится въ этомъ прошеніи,—«пошлетъ противъ насъ войска, мы предпочтемъ всѣ погибнуть, чѣмъ снова преклонить голову подъ ярмо нашихъ мучителей, подъ которымъ столь долгое время изнываемъ».

Этимъ только хотѣли напомнить ту великую истину, что безъ гарантіи правъ для христіанъ имъ нѣтъ покою въ Сербіи, ибо всякое простое подчиненіе султану отдало бы сербскій народъ снова подъ власть злоупотребленій и насилій, которыми только и умѣли управлять тогдашніе турки. Поэтому, такимъ логическимъ

путемъ, сербскіе старшины приходили къ заключенію, что и борьба съ посылаемыми изъ Константинополя пашами и войскомъ султана есть борьба противъ насильниковъ, такъ какъ эти войска, хотя и посылались султаномъ, дѣйствовали, въ концѣ-концовъ, въ пользу тѣхъ же непокорныхъ элементовъ. Однако, тутъ упускалось изъ виду, что этотъ способъ умозаключеній — способъ обоюдоострый, и что имъ оставляется безъ твердаго основанія утвержденіе того же представленія о томъ, что возстаніе направлено не противъ султана, а противъ непокорныхъ его слугъ; хотя событія и обстоятельства въ дѣйствительности заставляли сербовъ дѣлать, что и эти послѣдніе, т. е. слушаться султана только тогда, когда онъ дѣйствуетъ согласно ихъ видамъ и желаніямъ. Разница могла быть только въ томъ, что желанія и стремленія христіанъ всегда отличались большею справедливостью въ сравненіи съ желаніями и стремленіями непокорныхъ мусульманъ. Затѣмъ, авторы остружницкаго представленія отъ 12 января 1806 г. весьма искусно обошли всякія упоминанія о стычкѣ съ Гафисъ-пашой въ 1805 г. и участи сербскихъ депутатовъ въ Константинополѣ въ іюнѣ и іюлѣ 1805 г., точно ни того, ни другого непріятнаго случая совершенно не происходило. Между тѣмъ, эти два событія и оказывали самое сильное вліяніе на всѣ дѣла. Разсмотрѣніе ихъ оставлено было до болѣе удобнаго момента и личнаго объясненія, которое, во всякомъ случаѣ, зависѣло отъ условій, при которыхъ встрѣтились бы представители двухъ спорящихъ сторонъ.

Неизвѣстно, отправился ли П. Ичко и его товарищи съ этимъ представленіемъ въ Константинополь сейчасъ послѣ 12-го января, такъ какъ объ этомъ нѣтъ никакихъ упоминаній. По замѣткѣ В. С. Караджича, можно думать, что это было тотчасъ [1]), — что единственно и отвѣчало бы тогдашнимъ обстоятельствамъ. Но кромѣ этой депутаціи сербы одновременно от-

1) Грађа, 207: Призвалъ Карагеоргій изъ Нѣмецкой земли въ Остружницу Петра Ичко и черезъ Валахію отправилъ въ Константинополь; тамъ Ичко заключилъ миръ и привелъ въ Смедерево мухасила.

правляли и другую — въ Вѣну. Сербскіе старшины, считаясь съ тѣмъ, что Россія и Австрія находились въ союзѣ, и зная, какъ объ ихъ дѣлѣ хлопоталъ раньше австрійскій императоръ, думали, что теперь похлопочетъ и русскій императоръ, и поэтому рѣшили, кромѣ депутаціи въ Константинополь, снарядить и другую въ Вѣну, на обязанности которой было бы просить Вѣнскій Дворъ о посредничествѣ передъ Портой, и оттуда, черезъ австрійскія власти, послать Императору Александру I копію прошенія, отправляемаго въ Константинополь, съ извѣщеніемъ о всемъ, что было ими сдѣлано, и съ просьбою о помощи. Пр. М. Ненадовичъ разсказываетъ въ Мемоарахъ, что тогда, въ началѣ января 1806 г., Карагеоргій назначилъ его и Божу Груевича ѣхать въ Вѣну, «чтобы у Императора Франца просить военной амуниціи и прочаго, откуда мы послали прошеніе и русскому Императору Александру»[1]).

Въ одномъ письмѣ капитана К. Јовановича изъ Кленка, адресованномъ митрополиту Стратимировичу, сообщается, что около 18—20 января Пр. М. Ненадовичъ поѣхалъ въ Австрію «того ихъ дѣла ради»[2]). Судя по этому замѣчанію, можно думать, что Стратимировичу было все извѣстно. Въ австрійскихъ официальныхъ источникахъ читаемъ, что въ февралѣ 1806 г. (нов. ст.) въ Вѣну дѣйствительно прибыла сербская депутація, состоявшая изъ Пр. М. Ненадовича, Божи Груевича и Урошевича[3]), — съ прошеніями для императоровъ австрійскаго и русскаго.

Бросается въ глаза эта скомбинированная политическая, дипломатическая и военная акція въ началѣ 1806 г., т. е. именно тогда, когда Петръ Ичко выступаетъ въ первую линію дѣятелей. Въ то самое время, когда войска изъ Бѣлградскаго пашалыка двинулись по всѣмъ направленіямъ, чтобы раздвинуть гра-

---

1) Мемоари, 169.

2) Архив Срп. Кр. Академије, № 395.

3) По всей вѣроятности, Миланъ Урошевичъ изъ Землина, купецъ и знакомый Карагеоргія еще со времени до возстанія. Онъ не могъ быть депутатомъ, но въ официальныхъ австрійскихъ записяхъ онъ такъ значится, потому что пріѣхалъ въ Вѣну вмѣстѣ съ депутатами.

ницы освобожденной области, посылаются депутаты и въ Константинополь и въ Вѣну, съ цѣлью этимъ вторымъ путемъ, черезъ русскаго союзника, дать знать обо всемъ и С.-Петербургу. Жаль, что неизвѣстно, изъ чьей головы вышелъ планъ этой акціи. Изъ письма корреспондента Стратимировича изъ Кленка видно, что послѣдній былъ въ него посвященъ.

Въ виду такого оборота дѣлъ, въ Константинополѣ стали все больше и больше побаиваться Россіи. Французы и другіе непріятели Россіи не переставали нашептывать Портѣ, что всѣ смуты въ Сербіи дѣло рукъ Ипсиланти и русскихъ. Поэтому Порта, кромѣ сильныхъ военныхъ мѣропріятій противъ Сербіи, обратилась еще къ Австріи, дабы она своимъ вліяніемъ и по сосѣдству помогла ей распутать сербскія дѣла. Въ сущности, того же желали и въ Вѣнѣ, гдѣ путаница въ Сербіи изо дня въ день становилась неудобнѣе. Уступивъ Далмацію Наполеоновской Италіи, тамъ боялись, чтобы появленіе этой новой силы на границахъ Турецкой имперіи не вызвало новыхъ осложненій, когда бы она захотѣла воспользоваться пожаромъ въ Бѣлградскомъ пашалыкѣ[1]). Но, несмотря на это, въ Вѣнѣ полагали, что для Австріи совсѣмъ неудобно вмѣшиваться въ сербскія дѣла. На предложеніе Порты, въ концѣ 1805 г., помочь ей въ усмиреніи Бѣлградскаго пашалыка, въ Вѣнѣ находили, что теперь уже слишкомъ поздно и что предложеніе дѣлается безъ указаній на средства, при помощи которыхъ можно было бы достигнуть этого. Порта обратилась къ Австріи съ просьбою о посредничествѣ, не упоминая, однако, ни о какихъ уступкахъ или поправкахъ и улучшеніяхъ. Въ Вѣнѣ отлично понимали, что никого въ Сербіи не удовлетворятъ голыя обѣщанія со стороны турокъ, такъ какъ повстанцы своею дѣятельностью до того времени и боевой удачей пріобрѣли право, чтобы на нихъ смотрѣли съ такимъ же уваженіемъ, съ какимъ смотрѣли и на ихъ властителей. И если бы

1) Французы заняли Далмацію около половины февраля 1806 г. (ст. ст.). Архимандритъ Зеличъ отмѣтилъ появленіе ихъ въ томъ краю, гдѣ онъ находился, подъ 17 февраля. Срп. Књиж. Задруга, 44. Житије Зелића, II, стр. 158.

даже Австрія рѣшилась позвать повстанцевъ, чтобы они сложили оружіе, примирились съ турками и снова согнули шею подъ турецкое ярмо съ простой амнистіей за все, что было сдѣлано ими во время войны (какъ то предлагалось Портой),—Вѣнскій Дворъ (думали въ Вѣнѣ) подвергъ бы большому риску и свое собственное достоинство и достоинство Порты. Вмѣсто упованія вызвали бы въ сербахъ — сомнѣніе, вмѣсто надежды — отчаяніе[1]).

Такое мнѣніе о сербскихъ дѣлахъ господствовало тогда въ правительственныхъ сферахъ Вѣны. И когда тамъ прибыла вышеупомянутая сербская депутація изъ Остружницы, австрійскій министръ Стадіонъ въ предложеніи отъ 25 января 1806 г. представилъ императору свои взгляды и соображенія въ этомъ смыслѣ, на основаніи которыхъ спрашивалъ разрѣшенія на то, чтобы Австрія отказала въ снабженіи провизіей и сербамъ и туркамъ, до тѣхъ поръ пока они не примирятся между собою, не скрывая отъ нихъ и того, что она готова все сдѣлать, чтобы помочь имъ придти къ такому примиренію.

Однако, Императоръ Францъ II, который много полагалъ на мнѣніе своего брата эрцгерцога Карла, не вполнѣ соглашался съ мнѣніемъ министра объ этихъ дѣлахъ и значительно исправилъ его въ пользу сербскихъ повстанцевъ. Императоръ Францъ напомнилъ своему министру, что и онъ желаетъ скорѣйшаго примиренія между сербами и турками въ Бѣлградскомъ пашалыкѣ, ибо обстоятельства таковы, что изъ пограничнаго раіона Австріи слѣдуетъ уклонить и разсѣять всѣ стычки и недоразумѣнія; но для этого, полагалъ онъ, нужно немедленно подѣйствовать у султана, въ виду чего и приказалъ послать соотвѣтственныя инструкціи австрійскому послу въ Константинополѣ, а прошеніе сербовъ, предназначавшееся для русскаго императора, сейчасъ отправить Императору Александру I и сообщить Петербургскому Кабинету о всѣхъ шагахъ, которые въ этомъ дѣлѣ намѣрена сдѣлать Австрія. Относительно же сербскихъ депутатовъ

1) A. Beer. Die orientalische Politik Oesterreichs. Prag 1883, стр. 189—190.

Императоръ приказалъ, чтобы ихъ принялъ придворный секретарь Валенбургъ, выслушалъ ихъ, поучилъ и пригласилъ вернуться домой[1]).

Приказаніе Императора Франца II сейчасъ же начали приводить въ исполненіе.

Придворный секретарь Валенбургъ принялъ сербскихъ депутатовъ въ министерствѣ 16/28 февраля. То, что̀ тамъ говорилось, не имѣетъ особеннаго значенія, такъ какъ осталось безъ всякихъ послѣдствій. Гораздо важнѣе то, что прошеніе сербовъ Императору Александру I немедленно было отправлено по назначенію. Передъ нами письмо русскаго министра иностранныхъ дѣлъ, князя А. Чарторижскаго, отъ 3/15 февраля 1806 г.[2]), въ которомъ русскому послу въ Константинополѣ, Италинскому, сообщается, что сербскіе старшины просили Императора, «дабы онъ заступился за нихъ у султана Селима», и что это прошеніе привезъ новый австрійскій повѣренный въ дѣлахъ, который сообщилъ Императорскому Правительству, что съ такимъ же прошеніемъ сербы обратились и къ австрійскому Императору. Князь А. Чарторижскій въ этомъ письмѣ становится совершенно на точку зрѣнія сербовъ и беретъ ихъ въ защиту передъ Портой.

Онъ напоминаетъ, что Турція безъ достаточнаго основанія готовится (какъ говорили тогдашнія извѣстія) къ походу противъ сербовъ, чтобы силою оружія привести ихъ въ покорность, ибо въ покорности султану они никогда не отказывали. Не согласенъ онъ признать сербовъ бунтовщиками, какъ это дѣлала Порта, находя, что больше въ интересахъ Турецкой имперіи щадить какъ сербскія силы, противъ которыхъ направилась бы военная акція, такъ и турецкія, — которыя были бы затрачены на эту акцію для покоренія сербовъ. Далѣе, онъ ставитъ на видъ опасность отъ приближенія границъ Французской имперіи, которая могла бы, въ ущербъ Турціи, воспользоваться отчаяніемъ,

---

1) A. Beer. Die orientalische Politik Oesterreichs, стр. 100.

2) Неточно, — вѣроятно по ошибкѣ переписчика, обозначенъ мѣсяцъ. Слѣдуетъ читать *марта* вмѣсто *февраля*.

могущимъ охватить Сербію при новомъ турецкомъ нападеніи. Наконецъ, онъ прямо и открыто говоритъ, что нужно было бы предать забвенію все, что до тѣхъ поръ произошло между Турціей и Сербіей, и сдѣлать все необходимое для правильнаго развитія послѣдней. Съ такими аргументами и инструкціями, князь А. Чарторижскій приказываетъ императорскому послу въ Константинополѣ сообщить Портѣ и султану, что Императоръ Александръ желаетъ, чтобы Турція воспользовалась храбростью сербовъ и удовлетворила ихъ просьбѣ о внутреннемъ самоуправленіи и объ уплатѣ дани въ опредѣленной суммѣ, съ тѣмъ, чтобы сербы помогали Портѣ, въ случаѣ надобности, военными отрядами. Въ приложеніи къ этому послу Италинскому было послано и полученное черезъ Вѣну прошеніе сербовъ Императору Александру I, въ которомъ были изложены сербскія требованія [1]).

Хотя сербское прошеніе доставлено было въ С.-Петербургъ при посредствѣ Австріи, отвѣтъ на него сербскимъ старшинамъ послѣдовалъ черезъ К. Ипсиланти и русскаго консула въ Бухарештѣ. Русскіе съ самаго начала всегда предпочитали этотъ путь для сношеній съ Сербіей. К. Ипсиланти въ то время пользовался большимъ довѣріемъ со стороны русскихъ правящихъ сферъ, его мнѣніе въ С.-Петербургѣ считалось самымъ компетентнымъ и имѣло рѣшающее значеніе [2]).

Согласно приказаніямъ Императора Франца II, со стороны Австріи также предпринимались шаги въ пользу Сербіи.

Извѣстно письмо австрійскаго генералиссимуса отъ 7 марта 1806 г., которымъ онъ приглашалъ Карагеоргія и начальниковъ турецкой арміи, стоявшей кругомъ Сербіи, временно пріостановить непріязненныя дѣйствія. Такъ какъ въ это именно время шла ожесточенная борьба по всѣмъ границамъ Сербіи, этотъ шагъ сдѣланъ былъ вполнѣ благовременно. Затѣмъ, Императоръ Францъ II обратился лично и непосредственно султану съ письмомъ, а австрійскому послу въ .Константинополѣ, барону

1) Голубица, V, 142—145.

2) I. Φιλήμον, Δοκίμιον περὶ τῆς ἑλληνικ. ἐπαναστάσεως. Ἀθῆναι, 1859, II, 39.

Штюрмеру, было приказано переговорить съ Портой о томъ, какими средствами и способами можно было бы возстановить миръ, и въ этихъ видахъ предложить ей всевозможныя дружескія услуги со стороны Австріи. Придворный же секретарь еще во время пріема 16/28 февраля 1806 г. сказалъ сербскимъ депутатамъ, что Императоръ будетъ за нихъ хлопотать и у султана и у Порты, и что имъ остается быть въ своихъ требованіяхъ какъ можно болѣе умѣренными и домогаться только возможнаго; но добавилъ, что нельзя и думать о какой нибудь помощи возстанію войсками и амуниціей (какъ о томъ хлопоталъ Пр. М. Ненадовичъ), такъ какъ это означало бы нарушеніе мира и даннаго Императоромъ слова. Тогда сербскіе депутаты заявили, что въ дѣлѣ посредничества въ Константинополѣ они съ полнымъ довѣріемъ полагаются на Императорскій (австрійскій) Дворъ, и только просили, чтобы въ ту трудную минуту чѣмъ бы то ни было облегчили положеніе сербовъ и чтобы Австрія сдѣлала представленіе въ пользу сербовъ стоящимъ кругомъ Сербіи турецкимъ пашамъ и военачальникамъ и, въ случаѣ нужды, не закрывала своихъ границъ для перебѣжчиковъ изъ Сербія[1]). Дѣйствительно, въ то время босняки проникли было въ Вальевскій округъ, сожгли Бранковину и дома Ненадовичей, о чемъ Пр. Ненадовичу уже было сообщено. На всѣхъ же прочихъ позиціяхъ сербы держались отлично.

Вслѣдствіе этого и въ связи съ предпринятыми въ Константинополѣ дипломатическими шагами, эрцгерцогъ Карлъ обратился къ той и другой сторонѣ, — къ Карагеоргію и турецкимъ военачальникамъ, — приглашая ихъ прекратить непріязненныя дѣйствія и ждать окончанія начатыхъ въ Константинополѣ переговоровъ. Несмотря на это, борьба не скоро прекратилась, и босняки заняли почти весь Подринскій (Ядаръ и Радьевину) и Шабацкій округа, такъ что на той сторонѣ границы Сербіи почти совпадали съ границами Вальевскаго округа. Нуженъ былъ зна-

1) A. Beer. Die orientalische Politik Oesterreichs, стр. 191—192.

чительный промежутокъ времени, пока въ Константинополѣ будутъ сдѣланы соотвѣтственныя представленія и оттуда придетъ приказаніе военачальникамъ на сербской границѣ. Письмо эрцгерцога Карла какъ будто не имѣло никакихъ послѣдствій, ибо какъ разъ въ мартѣ мѣсяцѣ отъ г. Сокола черезъ Печскую къ Шабацкому округу и с. Свилеухѣ двинулось многочисленное турецкое войско подъ начальствомъ Османа Джоры. Войско это сожгло Свилеуху и домъ воеводы Луки Лазаревича; но, къ счастію, сербскіе старшины не растерялись, а встрѣтили Османа Джору на Чучугахъ близъ м. Уба, 3-го апрѣля 1806 г. и такъ жестоко разбили, что онъ самъ тутъ же палъ, а изъ его войска немногіе вернулись въ Боснію, такъ какъ сраженіе происходило въ большомъ разстояніи отъ границы и разсѣянныя турецкія отдѣленія сербы потомъ догоняли и разбивали [1]).

Но всѣ усилія Россіи и Австріи въ Константинополѣ, въ дѣлѣ примиренія, падали на безплодную почву. На Порту вліяли уже другія повѣтрія и о примиреніи едва ли тамъ подумывали. И самое обращеніе Порты къ Австріи за помощью, въ концѣ 1805 г., имѣло совсѣмъ иной, а не такой смыслъ, какой ему придавали въ Вѣнѣ. Турки задумали тогда силою подавить возстаніе въ Сербіи и желали только того, чтобы Австрія имъ въ этомъ не мѣшала. Французское вліяніе въ Константинополѣ продолжало и дальше толкать Порту по тому же пути. Тѣмъ не менѣе, на представленія Австріи и Россіи о временной пріостановкѣ военныхъ дѣйствій, съ цѣлью сдѣлать еще одну попытку примиренія,— Порта не могла отвѣтить рѣшительнымъ отказомъ, не сдѣлавъ хоть для виду что-нибудь въ этомъ смыслѣ. Австрійцамъ было отвѣчено, что Порта вотъ уже цѣлые годы въ отношеніе сербовъ пользовалась мирными средствами, чтобы этихъ бунтующихъ подданныхъ привести въ покорность, но что теперь вынуждены прибѣгнуть къ средствамъ другого рода. Австрій-

1) Пр. М. Ненадовичъ, Мемоари, 171—174. Интересно сравнить разсказъ Проты съ стихотвореніемъ С. Милутиновича объ этомъ сраженіи, Сербіанка III, 105—107.

скій посолъ изъ Константинополя доносилъ, что Порта разсчитываетъ силою оружія скоро возстановить порядокъ въ Сербіи. Тамъ, значитъ, крѣпко надѣялись на армію, которая со всѣхъ сторонъ надвигалась противъ сербскихъ повстанцевъ. Стадіонъ въ своемъ рапортѣ, представленномъ Императору 8 мая (24 апрѣля) 1806 г., высказываетъ такое мнѣніе,—что причина негативнаго отношенія Порты къ австрійскому предложенію именно въ томъ, что вопросы и представленія о сербскихъ дѣлахъ дѣлались ей въ то же время и со стороны русскихъ и французовъ, вслѣдствіе чего довольно трудно было найти способъ рѣшенія, который могъ бы всѣхъ удовлетворить. Кромѣ того,—сообщалъ министръ Императору,—Порта пользуется сербскими смутами, какъ удобнымъ предлогомъ для лучшаго подготовленія въ военномъ отношеніи, а когда съ этимъ будетъ готова, тогда, въ дѣлѣ усмиренія Сербіи, она гораздо охотнѣе воспользуется австрійскимъ посредничествомъ, нежели русскимъ или французскимъ[1]). Итакъ, еще около Юрьева-дня въ Вѣнѣ было извѣстно, что Россія и Франція дѣлали Портѣ представленія о сербскихъ дѣлахъ, и что Порта и слышать не хотѣла ни о какомъ примиреніи. Не трудно угадать, каково могло быть посредничество Франціи, когда ея дипломаты смотрѣли на сербовъ какъ на русскихъ protégés. На западѣ вообще боялись сербскаго возстанія, потому что думали, что съ возобновленіемъ сербскаго государства русское вліяніе распространится до р. Дрины, а это тогда для всей западной политики являлось такимъ пугаломъ, которое никакъ не слѣдовало допустить. Наполеонъ 7/19 іюня 1806 г. писалъ своему министру иностранныхъ дѣлъ, что нужно придумать, какъ сокрушить сербовъ, не вызывая грековъ, этихъ русскихъ приспѣшниковъ; а уже 8/20 іюня Наполеонъ писалъ самому султану Селиму, совѣтуя не позволять никому изъ великихъ державъ вмѣшиваться въ сербскія дѣла, и говоря, что онъ долженъ употребить самыя крайнія и самыя сильныя средства для окончатель-

1) A. Beer. Die orientalische Politik Oesterreichs, 194—195.

наго уничтоженія сербскихъ бунтовщиковъ, которыхъ Россія поддерживаетъ и ободряетъ, какъ это хорошо видно и изъ того, что она за нихъ хлопочетъ у Порты, дабы обезпечить имъ самостоятельность [1]). Въ то же самое время французы, занявъ Далмацію и Бокку Которскую, уступленныя имъ по Пресбургскому миру (конца 1805 г.), пришли въ столкновеніе съ русскими (имѣвшими свои войска и флотъ въ Корфу и на Іоническихъ островахъ) и съ черногорцами, передъ которыми не разъ вынуждены были отступать. Тогда же и подъ давленіемъ такихъ обстоятельствъ владыка черногорскій Петръ I Петровичъ обратился къ Карагеоргію и сталъ добиваться связей съ нимъ [2]). Карагеоргій отвѣчалъ, но, очевидно, владыка Петръ ждалъ, чтобы Карагеоргій и помогъ ему чѣмъ-нибудь. Въ свою очередь, Карагеоргій настаивалъ, чтобы владыка оттянулъ къ себѣ босняковъ и герцеговинцевъ и тѣмъ помогъ Сербіи, на которую послѣдніе тогда сильно напирали и тѣснили ее. Между тѣмъ и у владыки были свои заботы, такъ что объ этомъ и думать было некогда. Такимъ образомъ, сербамъ Бѣлградскаго пашалыка нельзя было ждать ни откуда, и приходилось положиться только на свое боевое счастье и самоотверженіе.

Таково было общее положеніе въ Европѣ въ то время, когда сербская депутація собиралась ѣхать въ Константинополь и начать тамъ свою примирительную акцію.

Спрашивается, когда именно П. Ичко со своими товарищами отправился въ Константинополь? Выше мы упоминали, что, согласно одной замѣткѣ В. С. Караджича, это было немедленно послѣ собранія. Л. А. Баталака также утверждаетъ, что избранные депутаты тотчасъ поѣхали съ прошеніемъ въ Константинополь. Объ этомъ имѣется и третье свидѣтельство въ разсказѣ Пр. М. Ненадовича, который при свиданіи съ боснійскимъ ви-

---

1) J. de Testa, Recueil des traités de la Porte Ottomane, Paris 1865, II, 277.

2) Іов. Хаджичъ, Устанакъ србскій. Н. Сад 1863 г., стр. 53. Преписка владыки Петра съ Карагеоргіемъ напечатана у Л. А. Баталаки — Историја срп. устанка, стр. 235—238.

зиремъ у р. Дрины, около половины іюня 1806 г., говорилъ послѣднему, что сербскіе повстанцы послали «султану прошеніе (мазарэ) съ тремя старшинами (кнезами), и просили его прислать визиря и войско, чтобы прогнать кирджаліевъ изъ Бѣлграда» [1]). Но такъ какъ никто не записалъ самаго дня отъѣзда депутаціи изъ Сербіи, и такъ какъ, съ другой стороны, знаемъ, что вѣнская депутація отправилась туда немедленно и что вся акція, во всѣ стороны, была скомбинирована вообще,— весьма возможно, что Константинопольская депутація не трогалась съ мѣста, пока не были получены извѣстія о томъ, что первая (задача которой была подготовить почву для второй) успѣшно окончила свое дѣло, такъ что акція послѣдней въ Константинополѣ не будетъ единоличной. И объ этомъ нѣтъ никакихъ точныхъ указаній; впрочемъ тутъ о времени мы и сами догадываемся. Такимъ образомъ, они могли тронуться въ путь сейчасъ, какъ только указалась къ тому возможность, и во всякомъ случаѣ, не позже второй половины или конца февраля (ст. ст.). Почти съ достовѣрностью можно сказать, что сербскіе депутаты находились въ Константинополѣ уже въ апрѣлѣ и маѣ, т. е. въ то время, когда могли быть предприняты представителями Россіи и Австріи тѣ шаги въ пользу Сербіи, сдѣлать которые имъ было приказано. Но все, что̀ въ ту пору со стороны Порты дѣлалось въ смыслѣ вниманія къ сербскимъ депутатамъ, дѣлалось прямо и исключительно въ угоду Россіи и Австріи, и въ зависимости отъ ихъ посредничества. Не желая дѣлать никакихъ уступокъ и твердо рѣшившись силою сокрушить сербское сопротивленіе, какихъ бы усилій это ни стоило, турки, все-таки, не хотѣли до такой степени обижать своихъ друзей и союзниковъ и отказаться отъ всякаго разговора съ сербскими депутатами, во главѣ которыхъ, вдобавокъ, стоялъ теперь человѣкъ, знающій всѣ турецкіе порядки и формальности. Значитъ, попытка вести переговоры съ сербскими депутатами должна была состояться и, по всей вѣроятности, состоялась тогда,

1) Мемоари, стр. 195.

хотя у насъ и не имѣется никакихъ указаній на это. Военныя приготовленія противъ Сербіи, между тѣмъ, ни на минуту не прекращались. Тѣмъ не менѣе, послѣ неудачнаго для турокъ нападенія Османа Джоры, разбитаго на Чучугахъ 3-го апрѣля, и за все время до начала іюля, не извѣстно ни о какихъ стычкахъ на сербской границѣ. Этотъ продолжительный перерывъ, несмотря на изданное раньше турецкимъ войскамъ приказаніе, нападать на Сербію, какъ только погода этого позволитъ,— нельзя объяснить ничѣмъ инымъ, какъ дипломатической акціей Австріи и Россіи въ Константинополѣ. Въ австрійскихъ источникахъ имѣется одна замѣтка, согласно которой русскіе начали свою дипломатическую акцію въ пользу сербовъ еще въ началѣ апрѣля (ст. ст.), и что и они тогда добивались отъ Турціи прекращенія непріязненныхъ дѣйствій между сербами и турками. Къ этому времени, т. е. къ апрѣлю или маю 1806 г., слѣдуетъ отнести и пріемъ Петра Ичко съ товарищами и нѣкоторыя попытки вести съ ними переговоры. Этимъ, быть можетъ, и можно объяснить слова Карагеоргія, въ письмѣ его къ владыкѣ Петру отъ 29 мая 1806 г., въ которомъ, между прочимъ, говорится: «Нашъ благородный царь, султанъ Селимъ, во всемъ намъ благоволитъ, и мы изо-дня въ день ожидаемъ его фирмана, которымъ установится законность и порядокъ, чтобы жить намъ счастливо, какъ вѣрнымъ подданнымъ Блистательной Порты, и чтобы, пользуясь внутреннимъ самоуправленіемъ, давали царю царево и защищали нашу страну, какъ часть Имперіи Султана, противъ всѣхъ покушеній и нападеній извнѣ» [1]). Безъ сомнѣнія, разъ уже такъ пишетъ Карагеоргій владыкѣ Петру, таковы должны были быть извѣстія, полученныя имъ отъ П. Ичко, и на то надѣялись какъ въ Смедеревѣ, такъ и въ Тополѣ. Но весьма скоро оказалось, что эти надежды П. Ичко были слишкомъ оптимистическія. Очень возможно, что письмо Наполеона султану Селиму отъ 8/20 іюня, о которомъ мы уже говорили, вызвало рѣшительный поворотъ

1) Л. А. Баталака, Истор. срп. уст. 235.

въ противоположную сторону. Въ Мемоарахъ Пр. М. Ненадовича встрѣчаются кое-какія указанія на то, что въ іюнѣ 1806 г. и боснійскій визирь на р. Дринѣ пытался вести переговоры съ старшинами западной Сербіи и, какъ кажется, съ намѣреніемъ контролировать или ослабить значеніе предпринимаемыхъ въ то время П. Ичко шаговъ въ Константинополѣ. Въ другомъ мѣстѣ и подробнѣе мы поговоримъ объ этой попыткѣ мирныхъ переговоровъ на западной границѣ Сербіи. Здѣсь только скажемъ, что какъ-то въ концѣ іюня, можно думать вслѣдствіе указанныхъ впереди совѣтовъ Наполеона, всѣ эти переговоры сразу и неожиданно были прерваны и войскамъ повсюду изданъ приказъ двинуться впередъ и открыть военныя дѣйствія. Въ австрійскихъ источникахъ говорится, что боснійское войско 8/20 іюля двинулось отъ р. Дрины къ Шабцу, а Пр. М. Ненадовичъ пишетъ, что турки уже 10 іюля достигли этого города[1]). Австрійцами отмѣчено и то, что турки въ Бѣлградѣ уже 23 іюня стрѣльбою изъ пушекъ объявили конецъ перемирія и какъ потомъ пришло извѣстіе, что 28 іюня огромная турецкая армія двинулась отъ Софіи къ р. Моравѣ. У Пр. М. Ненадовича читаемъ, что около 10-го іюля въ западную сербскую армію было получено письмо отъ Карагеоргія, въ которомъ сообщалось, что онъ разбилъ турокъ на Моравѣ и что теперь собираетъ войско въ Тополѣ, съ которымъ намѣренъ идти противъ босняковъ. Этимъ, значитъ, закончилось какъ русско-австрійское заступничество за сербовъ передъ Портой, весной и въ началѣ лѣта 1806 г., такъ и перемиріе, установленное вслѣдствіе ихъ интервенціи. Очевидно, дѣло разстроилось вмѣшательствомъ Наполеона и преимущественно благодаря его совѣтамъ, разгорѣлось новое нападеніе на Сербію, нападеніе весьма сильное, съ одной стороны отъ Ниша вдоль р. Моравы, съ другой — отъ Босніи.

Выше всякихъ похвалъ военныя доблести, ловкость и самообладаніе сербскихъ старшинъ, выказанныя ими въ этотъ разъ,

---

1) Мемоари, 195; Срб. Летопис 1826 г. IV, 16.

въ іюлѣ и августѣ 1806 г., во всѣхъ перипетіяхъ борьбы, какъ въ нападеніи, такъ и въ защитѣ,—при отстаиваніи ими того, что до тѣхъ поръ было пріобрѣтено сербскимъ возстаніемъ. Устроивъ все, что было нужно для успѣшной защиты Делиграда, въ томъ же году занятого, созданнаго и прославленнаго, Карагеоргій тотчасъ отправился къ р. Дринѣ, гдѣ турки всего успѣшнѣе дѣйствовали и откуда грозила самая большая опасность.

Около 8-го іюля боснійская армія двумя колоннами выступила противъ Сербіи: одна шла отъ Сокола, другая — отъ Бадовинцевъ. Задачею первой, предводительствуемой Хаджи-бегомъ изъ Сребрницы, было—черезъ г. Вальево и долиною р. Колубары или куда будетъ удобнѣе, выйти къ Бѣлграду, наравнѣ съ главной колонной, которая должна была достигнуть этого пункта со стороны Шабца,—спустившись внизъ по р. Савѣ. Сербское войско, осаждавшее Шабацъ, тотчасъ сняло осаду, начатую еще въ январѣ мѣсяцѣ, и отступило назадъ на правую сторону Добравы, къ Вучіевицѣ. Около 15-го іюля самъ Карагеоргій съ отрядами гружанскимъ, рудницкимъ и бѣлградско-колубарскимъ, вышелъ навстрѣчу арміи Хаджи-бега, остановившейся было на Братачичѣ, къ западу отъ Вальева. Сраженіе произошло 20-го іюля, продолжалось весь день и окончилось побѣдою сербовъ[1]). Немедленно послѣ этого Хаджи-бегъ отступилъ назадъ къ Соколу, а Карагеоргій съ войскомъ направился къ р. Савѣ, противъ главной турецкой арміи на той сторонѣ.

Въ тотъ же самый день, когда произошло упомянутое сраженіе съ Хаджи-бегомъ на Братачичѣ, двинулось впередъ и боснійское войско отъ Шабца къ Бѣлграду. Правое крыло этого войска встрѣтилось съ сербами на Крничѣ (и Месарцахъ), и они заставили его отступить. Встрѣтивъ тѣхъ же борцовъ и на главномъ пути у Устья и узнавъ объ отступленіи праваго фланга, главнокомандующій турецкой арміей счелъ за лучшее вернуться въ Шабацъ, собраться тамъ съ силами и основательнѣе приго-

1) День опредѣляемъ по комбинаціи генер. К. С. Протича, Годишньица XIII, 198.

товиться для наступленія. Въ этотъ именно моментъ къ сербскому войску прибылъ Карагеоргій съ Братачича. Онъ сейчасъ приказалъ придвинуться ближе къ Шабцу и, пользуясь неудачами и оплошностью турокъ, занялъ выгодныя позиціи на Мишарѣ. Здѣсь и произошла рѣшительная битва 1-го августа 1806 г. Въ этотъ день вся боснійская армія кинулась на сербовъ съ цѣлью прогнать ихъ съ новыхъ мишарскихъ позицій, но вмѣсто того сами босняки были на-голову разбиты и потеряли въ этомъ сраженіи лучшихъ своихъ вождей, надежду арміи, вслѣдствіе чего рухнули всѣ планы о движеніи къ Бѣлграду; а въ виду всего этого битва на Мишарѣ получила значеніе одного изъ самыхъ важныхъ сраженій въ исторіи сербскаго возстанія.

Немного раньше нападенія босняковъ, началось нападеніе турецкой румелійской арміи со стороны Ниша. Румелійскій вали (начальникъ всѣхъ пашаликовъ европейской Турціи, за исключеніемъ Босніи и Герцеговины), Ибрагимъ-паша Бушатли изъ Скутари (потомокъ зетскихъ Черноевичей) двинулъ отъ Ниша моравскимъ путемъ многочисленную главную армію. Съ нимъ были и новые низамскіе (по-европейски обученные) артиллеристы съ четырнадцатью пушками и мортирами. Со стороны сербовъ эту армію ожидали у Делиграда, кромѣ капитана Жикича съ «бекьярами», Петръ Добрньяцъ съ шестью тысячами человѣкъ, а затѣмъ: Станой Главашъ, воеводы Вуле и Вуица — съ смедеревцами, Антоній Пльяка и кнезъ Ефта изъ Левча — съ ихъ отрядами. Эти старшины подумали и нашли, что для лучшей защиты Делиграда слѣдовало бы построить еще одинъ редутъ на правой сторонѣ Моравы, и поэтому въ раіонѣ села Любеша возникъ новый редутъ — Топольякъ. Ибрагимъ-паша осадилъ Делиградъ и цѣлыхъ шесть недѣль усиливался занять его и открыть себѣ дорогу на Бѣлградъ, — но всѣ эти усилія остались безъ успѣха. Для того, чтобы войска легче вынесли нападенія турокъ, сербы защищали редуты смѣнами, такъ какъ въ особенности была тяжела не смолкавшая ни днемъ ни ночью турецкая бомбардировка. С. Милутиновичъ, воспѣвая геройскую

защиту Делиграда, говоритъ, что бомбардировка продолжалась шесть недѣль и прекратилась, когда пришли извѣстія о разгромѣ боснійской арміи на Мишарѣ. Между тѣмъ, были тому и другія причины. Приблизительно въ то же время, когда произошло сраженіе на Мишарѣ, Станой Главашъ задумалъ дерзкую диверсію на Прокуплье. Выдѣливъ 2500 человѣкъ пѣхоты и 500 человѣкъ конницы, онъ неожиданно ночью напалъ на Прокуплье и поджегъ его ракетами, такъ что весь городъ сталъ жертвою пламени. Турки еле успѣли спастись въ крѣпости. И самого Главаша тутъ немного обожгло ракетой[1]). Одно — это, второе — извѣстіе о пораженіи босняковъ, третье — слухи о томъ, что на подкрѣпленіе Делиграда идетъ самъ Карагеоргій, а четвертое — безуспѣшность всѣхъ нападеній, заставили Ибрагимъ-пашу снять осаду Делиграда и отодвинуться ближе къ Нишу, чтобы не попасть между двухъ огней. Случилось къ тому, что молнія ударила и сожгла всю амуницію осаждающей Делиградъ турецкой арміи. Снятіе осады Делиграда послѣдовало, по всей вѣроятности, около Преображенія 1806 г.[2]). Однако, турецкое войско не совсѣмъ еще отступило къ Нишу. И такъ какъ оно не было еще разбито, противъ него стали придвигаться и прочіе сербскіе старшины, ибо послѣ сраженій на Братачичѣ, Месарцахъ и Мишарѣ совершенно нечего было бояться босняковъ. Такимъ образомъ, всѣ сербскіе воеводы, кромѣ оставшихся въ Подриньи, собрались теперь насупротивъ арміи Ибрагимъ-паши, которая, послѣ отступленія отъ Делиграда, остановилась на линіи между Алексинцемъ и Нишомъ[3]). За нею придвинулась и сербская ар-

1) Споменик, XIX, стр. 10. Записки Анты Протича.

2) С. Милутиновичъ, Сербіанка, II, 1—8.

3) Капитанъ Коста Іовановичъ изъ Кленка писалъ митрополиту Стратимировичу, 18-го августа, что въ этотъ день онъ узналъ отъ какого-то купца изъ Землина, что Карагеоргій отъ Бѣлграда отправился къ арміи, стоящей противъ Ниша, и что туда направляются и другіе отряды изъ Шумадіи. Архив Срп. Кр. Академије, № 430. Къ этому и письмо изъ Митровицы отъ 21 авг. 1806 г., № 431, и письмо изъ Кленка отъ 28 авг. 1806 г., № 433,— тамъ же.

мія, защищавшая до того времени Делиградъ. Къ послѣдней — со стороны Тимока, отъ Вратарницы и Княжевца,—приблизился и Миленко Стойковичъ. Первая стычка съ однимъ изъ отрядовъ нишской арміи произошла 22 августа. Въ этотъ день турки атаковали сербскіе редуты у Алексинца, которыми командовалъ Младенъ Миловановичъ. Сраженіе продолжалось весь день и окончилось только на второй,—когда одна сербская колонна ударила въ бокъ туркамъ. Послѣдніе тогда отступили съ большими потерями, оставивъ сербамъ весь свой лагерь, пушки, кассу и амуницію. И другой турецкій отрядъ, который со стороны Пасваноглу напалъ на Миленко Стойковича, былъ также отброшенъ сербами. Въ виду этого, засѣдавшій въ Смедеревѣ Совѣтъ сдѣлалъ распоряженіе отпраздновать эти побѣды и въ честь ихъ по всѣмъ лагерямъ совершить благодарственные молебны съ пушечными салютами[1]).

Но Ибрагимъ-паша все еще не хотѣлъ отказаться отъ своего намѣренія. Не въ силахъ будучи пробиться ни со стороны Делиграда, ни со стороны Алексинца, и несмотря на полную неудачу его попытки на правомъ флангѣ, онъ все-таки задумалъ съ той именно стороны обойти какъ-нибудь сербовъ, пройдя горами отъ Пирота и Чипуровца къ Княжевцу, спуститься позади Делиграда — къ Парачину или дальше послѣдняго — прямо къ Моравѣ и Шумадіи. Въ этихъ видахъ Ибрагимъ-паша двинулся по горамъ со стороны Пирота и отъ истоковъ Лома къ предѣламъ Торговиштскаго Тимока, намѣреваясь обойти сербскую армію и отрѣзать ее отъ главной базы. Узнавъ объ этомъ, сербскіе старшины рѣшили и на этотъ разъ прибѣгнуть къ тактикѣ, которой придерживались въ началѣ 1806 г., а именно: — предупреждать непріятеля, идти ему навстрѣчу и вызывать на сраженія раньше, чѣмъ онъ успѣетъ развернуться. Этотъ планъ былъ принятъ, и сербскіе воеводы пошли навстрѣчу непріятелю,

1) Письмо кап. К. Іовановича митрополиту Стратимировичу отъ 28 августа 1806 г. Архив Срп. Кр. Академије, № 433; Срб. Летопис 1826 г., IV, 24—25.

вверхъ по р. Тимоку, въ горы между Пиротомъ, Чипуровцемъ и Княжевцемъ, черезъ которыя Ибрагимъ-паша думалъ провести свои войска. Въ происшедшей тамъ стычкѣ Ибрагимъ-паша опять потерпѣлъ неудачу. Поэтому онъ рѣшилъ прекратить борьбу и начать переговоры, въ какомъ смыслѣ у него уже имѣлись инструкціи изъ Константинополя[1]).

Такая перемѣна расположенія въ Константинополѣ наступила еще гораздо раньше и была вызвана обстоятельствами, изъ которыхъ явствовало, что война съ Россіей неизбѣжна. Въ подобномъ случаѣ положеніе Сербіи создавало массу неудобствъ и опасностей. Петръ Ичко, между тѣмъ, говорилъ въ Константинополѣ всѣмъ, которые имѣли расположеніе слушать его, что сербы рады жить въ мирѣ и возстаютъ только противъ насилія, что въ Сербіи никогда и никто не думалъ отказывать въ покорности султану, что и старшины и народъ проникнуты однимъ общимъ желаніемъ, а именно, чтобы къ нимъ было послано довѣренное лицо султана, которое съ народными старшинами согласилось бы объ условіяхъ мира[2]). Собственно говоря, ничего иного не требовали ни Россія и Австрія въ началѣ того же лѣта, до неудачнаго турецкаго похода. Франція, правда, тоже вмѣшивалась въ это дѣло, но дѣйствовала въ противоположномъ направленіи, хотя и она желала, чтобы сербскія смуты какъ-нибудь закончились, зная, насколько было бы невыгодно для Турціи ихъ продолженіе въ случаѣ войны съ Россіей, въ которую французы изо всѣхъ силъ старались втянуть турокъ. Въ концѣ іюля 1806 г. въ Турцію прибылъ новый французскій посолъ генералъ Себастіани, главною задачею котораго было какъ можно скорѣе поссорить Турцію съ Россіей и вызвать тамъ расположеніе къ этой войнѣ.

1) Изъ нашихъ источниковъ знаемъ только то, какъ ожидалъ эту рѣшительную войну Яковъ Ненадовичъ,—по собственнымъ его соображеніямъ того времени. Архив Срп. Кр. Академије. Письмо К. Іовановича отъ 28 августа, № 433. Остальное черпаемъ изъ австрійскихъ замѣтокъ въ Серб. Летописи, 1826, IV, 27—31, хотя во многихъ отношеніяхъ онѣ насъ не удовлетворяютъ.

2) С. Милутиновић, Сербіанка, II, 102—104.

Какъ и что думалъ генералъ Себастіани о сербскихъ дѣлахъ въ то время, когда ѣхалъ къ мѣсту своего служенія, въ Константинополь, т. е. въ концѣ іюля, хорошо видно изъ его разговора съ княземъ Ипсиланти въ Букарештѣ, гдѣ онъ, по приказанію Порты, былъ встрѣченъ со всѣми почестями. Тутъ-то генералъ Себастіани и сказалъ Ипсиланти, что Французскому Двору извѣстно, что онъ, Ипсиланти, поддерживаетъ сербское возстаніе и доставляетъ повстанцамъ оружіе изъ Россіи. Себастіани рѣшительно высказался противъ возстанія въ Сербіи, потому что оно на руку Россіи, стремящейся создать въ Сербіи княжество, которымъ бы она распоряжалась по своей волѣ, и поэтому упрекалъ Ипсиланти за то, что онъ не дѣйствовалъ въ противоположномъ направленіи, т. е. не тушилъ пожара въ Сербіи, прибавляя, что это былъ бы единственный способъ, которымъ онъ, князь Валахіи, могъ засвидѣтельствовать свою преданность Портѣ и, въ то же время, заручиться расположеніемъ Наполеона. Князь Ипсиланти отвѣчалъ, что онъ дѣйствительно получилъ приказаніе позаботиться объ усмиреніи возстанія въ Сербіи и что въ этомъ отношеніи дѣлалъ все, что отъ него зависѣло, но что не было успѣха потому, что Порта не хотѣла ничѣмъ поступиться для примиренія, а теперь — прибавилъ Ипсиланти — это дѣло въ рукахъ Ибрагимъ-паши, румелійскаго вали. Онъ еще разъ высказалъ свое убѣжденіе, что возстаніе въ Сербіи нельзя усмирить, не сдѣлавъ сербамъ кое-какія уступки, тѣмъ болѣе, что они не требуютъ ничего другого, кромѣ обезпеченія за ними мирнаго житья. Услышавъ все это, генералъ Себастіани поколебался, и хотя раньше говорилъ, что сербы должны непремѣнно и безусловно покориться турецкой власти, — послѣ завѣреній Ипсиланти, что они борятся только для мира и порядка въ своемъ домѣ, — просилъ его снова подѣйствовать на сербовъ въ смыслѣ примиренія, а онъ, въ свою очередь, похлопочетъ за нихъ въ Константинополѣ. Ипсиланти согласился на такую интервенцію, съ тѣмъ, однако, чтобы для этого со стороны Порты даны были ему спеціальныя полномочія, а генералъ Себастіани

обѣщалъ позаботиться о присылкѣ таковыхъ[1]). Между тѣмъ, по прибытіи въ Константинополь, генералъ Себастіани повернулъ иначе и измѣнилъ свою политику въ отношеніи Ипсиланти, и мы пока не знаемъ, дѣлалъ онъ что-нибудь и что именно, — въ смыслѣ вышеприведеннаго разговора. Во всякомъ случаѣ, этотъ разговоръ весьма ясно рисуетъ положеніе сербскихъ дѣлъ и расположеніе къ нимъ въ концѣ іюля 1806 г., т. е. въ то самое время, когда въ Сербіи приближались тѣ рѣшительныя битвы, благодаря которымъ сознаніе необходимости примиренія и другимъ путемъ было пробуждено.

Война Турціи съ Россіей виднѣлась уже на горизонтѣ. Это было извѣстно и въ С.-Петербургѣ, и въ Константинополѣ, и въ Парижѣ. А когда, въ виду сверженія князей К. Ипсиланти и Мурузи, эта война стала неминуемой, изъ Парижа опять писали генералу Себастіани въ Константинополь 4/16 сентября 1806 г., чтобы онъ приложилъ всѣ старанія для окончанія смутъ въ Сербіи. «Вамъ уже раньше было приказано»,—писалъ генералу Себастіани французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, — «настаивать у Порты, чтобы въ отношеніи Сербіи она предприняла мѣры энергичныя и рѣшительныя; при нынѣшнихъ же обстоятельствахъ въ особенности необходимо это сдѣлать. Тогда мы вамъ это рекомендовали изъ желанія сохранить общій миръ на континентѣ, а теперь всѣми средствами слѣдуетъ воспрепятствовать, чтобы сербскіе бунтовщики не получили отъ русскихъ новую помощь»[2]). Дѣла эти, между тѣмъ, на глазахъ генерала Себастіани развивались своимъ чередомъ. Уже въ началѣ августа 1806 г., т. е. въ то самое время, когда генералъ Себастіани прибылъ въ Константинополь, принося войну съ Россіей, — на Портѣ, какъ кажется, взяли верхъ миролюбивыя теченія въ отношеніи Сербіи, и явилось убѣжденіе, что въ данный моментъ силою оружія нельзя достигнуть тамъ никакихъ результатовъ.

1) В. Богишичъ, Разборъ сочиненія Н. А. Попова, стр. 50—60. Приведены замѣтки самого кн. Ипсиланти, приготовленныя имъ для русскаго министра.

2) Выписки изъ французскаго архива г. Мих. Гавриловича.

Австрійскіе источники говорятъ, что еще до сраженія въ Балканскихъ горахъ у Ибрагимъ-паши имѣлся уже приказъ султана о примиреніи съ сербскими повстанцами, такъ что и эта диверсія сдѣлана была имъ на собственный рискъ и страхъ, въ надеждѣ преодолѣть какъ-нибудь сербовъ и повернуть дѣло на свою руку[1]). С. Милутиновичъ говоритъ, какъ послѣ осады Делиграда въ Константинополѣ отвѣтили отказомъ на предложеніе Ибрагимъ-паши о присылкѣ ему новыхъ подкрѣпленій и денегъ, чтобы разъ уже покончить съ сербами, и что Порта тогда была согласна примириться съ послѣдними, въ виду чего и были отклонены предложенія Ибрагимъ-паши, а приняты предложенія Петра Ичко[2]). При подобномъ расположеніи сторонъ и всей европейской политики, какъ мы ихъ очертили по самымъ достовѣрнымъ источникамъ, требованіе Ибрагимъ-паши о присылкѣ новаго войска и денегъ едва ли могло быть принято иначе, — если только оно предъявлялось. Боснійская армія была нѣсколькими стычками сильно разстроена, а на Мишарѣ — окончательно разбита; если она и не была отброшена назадъ въ Боснію, то сама собою таяла и гибла, въ особенности при самовольномъ возвращеніи въ Боснію небольшими отрядами, кото рыхъ сербы встрѣчали и уничтожали. У Ибрагимъ-паши была довольно большая армія, и такъ какъ до тѣхъ поръ не могъ съ нею достигнуть никакихъ успѣховъ, — онъ тѣмъ самымъ ослаблялъ и подрывалъ упомянутое предложеніе объ усиленіи его арміи. С. Милутиновичъ замѣчаетъ, что изъ Константинополя былъ тогда посланъ къ Ибрагимъ-пашѣ въ Нишъ самъ сербскій делегатъ Петръ Ичко, съ приказаніемъ, чтобы паша, которому раньше уже даны были полномочія для окончанія сербскихъ дѣлъ,—приготовилъ и послалъ черезъ того же П. Ичко все, что нужно для мира. Но когда послѣдній пріѣхалъ въ Нишъ, Ибрагимъ-паши тамъ уже не было. С. Милутиновичъ разсказываетъ,

---

1) Срб. Летопис, 1826, IV, 30.

2) Сербіанка, II, 104. Это могло быть въ первой половинѣ августа, послѣ отступленія турокъ отъ Делиграда.

что какое-то возмущеніе христіанъ около Битоли заставило его отправиться туда, — откуда онъ больше и не возвращался въ Нишъ. На самомъ же дѣлѣ,—продолжаетъ С. Милутиновичъ,— Ибрагимъ-пашѣ былъ не по душѣ этотъ новый поворотъ, потому что онъ, хотя и не имѣлъ удачи въ борьбѣ, все-таки стоялъ за дальнѣйшее воздѣйствіе силою оружія, вслѣдствіе чего, подъ предлогомъ битолійскихъ волненій, онъ удалился изъ Ниша раньше пріѣзда сербскаго депутата изъ Константинополя. Ибрагимъ-паша, по словамъ С. Милутиновича, все еще надѣялся, что рѣшеніе Порты какъ-нибудь видоизмѣнится въ смыслѣ возвращенія къ его предложеніямъ.

Австрійскимъ Военно-Комендантскимъ Управленіемъ въ Землинѣ уже 12 сентября были получены достовѣрныя извѣстія изъ Совѣта въ Смедеревѣ, что письмо Порты о примиреніи съ сербами нельзя было передать Ибрагимъ-пашѣ, такъ какъ везшій его татаринъ (курьеръ) не засталъ пашу въ Нишѣ. Зато назначенный въ Бѣлградъ нишскій мухасилъ вскрылъ это письмо вмѣсто паши и сейчасъ приступилъ къ исполненію содержащихся въ немъ приказаній [1]).

Однако, С. Милутиновичъ увѣряетъ, что, не заставъ Ибрагимъ-пашу въ Нишѣ, П. Ичко не растерялся, а самъ поѣхалъ къ нему въ Битоли, нашелъ его тамъ и любезностью и ласкою добился того, что паша наконецъ сдѣлалъ соотвѣтственныя распоряженія для приведенія въ исполненіе фирмана, сообразуясь конечно и съ тѣмъ, что онъ долженъ исполнить такой, санкціонированный самимъ султаномъ, приказъ Порты [2]).

Вслѣдствіе этого прежде всего были прекращены военныя дѣйствія на границѣ. Ибрагимъ-паша, дѣйствительно, послалъ,— какъ о томъ оповѣщаютъ опять-таки австрійскіе источники,— къ Карагеоргію одного изъ подчиненныхъ пашей съ предложеніемъ заключить перемиріе, въ продолженіе котораго велись бы

1) Донесеніе маіора Митезера отъ 13/25 сентября изъ Землина. Архив. Срп. Кр. Академије, № 443.

2) Сербіанка, II, 104—105.

переговоры объ окончательномъ мирѣ. Срокъ перемирія былъ опредѣленъ въ 42 дня, съ тѣмъ, чтобы оно имѣло силу для всей сербской границы. На случай пріѣзда турецкаго делегата для мирныхъ переговоровъ, была предусмотрѣна возможность продолженія перемирія подъ условіемъ предупрежденія за двѣ недѣли впередъ. Установлена была и демаркаціонная линія, согласно которой сербы должны были отойти еще на два часа дальше отъ Ниша и очистить неготинскую Краину (занятую раньше Миленкомъ), оставляя открытымъ путь между Адакалэ, Нишомъ и Виддиномъ. Это перемиріе тотчасъ, около 11 сентября 1806 г., было подписано Карагеоргіемъ и Ибрагимъ-пашой, послѣ чего Карагеоргій немедленно отправился съ границы въ Смедерево[1]). Условленное перемиріе Ибрагимъ-паша немедленно объявилъ вдоль всей границы. Передъ нами письмо К. К. Родофиникина, писанное въ Букарештѣ 16-го сентября 1806 г., въ которомъ сообщается, что въ Виддинѣ и другихъ мѣстахъ кругомъ объявленъ фирманъ Порты, въ силу котораго сербамъ все прощалось и запрещалось нападать на нихъ. Въ Букарештѣ не знали, что это собственно означаетъ, и К. К. Родофиникинъ думалъ, что Порта или самъ Пасваноглу хотѣли только усыпить бдительность сербовъ, дабы потомъ неожиданно напасть и разгромить ихъ[2]). Въ дѣйствительности же это было вышеупомянутое перемиріе, которымъ на дѣлѣ закончивалась война и открывалась новая эра переговоровъ съ довѣреннымъ лицомъ Порты въ Смедеревѣ, согласно предложеніямъ и просьбамъ Петра Ичко.

Но объ этомъ рѣчь будетъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

---

1) Срб. Летопис 1826, IV, 28—30, откуда черпаемъ эти свѣдѣнія, опредѣляетъ день отъѣзда Карагеоргія 14 сентября, но числа въ этой статьѣ, писанной по даннымъ съ австрійской границы,—не всегда точны. Впрочемъ, относительно дня перемирія имѣется подтвержденіе и съ другой стороны, какъ это сейчасъ увидимъ.

2) В. Богишичъ, Разборъ сочиненія Н. А. Попова, стр. 69.

IV.

Прибытіе П. Ичко съ мухасиломъ въ Смедерево. Встрѣча мухасила. Отличія и обѣщанія Карагеоргію. Неискренность той и другой сторонъ. Текстъ и оцѣнка концессій, сдѣланныхъ Константинополемъ. Настаиванія сербскихъ старшинъ, чтобы мухасилъ помогъ имъ въ дѣлѣ занятія Бѣлграда и Шабца. Несогласіе на сдачу Гушанацъ-Али и шабацкихъ комендантовъ. Рѣшеніе сербскихъ старшинъ взять эти города вооруженною силою. Окончательные переговоры съ мухасиломъ объ условіяхъ мира. Новая поѣздка П. Ичко въ Константинополь (въ ноябрѣ 1806 г.) для докончанія и утвержденія соглашенія. Занятіе внѣшнихъ частей Бѣлграда (30 ноября 1806 г.), а затѣмъ и крѣпости (27 декабря 1806 г.). Празднества въ Бѣлградѣ по этому случаю. Мирное занятіе Шабца по приказу изъ Травника (26 января 1807 г.). Впечатлѣніе этихъ событій. Успѣхи Наполеона въ войнѣ противъ Пруссіи и приближеніе къ границамъ Россіи. Вліяніе всего этого на дѣятельность П. Ичко въ Константинополѣ. Окончательное завершеніе переговоровъ П. Ичко въ Константинополѣ (около 16 января 1807 г.).

Во второй половинѣ сентября 1806 г. въ Сербіи ожидали перемирія и были заняты переговорами. Сербскій Совѣтъ изъ Смедерева сообщалъ австрійскому Военно-Комендантскому Управленію въ Землинѣ, что довѣренное лицо султана (мухасилъ) уже 18/30 сентября ожидается въ сербскомъ лагерѣ подъ Бѣлградомъ. Кромѣ того передъ нами и письмо изъ Кленка, адресованное 13-го сентября 1806 г. митрополиту Стратимировичу, въ которомъ говорится, что какіе-то купцы изъ Землина принесли извѣстія, что въ Смедерево прибылъ изъ Константинополя базерджанъ-баша Петръ Ичко и привезъ фирманъ (собственно текстъ фирмана), по которому въ Бѣлградъ скоро прибудетъ визирь съ 200 турокъ. Этотъ визирь, говорилось дальше, впередъ будетъ принимать и высылать султану въ Константинополь дань съ Сербіи, въ которой будетъ возстановленъ миръ и порядокъ, а границы (со стороны Босніи) проведены по р. دринѣ[1]).

Въ дѣйствительности же П. Ичко и мухасилъ пріѣхали немного позже и какъ кажется (точной записи нѣтъ) — въ послѣднихъ числахъ сентября. Имѣется письмо изъ Кленка, адресованное митрополиту Стратимировичу 2-го октября 1806 г., въ ко-

1) Архив Срп. Кр. Академије, № 437.

торомъ капитанъ К. Іовановичъ разсказываетъ, что за нѣсколько дней передъ тѣмъ имѣлъ свиданіе съ Яковомъ Ненадовичемъ и спрашивалъ его, правда ли что базерджанъ-баша П. Ичко пріѣхалъ изъ Константинополя съ фирманомъ, на что Яковъ Ненадовичъ, ссылаясь на письмо Карагеоргія, отвѣтилъ, что дѣйствительно П. Ичко пріѣхалъ съ фирманомъ и съ нѣсколькими представителями султана. Въ тотъ же самый день Якову Ненадовичу пришла эстафета отъ Карагеоргія, чтобы немедленно пріѣхалъ къ нему на Врачаръ (у Бѣлграда). Изъ вышеприведенной австрійской записки видно, что мухасиломъ и представителемъ въ Сербіи былъ назначенъ прежній нишскій мухасилъ[1]). По другой, австрійской же замѣткѣ, вмѣстѣ съ мухасиломъ прибыли еще одинъ капиджи-баши и тайный патріаршій писарь изъ Константинополя[2]).

А такъ какъ послы султана всегда—въ знакъ преданности—были встрѣчаемы съ нѣкоторою торжественностью, то и новый представитель былъ встрѣченъ съ такими же почестями, которыя тѣмъ важнѣе, что приходились послѣ извѣстныхъ намъ отчаянныхъ сраженій. С. Милутиновичъ передаетъ, какъ Карагеоргій и его правительство, чтобы показать свою солидарность съ требованіями, заявленными въ Константинополѣ ихъ депутатомъ П. Ичко, и чтобы засвидѣтельствовать свое расположеніе къ миру, — снарядили въ Нишъ, для встрѣчи мухасила, депутацію изъ 24 избранныхъ сербскихъ кавалеристовъ, которые, поздравивъ его тамъ, должны были провожать его до Смедерева. Въ Смедеревѣ самъ Карагеоргій съ старшинами и множествомъ войска вышелъ навстрѣчу мухасилу. Въѣздъ его состоялся при радостныхъ крикахъ народа и пушечныхъ салютахъ съ крѣпости. С. Милутиновичъ прибавляетъ, что эти крики и стрѣльба раздавались эхомъ во всѣ четыре стороны[3]). Тотъ же С. Милутиновичъ въ другомъ мѣстѣ разсказываетъ, какъ мухасилъ объ-

1) Архив Срп. Кр. Академије, № 443.
2) Срб. Летопис, 1826, IV, 33.
3) Сербіанка, II, 106.

щалъ тогда Карагеоргію, что онъ будетъ признанъ и утвержденъ наслѣдственнымъ беемъ всей Сербіи, и что «за важныя услуги» надѣлъ на него верхнюю одежду изъ чистой порфиры и надавалъ еще дорогіе «самуръ-чурки», т. е. накидки на собольемъ мѣху.

Примиреніе, значитъ, выставлялось напоказъ обѣими сторонами и со всѣми формальностями[1]).

Между тѣмъ, несмотря на всѣ эти блестящія празднества, настоящаго примиренія еще не было, а снова начиналась, только въ нѣсколько иномъ видѣ, та же самая игра, которая, въ іюлѣ и августѣ 1804 г., водилась съ Бекиръ-пашой, первымъ посломъ султана для усмиренія Сербіи. Мухасилъ и П. Ичко привезли, или лучше сказать — выслали передъ собой основные пункты примиренія, которые въ тотъ моментъ были принципіально одобрены въ Константинополѣ. Согласно переговорамъ, которые П. Ичко велъ въ Константинополѣ съ представителями турецкаго правительства, эти пункты еще разъ должны были быть разсмотрѣны совмѣстно съ сербскими старшинами и окончательно установлены, а затѣмъ представлены Портѣ, для приготовленія фирмана въ смыслѣ достигнутаго на этихъ переговорахъ соглашенія, чтобы, такимъ образомъ, уже былъ нами упроченъ миръ въ странѣ. Сербскому Совѣту въ Смедеревѣ еще 12-го сентября 1806 г. былъ извѣстенъ этотъ принципіально принятый и утвержденный Портою текстъ соглашенія.

Имъ особенно сильно интересовалось австрійское Военно-Комендантское Управленіе, которое послало въ Смедерево землинскаго (раньше бѣлградскаго) купца Нану Бембо, съ спеціальною цѣлью разузнать что-нибудь объ этомъ. Согласно сдѣланному Н. Бембо со стороны Совѣта сообщенію, вашеупомянутый, присланный изъ Константинополя текстъ содержалъ слѣдующіе пункты:

1) Всѣ кирджаліи и ихъ старшины должны оставить Бѣлградъ и выселиться.

---

1) Сербіанка, II, 124. Споменик, XIX, 10. Записки Анты Протича.

2) Янычары и осѣдлые турки остаются въ Бѣлградѣ, но первые не должны получать содержанія ни отъ султана, ни отъ народа, а должны сами объ этомъ позаботиться и жить торговлей, промыслами или какъ знаютъ.

3) Визиремъ въ Бѣлградѣ назначается прежній Ага-Гассанъ-паша, который занималъ это мѣсто до Сулейманъ-паши (т. е. до примиренія съ Бекиръ-пашой).

4) Кромѣ этого визиря и кромѣ мухасила въ Бѣлградѣ не будетъ больше никого изъ турецкихъ должностныхъ лицъ.

5) Ежегодно сербы обязаны платить мухасилу, въ качествѣ дани, 12,000 кошельковъ или 6 милліоновъ грошей; а кромѣ того никому ничего давать не должны, за исключеніемъ 2000 возовъ сѣна и 2000 возовъ дровъ для бѣлградской крѣпости и гарнизона.

6) Для послѣдняго будетъ прислано изъ Константинополя 300 человѣкъ турецкой регулярной арміи, и кромѣ того

7) сербы будутъ отряжать для этого гарнизона 500 человѣкъ своихъ.

8) Верховный Кнезъ будетъ жить въ Бѣлградѣ, а по нахіямъ (округамъ) будутъ назначены двѣнадцать простыхъ кнезовъ, подчиненныхъ Верховному Кнезу.

9) Въ руки сербовъ перейдутъ всѣ государственные доходы Сербіи, какъ-то: налоги, пошлины, лѣсные доходы и т. д.

10) Содержаніе бѣлградскаго паши и гарнизона идетъ въ счетъ упомянутыхъ 6 милліоновъ грошей дани.

12) Сербы обязаны снова принять только своихъ старыхъ спагіевъ (помѣщиковъ), какъ хозяевъ обрабатываемой ими земли, но эти спагіи должны будутъ жить въ Бѣлградѣ и не выѣзжать въ свои помѣстья, а сами сербы честно и исправно будутъ собирать и приносить имъ всѣ ихъ доходы.

12) Туркамъ не позволяется жить ни въ какомъ другомъ городѣ или мѣстечкѣ Сербіи. Сербамъ предоставляется самимъ возводить тамъ необходимыя служебныя и другія постройки, какъ-то: почтовыя станціи, торговые склады и пр., и сопро-

вождать и охранять торговые караваны при проѣздѣ изъ одного мѣста въ другое[1]).

Такова суть упомянутаго «фирмана», насколько онъ былъ извѣстенъ сербскому Совѣту въ Смедеревѣ еще 12-го сентября 1806 г. Хотя въ немъ въ общихъ чертахъ тѣ же привилегіи, какія требовались представленіемъ Народнаго Собранія въ Печанахъ отъ апрѣля 1805 г., есть однако и модификаціи въ пользу Турціи. Турки, какъ видно, не хотѣли совершенно отказаться ни отъ городовъ, ни отъ содержанія визиря въ Бѣлградѣ, хотя дальнѣйшее держаніе городовъ облекли въ такую форму, которую сербамъ не трудно было переносить. Предлагается нѣкотораго рода совмѣстное обладаніе городами, какое на практикѣ одно время, въ 1805 году, имѣло мѣсто въ Бѣлградѣ и въ Смедеревѣ. Не хотѣли отказаться и отъ того, чтобы имѣть визиря въ Бѣлградѣ, хотя и назначали на это мѣсто тѣнь правителя, Ага-Гассанъ-пашу, человѣка стараго и добраго. Рядомъ съ нимъ въ дѣйствительности главнымъ турецкимъ чиновникомъ являлся бы новый мухасилъ, такъ что на дѣлѣ было бы исполнено желаніе сербовъ, а по формѣ — оставалось бы по желанію турокъ и согласно традиціонному уваженію къ власти султана.

Вопросъ о дани и налогахъ разрѣшался по желанію сербовъ. Турки отлично понимали чувствительность сербовъ въ этомъ отношеніи. Но и тутъ удержано древнее право спагіевъ, которымъ хотя и запрещено лично собирать свои доходы и выѣзжать въ помѣстья, все это должны были дѣлать сами сербы, — имъ всетаки разрѣшено жить въ Бѣлградѣ. А такъ какъ спагіи, согласно старымъ турецкимъ регламентамъ и устройству, представляли контингентъ армейской кавалеріи, этимъ, значитъ, турецкая военная сила въ Бѣлградѣ — тогда еще населенномъ по преимуществу турками — значительно умножалась, ибо въ немъ должны были собраться спагіи всей страны.

---

1) Донесеніе маіора Митесера. Архив Срп. Кр. Академије, № 443.

Въ этомъ состояли главныя различія, и объ нихъ, понятно, должны были вестись разговоры съ сербскими старшинами въ Смедеревѣ.

Въ наше время сейчасъ было бы приступлено къ окончательному разбору, соглашенію, утвержденію и исполненію. Но тогда,— за отсутствіемъ настоящей искренности или по привычкамъ турецкой администраціи въ отношеніи внутреннихъ вопросовъ,— дѣйствовали совершенно иначе.

Когда, въ іюлѣ и августѣ 1804 г., сербы вели переговоры съ Бекиръ-пашой, въ двухъ-трехъ важнѣйшихъ вопросахъ они тогда и не думали дѣлать уступки, хотя Бекиръ-пашѣ прямо объ этомъ не говорили, а напротивъ показывали видъ, точно совершенно согласны на его предложеніе, желая, такимъ образомъ, скорѣе добиться исполненія тѣхъ пунктовъ, которые были для нихъ выгодны, и потомъ только, гораздо позже, указать на то, чѣмъ они были недовольны. Въ настоящемъ случаѣ, въ переговорахъ съ мухасиломъ, прибѣгли къ той же самой тактикѣ. Сербскіе старшины, очевидно, не могли быть довольны многими пунктами новаго «фирмана», но зато были весьма довольны двумя-тремя изъ нихъ и въ особенности первымъ, который былъ направленъ противъ Гушанацъ-Али и его кирджаліевъ. И такъ какъ сербскимъ старшинамъ очень хотѣлось тогда забрать въ свои руки Бѣлградъ и Шабацъ, около которыхъ пролили столько крови, и безуспѣшно,— то они стали спеціально напирать на эти два пункта и, какъ лучше умѣли, ласками стали дѣйствовать на мухасила, чтобы онъ эти два пункта немедленно имъ исполнилъ. Относительно прочаго, безъ сомнѣнія, показывали видъ, что со всѣмъ согласны, лишь бы только добиться скорѣйшаго очищенія Бѣлграда отъ кирджаліевъ и Шабца— отъ босняковъ. Въ инструкціяхъ мухасила, вѣроятно, говорилось, чтобы онъ старался какъ-нибудь удовлетворить и усмирить сербовъ,—средствами указанными въ проектѣ фирмана. Поэтому мухасилъ дѣйствительно обратилъ вниманіе на эти желанія сербовъ и тотчасъ сталъ принимать мѣры къ ихъ удовлетворе-

нію. Съ сербской стороны указывалось, что въ этомъ главная задержка, главное препятствіе примиренію, и что миръ самъ по себѣ будетъ готовъ, какъ только на практикѣ разрѣшится вопросъ о Бѣлградѣ и Шабцѣ; — а безъ этого безполезно и говорить объ остальныхъ пунктахъ. Вслѣдствіе этого обѣ стороны стали работать надъ тѣмъ, чтобы Бѣлградъ и Шабацъ очистить отъ чужихъ элементовъ и такимъ образомъ подготовить почву для настоящаго примиренія.

Сказать правду, во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ и съ обѣихъ сторонъ руководствовались задними мыслями и вовсе не думали серьезно о примиреніи на основаніи изложенныхъ въ проектѣ фирмана началъ. И форма автономіи, въ томъ видѣ, какъ она была опредѣлена въ фирманѣ, — не отвѣчала тогдашнимъ желаніямъ сербовъ, гораздо больше развитымъ, чѣмъ это было въ апрѣлѣ 1805 г., и туркамъ тоже серьезно не хотѣлось давать сербамъ такія привилегіи, какія были предусмотрѣны въ проектѣ. Но обстоятельства того времени своею тяжестью склоняли турокъ показывать видъ, будто они искренно расположены сдѣлать уступки сербамъ, а сербовъ — будто они ничего такъ не желаютъ, какъ примиренія съ турками. Въ дѣйствительности же и та и другая сторона желали совсѣмъ иного. Сербамъ въ тотъ моментъ хотѣлось главнымъ образомъ захватить Бѣлградъ и Шабацъ, въ виду чего и оставили въ сторонѣ все остальное, съ цѣлью добиться этого. И въ самомъ дѣлѣ, изъ всего фирмана новыми пріобрѣтеніями для нихъ являлось только занятіе этихъ двухъ городовъ, все же остальное они уже держали въ своихъ рукахъ и самостоятельнѣе и полнѣе, чѣмъ предлагалось въ фирманѣ. Ихъ тактика, правда, не совсѣмъ согласная съ обыкновенными и правильными способами дѣятельности, тѣмъ не менѣе, вполнѣ согласовалась съ потребностями самого народа. Удивляться ли, поэтому, что въ это трудное время ихъ потребности являлись для нихъ главнымъ и самымъ неотложнымъ вопросомъ и что къ удовлетворенію ихъ они пошли путемъ, который имъ казался кратчайшимъ и удобнѣйшимъ?

Приблизительно съ такими мыслями сербскіе старшины сейчасъ послѣ упомянутыхъ торжествъ въ Смедеревѣ повезли мухасила къ Бѣлграду, «чтобы и Бѣлградъ очистить отъ чумы», какъ говоритъ С. Милутиновичъ. Это, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ и пробный шаръ, которымъ они хотѣли испытать и удостовѣриться, насколько искренне участіе турокъ въ этихъ переговорахъ. Согласно вышеупомянутыхъ сообщеній сербскаго Совѣта Нани Бембо, прибытіе мухасила въ сербскій лагерь у Бѣлграда ожидалось 18/30 сентября. Изъ другихъ австрійскихъ источниковъ знаемъ, что 19 октября (1 ноября нов. ст.) мухасилъ писалъ Гушанацъ-Али и *совѣтовалъ* сдать Бѣлградъ. Гушанацъ, понятно, не послушался *совѣта*. Приказаніе объ этомъ могло быть прислано только изъ Константинополя или мухасиломъ, когда бы у него были соотвѣтственныя полномочія для изданія такого приказанія. Между тѣмъ у турокъ всегда трудно идетъ дѣло съ изданіемъ ясныхъ и прямыхъ приказаній, и въ этомъ случаѣ они все дѣлали какъ-то черезъ силу, безъ искренняго желанія. Поэтому все шло такъ туго и загадочно. Иновѣрцамъ турки вообще дѣлаютъ уступки очень трудно и только когда принуждены къ этому. Такимъ образомъ, хотя сербскіе старшины слышали отъ представителя Порты, что султанъ уступаетъ имъ Бѣлградъ, и хотя этотъ представитель явился въ осадный сербскій лагерь у Бѣлграда и извѣстнымъ способомъ позвалъ Гушанаца сдать городъ сербамъ, послѣдній и не думалъ его слушаться. Много и въ стилѣ турецкихъ писемъ и приказовъ, такихъ тонкостей и крючковъ, причемъ сама собой вызывается двойная и тройная работа, даже безъ желанія участниковъ въ проведеніи дѣла. И въ данномъ случаѣ Гушанацъ и мухасилъ дѣйствовали въ совершенно противоположномъ другъ противъ друга направленіи, но со стороны Порты ни тому ни другому не могъ бы быть сдѣланъ выговоръ за неправильныя дѣйствія. Сербскіе старшины увидѣли, что для занятія Бѣлграда имъ остается только прибѣгнуть къ вооруженной силѣ. А такъ какъ и до тѣхъ поръ они не отказывались отъ этого способа, то теперь еще энергич-

нѣе обратились къ нему съ намѣреніемъ во что бы то ни стало покончить съ Бѣлградомъ.

Мухасилъ между тѣмъ вернулся съ Карагеоргіемъ въ Смедерево, гдѣ и приступили къ разсмотрѣнію вышеупомянутаго соглашенія, сообщеннаго сербамъ вскорѣ послѣ объявленія перемирія[1]). О переговорахъ, которые тогда велись, равно какъ и о томъ, на что обѣ стороны согласились, у насъ нынѣ нѣтъ абсолютно никакихъ извѣстій или замѣтокъ. Какъ кажется, въ этихъ переговорахъ прошелъ весь октябрь 1806 г. Въ нихъ, можно думать, больше всего говорилось о турецкомъ требованіи по части доходовъ или дани съ Сербіи. По дошедшимъ отъ того времени запискамъ и указаніямъ, сербскіе старшины соглашались, чтобы Портѣ во имя налоговъ, подушной подати («харача») и доходовъ съ пристаней Дуная, Савы и Моравы, съ овецъ («чибука»), съ государственныхъ имуществъ («мукадъ»), отъ умиренія крови, рыболовства и таможенныхъ пошлинъ въ Бѣлградѣ и Нишѣ, — давалось въ общей сложности сумма въ 806,000 грошей[2]), или 1800 кошельковъ (т. е. 900,000 гр.)[3]). Австрійскія же замѣтки утверждаютъ, что выговоренная турками сумма равнялась 2500 кошельковъ или 1,250,000 грошей. Между тѣмъ, какъ видно изъ вышеприведеннаго текста фирмана, который 12-го сентября былъ сообщенъ со стороны Совѣта австрійскому Военно-Комендантскому Управленію въ Землинѣ, Порта требовала, чтобы сербы ей платили ежегодно по 12,000 кошельковъ или 6 милліоновъ грошей. По этому вопросу, значитъ, происходили продолжительные дебаты, и замѣтка, сообщенная Антомъ Протичемъ, надо полагать, представляетъ собою не что-либо другое, какъ записку о доходахъ изъ Сербіи, содержа-

---

1) Срб. Летопис 1826, VI, 33.

2) Мита Петровичъ, Финансије и т. д., стр. 66—67; Анта Протичъ, Споменик XIX, 10—11. Эти указанія въ мелочахъ расходятся, однако, не трудно въ нихъ разобраться.

3) В. С. Караджичъ, Грађа, 116 отмѣчаетъ какъ опредѣленную сумму 1800 кошельковъ.

ніе которой было извлечено изъ турецкихъ финансовыхъ книгъ въ Константинополѣ и которою пользовались въ видѣ главнаго основанія противъ слишкомъ большихъ требованій турокъ относительно дани съ Сербіи. Что касается отмѣченной у В. С. Караджича цифры въ 1800 кошельковъ, мухасилъ какъ будто согласился на нее подъ условіемъ одобренія въ Константинополѣ, такъ какъ эту цифру сербскіе старшины вспоминали и потомъ, какъ весьма выгодную, такъ что на ней остановились и послѣ возстанія князя Милоша въ 1815 г. Такая сумма, собственно говоря, дѣйствительно числилась и поступала въ турецкое казначейство въ Константинополѣ, хотя народъ и платилъ гораздо больше. Разница же расходилась по карманамъ испорченной турецкой администраціи. Собравъ эти данныя изъ Константинопольскихъ книгъ, П. Ичко оказалъ Сербіи большія услуги. Въ австрійской замѣткѣ о 2500 кошельковъ мы склонны видѣть послѣднюю цифру, на которую Порта соглашалась въ отношеніи сербской дани. Осталось ли во время окончательныхъ переговоровъ П. Ичко, въ январѣ 1807 г., 1800 или 2500 кошельковъ, сказать въ точности невозможно, такъ какъ объ этомъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній.

Требованіе турокъ, чтобы съ мухасиломъ въ Бѣлградѣ находился и турецкій гарнизонъ изъ 300 человѣкъ регулярной арміи, также казалось тяжелымъ сербскимъ старшинамъ. По имѣющимся въ нашей литературѣ записямъ, мухасилъ во время переговоровъ въ Смедеревѣ какъ будто согласился уменьшить составъ гарнизона съ 300 на 150 человѣкъ.

Какъ кажется, не понравился сербамъ и тотъ пунктъ, въ которомъ говорилось о доходахъ спагіевъ. Тутъ, впрочемъ, одно изъ важнѣйшихъ различій между Константинопольскимъ (турецкимъ) предложеніемъ и извѣстнымъ намъ требованіемъ Народнаго Собранія въ Печанахъ. Совѣтъ требовалъ, чтобы и тутъ была установлена опредѣленная сумма, подобно тому, какъ сдѣлано съ государственными податями и налогами. Имѣется одна запись, по которой мухасилу предлагали, чтобы въ

счетъ содержанія спагіевъ взималось деньгами по четыре гроша съ каждаго женатаго человѣка [1]). Неизвѣстно было ли это усвоено, но, безъ сомнѣнія, было записано для представленія въ Константинополь къ окончательному разсмотрѣнію.

Нѣтъ никакихъ указаній и относительно государственныхъ границъ Сербіи.

Въ турецкомъ текстѣ, приведенномъ выше согласно землинской записи, въ восьмомъ пунктѣ говорится о двѣнадцати кнезахъ, что воспроизводитъ значительно ограниченный Бѣлградскій пашалыкъ, т. е. въ тѣхъ именно границахъ, въ какихъ сербы его держали въ своихъ рукахъ весной 1805 г., во время собранія въ Печанахъ. По турецкому административному устройству, Бѣлградскій пашалыкъ раздѣлялся на восемнадцать округовъ или нахій [2]). Въ печанскихъ требованіяхъ отъ апрѣля 1805 г. сербы добивались права на избраніе своихъ кнезовъ только въ двѣнадцати кадилукахъ (которыми и обладали въ то время). Между тѣмъ, во время переговоровъ съ мухасиломъ, т. е. осенью 1806 г., они держали почти въ два раза больше земли, чѣмъ весной 1805 г., когда происходило собраніе въ Печанахъ. Очевидно, сербы разсчитывали, что въ составъ ихъ автономной области войдетъ все то, чѣмъ они тогда владѣли, турки же думали уступить имъ въ крайнемъ случаѣ только Бѣлградскій пашалыкъ цѣликомъ. Намъ неизвѣстно, поднимался ли вообще этотъ вопросъ, но, внѣ всякаго сомнѣнія, по этому вопросу сербы и турки едва ли бы могли придти къ соглашенію.

Оставался еще вопросъ о городахъ (укрѣпленныхъ пунктахъ), на которые турки, по старымъ традиціямъ, много возлагали и относительно которыхъ сербы не предъявляли никакихъ категорическихъ требованій. Однако между строкъ легко можно было читать, что сербы желали очищенія городовъ отъ турокъ, такъ какъ въ апрѣлѣ 1805 г. они изъявили, что не желаютъ имѣть въ Бѣлградѣ визиря, а лишь мухасила (финансоваго чиновника).

---

1) Мита Петровичъ, Финансије 66—67.

2) Споменик XVIII, Хаджи Калфа, 63 и д.

Понятно, что турки никакъ не соглашались на это требованіе, и, какъ мы уже видѣли, въ своемъ предложеніи, назначая мухасила, удерживали и визиря съ гарнизономъ изъ 300 человѣкъ турецкихъ солдатъ и 500 человѣкъ сербовъ. Турки, значитъ предлагали, чтобы города оставались подъ ихъ управленіемъ съ тѣмъ, чтобы въ ихъ охранѣ участвовали и сербы при посредствѣ своего войска. Немного ниже, когда будемъ говорить о сдачѣ Бѣлграда и Шабца, мы увидимъ, какъ это на практикѣ осуществилось. На такое смѣшанное управленіе, какъ кажется, и сербы тогда согласились, чтобы разъ уже окончить борьбу около Бѣлграда и Шабца, и чтобы черезъ это какъ-нибудь завладѣть этими городами.

Въ австрійскихъ замѣткахъ говорится, что 8/20 ноября мухасилъ выѣхалъ изъ Смедерева въ Константинополь [1]). Между тѣмъ у насъ имѣется много указаній и замѣтокъ, изъ которыхъ явствуетъ, что мухасилъ оставался въ Сербіи всю зиму 1806—1807 гг. и до самой весны. Въ первой половинѣ ноября въ Константинополь уѣхалъ П. Ичко со своими товарищами-депутатами и кто-то изъ пріѣхавшихъ съ мухасиломъ турецкихъ чиновниковъ. Они-то и повезли разсмотрѣнное и утвержденное въ Смедеревѣ соглашеніе для дальнѣйшаго разбора въ Константинополѣ. Самъ же мухасилъ остался у сербовъ въ качествѣ представителя султана, въ ожиданіи одобренія и окончательнаго утвержденія со стороны Порты достигнутаго соглашенія, послѣ чего онъ остался бы и для постояннаго служенія въ Сербіи, согласно новому устройству, предусмотрѣнному этимъ соглашеніемъ. Въ такомъ ожиданіи мухасилъ помогалъ сербскимъ старшинамъ во всѣхъ предпріятіяхъ, которыя клонились къ исполненію разныхъ пунктовъ упомянутаго соглашенія, къ осуществленію которыхъ, согласно тогдашней тактикѣ, они немедленно и энергично приступили. Такъ какъ сербы согласились на турецкое предложеніе относительно управленія городами, то и муха-

---

1) Срб. Летопис 1826, VI, 34.

силъ отдалъ себя въ ихъ распоряженіе въ дѣлѣ очищенія Бѣлграда отъ кирджаліевъ и яничаръ съ Гушанацъ-Али, и выхода изъ Шабца босняковъ, которые занимали этотъ городъ еще со времени сраженія на Мишарѣ.

Выше мы упоминали, какъ мухасилъ приглашалъ Гушанаца очистить Бѣлградъ, ссылаясь на то, что изъ Константинополя имѣется другое рѣшеніе относительно устройства города.

Для этого имѣемъ и весьма цѣнное свидѣтельство митрополита Стратимировича, который 10-го октября 1806 г. писалъ Вик. Ракичу въ Тріестѣ, что мухасилъ привезъ въ Смедерево фирманъ объ уступкѣ сербамъ, на извѣстныхъ условіяхъ, Бѣлграда съ тѣмъ, чтобъ они, въ случаѣ отказа бѣлградскихъ турокъ сдать городъ добровольно,—имѣли право выгнать ихъ насильно. Согласно полученнымъ Стратимировичемъ извѣстіямъ, въ первыхъ числахъ октября мухасилъ вмѣстѣ съ сербскими воеводами прибылъ къ Бѣлграду, «чтобы бѣлградскимъ туркамъ объявить фирманъ и предупредить ихъ, что въ случаѣ отказа сербы силою выгонятъ ихъ оттуда» [1]). Гушанацъ, какъ мы уже говорили, не обратилъ на это никакого вниманія, и Карагеоргій долженъ былъ позаботиться о принудительныхъ мѣрахъ и занятіи Бѣлграда силою оружія. Однако, и посредствомъ этого трудно было достигнуть цѣли, въ виду того, что съѣстные припасы въ городъ доставлялись австрійцами изъ Землина. Мухасилъ, по просьбѣ сербовъ, отъ своего имени обратился къ австрійскимъ гражданскимъ властямъ съ требованіемъ прекратить такую доставку для Гушанаца, какъ бунтовщика и ослушника законной власти. Но это не помогло, ибо для успѣха такого требованія слѣдовало обратиться надлежащимъ порядкомъ къ самой Портѣ изъ Константинополя или объявить передъ австрійскими властями мухасила своимъ уполномоченнымъ и для такихъ дѣлъ и представленій. Такъ какъ этого сдѣлано не было, то и письмо мухасила осталось безъ послѣдствій. Быть можетъ и самъ мухасилъ

1) Јов. Радоничъ, Прилози истор. слов. препорођаја. Н. Сад 1900, стр. 88—89.

ожидалъ именно такихъ результатовъ, но показывалъ видъ что точно этого не знаетъ; сербы же были довольны его дѣйствіями, а для него это было главное. Когда стало видно, что ничто не помогаетъ, Карагеоргій, письмомъ отъ 3/15 ноября 1806 г. изъ Смедерева, обратился непосредственно къ Императору въ Вѣну. Въ этомъ письмѣ онъ горько жалуется на австрійскихъ пограничныхъ комендантовъ, которые сербамъ, оставившимъ, вслѣдствіе войны, въ продолженіе всего 1806 года свои поля необработанными и уже осенью страдавшимъ отъ голода, — не позволяютъ и за деньги покупать съѣстные припасы, а въ то же время снабжаютъ ими Гушанаца въ бѣлградской крѣпости. «Цѣлый годъ» — жалуется Карагеоргій Императору — «мы принуждены держать Бѣлградъ въ осадѣ, а изъ Землина ему доставляется содержаніе и подкрѣпленіе. И нынѣ, несмотря на то, что въ Бѣлградѣ сидитъ Гушанацъ-Али, — человѣкъ котораго Блистательная Порта приказываетъ прогнать и изъ города и изъ страны, какъ своего ослушника и бунтовщика, который въ ущербъ обѣимъ Имперіямъ тамъ находится и своимъ дальнѣйшимъ пребываніемъ въ Бѣлградѣ желаетъ снова вызвать большое кровопролитіе, — и несмотря на сдѣланную со стороны присланнаго къ намъ мухасила просьбу о томъ, чтобы съѣстныхъ припасовъ Бѣлграду не отпускалось, дабы тѣмъ заставить Гушанацъ-Али скорѣе оставить городъ, — ему, Гушанацу, все еще доставляютъ эти припасы и такимъ образомъ его въ городѣ содержатъ на пакость и намъ и нашему царю и Вашему Величеству» [1]). Письмо это повезъ въ Вѣну Іеремій Гагичъ въ качествѣ спеціальнаго посланца.

Точно такъ же мухасилъ дѣлалъ нѣкоторые шаги и для удаленія босняковъ изъ Шабца. Корреспондентъ митрополита Стратимировича, капитанъ К. Іовановичъ изъ Кленка, въ письмѣ отъ 26 ноября 1806 г. сообщаетъ, что Карагеоргій отправилъ одного изъ кнезовъ, а мухасилъ одного изъ своихъ чиновниковъ къ

---

1) Архив Срп. Кр. Академије, № 451.

боснійскому визирю въ г. Травникъ по дѣлу шабацкихъ турокъ. Такъ какъ Шабацъ занимали босняки, то на приглашеніе мухасила сдать городъ сербамъ, согласно Константинопольскому соглашенію,—они отвѣчали, что безъ приказанія визиря изъ Травника ничего сдѣлать не могутъ. И тогда-то и мухасилъ и Карагеоргій отправили пословъ къ визирю въ Боснію. Визирь далъ утвердительный отвѣтъ, съ какимъ послы эти и возвратились изъ Босніи раньше 26 ноября. Сербы должны были открыть боснійскому войску и его начальникамъ дорогу для свободнаго и мирнаго возвращенія въ Боснію. Только что назначенный комендантомъ Шабца, Али-паша Видаичъ, остался въ городѣ съ 100 человѣкъ шабацкихъ турокъ. Со стороны сербовъ къ нимъ присоединился отрядъ въ 100 человѣкъ съ однимъ кнезомъ, для совмѣстной охраны города и «для того чтобы, по мѣрѣ надобности, въ договорѣ съ нашой заботиться объ управленіи и порядкѣ въ нахіи (округѣ)» [1]). Дальше, въ своемъ мѣстѣ мы увидимъ, что и это не было такъ скоро исполнено, какъ тогда ожидали и надѣялись.

Вслѣдствіе этого, послѣ всѣхъ упомянутыхъ шаговъ, сербы немедленно занялись дѣломъ осады и стали заботиться о завладѣніи Бѣлграда,—опять таки въ договорѣ съ мухасиломъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ С. Милутиновичъ. Борьба открылась тотчасъ послѣ отъѣзда П. Ичко и его товарищей-депутатовъ, (въ первой половинѣ ноября) въ Константинополь. Наконецъ, какъ извѣстно, 30-го ноября 1806 г., сербамъ удалось занять всѣ части города, находящіяся внѣ стѣнъ крѣпости, чѣмъ и самую крѣпость сильно стѣснили, подойдя къ ней на близкое разстояніе. Сейчасъ послѣ этого, окружая крѣпость все сильнѣе и сильнѣе,—сербы поставили пушки на пустой дунайскій островъ противъ крѣпости, о которомъ первоначально и австрійскія власти не знали, кому собственно онъ принадлежитъ [2]). Оттуда,

1) Архив Срп. Кр. Академије, № 457.

2) Въ Срб. Летописи 1826, IV, 36 говорится, по австрійскимъ источникамъ, что это произошло 8/20 декабря. Анта же Протичъ, Споменик XIX, 11—

со стороны башни Небойши, сербы, значитъ, и съ противоположной стороны окружили крѣпость, которая этимъ путемъ получала припасы и которая, вдобавокъ, съ той стороны была почти незащищена. Поэтому Гушанацъ, главный начальникъ кирджаліевъ, 10/22 предложилъ сдачу города подъ условіемъ, чтобы ему съ гарнизономъ позволено было 17/29 декабря отплыть внизъ по Дунаю къ Виддину. При этомъ Гушанацъ прислалъ Карагеоргію своего племянника въ качествѣ заложника, а Карагеоргій ему тоже своего. Отъ имени сербовъ переговоры съ Гушанацемъ велись митрополитомъ Леонтіемъ и мухасиломъ [1]).

Когда сербы 17-го декабря проводили Гушанаца, Сулейманъ-паша, оставаясь полнымъ хозяиномъ бѣлградской крѣпости, далъ знать сербамъ, что Гушанацъ не имѣлъ власти вести съ кѣмъ бы то ни было переговоры относительно крѣпости, какое право принадлежитъ только ему, Сулейманъ-пашѣ, въ виду чего никакія обязательства и обѣщанія Гушанца касательно крѣпости онъ не считаетъ для себя обязательными и не впуститъ туда сербовъ, а будетъ и дальше защищаться съ оставшимися яничарами и другими турками; однако, предлагалъ имъ перемиріе для веденія переговоровъ. Сербы на это согласились, такъ какъ австрійцы запретили было имъ дальше нападать на городъ съ того нейтральнаго острова [2]). Изъ записокъ же Анты Протича видно, что сербы все-таки оставались на островѣ до самой сдачи бѣлградской крѣпости. Но съ выѣздомъ Гушанаца изъ крѣпости дальнѣйшее сопротивленіе сербамъ было невозможно, немыслимо. Поэтому уже около Рождества самъ Сулейманъ-паша предложилъ сербамъ занять верхнюю крѣпость совмѣстно съ тур-

---

отмѣчаетъ, что это было сдѣлано на третій день послѣ занятія внѣшнихъ частей города. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что Анта самъ принималъ участіе въ занятіи острова.

1) Архив Срп. Кр. Академије, № 465 — письмо землинскаго протоіерея Мих. Пеича, который весь день 16-го декабря пробылъ въ Бѣлградѣ. Срб. Летопис 1826, IV, 37.

2) Срб. Летопис 1826, IV, 36. Такъ было сообщено высшему начальству въ дѣйствительности же это не было исполнено.

ками. Тогда сербскими старшинами были представлены условія сдачи, по которымъ пашѣ и туркамъ разрѣшалось оставаться въ Бѣлградѣ, но безъ права носить оружіе и входить въ верхнюю крѣпость. По австрійскимъ источникамъ, Сулейманъ-паша принялъ эти условія и сдалъ крѣпость сербамъ [1]). Анта Протичъ, между тѣмъ, разсказываетъ, что въ самый день архидіакона Стефана (27 декабря) сербскіе «бекьяри» съ острова и изъ города пробрались къ такъ наз. «Суу-Капи» (со стороны рѣки) и найдя эти ворота пріотворенными, стали тихонько пробираться внутрь, пока, такимъ образомъ, въ нижней крѣпости не набралось ихъ болѣе тысячи человѣкъ. Тогда Сулейманъ-паша сдался, а Карагеоргій обѣщалъ препроводить его въ Константинополь [2]).

Французскій посолъ въ Константинополѣ генер. Себастіани 16/28 января 1807 г. сообщилъ Наполеону, что Бѣлградъ сдался сербамъ вслѣдствіе недостатка съѣстныхъ припасовъ, такъ какъ австрійцы запретили доставку ихъ для крѣпости [3]). Явилось ли это запрещеніе какъ результатъ вышеупомянутаго письма Карагеоргія къ австрійскому Императору, или такъ только говорилось въ оффиціальномъ донесеніи Сулейманъ-паши о сдачѣ города,—трудно сказать. С. Милутиновичъ замѣчаетъ, что турки въ послѣднее время страдали отъ голода [4]), — и это вполнѣ понятно и является послѣдствіемъ занятой сербами позиціи на островѣ противъ башни Небойши, позиціи, которою прекращалась коммуникація крѣпости съ Землиномъ, что и Гушанаца заставило сдаться и уйти.

---

1) Срб. Летопис 1827, I, 15.

2) Споменик XIX, стр. 13. Изъ этого разсказа видно, что и самъ А. Протичъ былъ въ числѣ этихъ «бекьяровъ».

3) Выписки изъ француз. архивовъ д-ра М. Гавриловича.

4) Но ев' Божиħ чим предсрету Срби,
Дијелеħи свој залогај с враз'ма
Исташтеним и довольства жудним,
Што би за кус кадшто с' и у раку.

Сербіанка, II, 122. Еще въ двухъ-трехъ мѣстахъ поэтъ упоминаетъ, какъ, послѣ занятія позиціи на островѣ и перерыва связей съ Землиномъ,—турки начали ѣсть лошадей (II, 115), собакъ и мышей (II, 119), которыхъ также больше не было.

Послѣ того какъ весь Бѣлградъ съ цитаделью достался въ руки сербовъ, Карагеоргій приказалъ, по словамъ С. Милутиновича, чтобы всѣ джаміи (турецкія молельни) были разрушены, за исключеніемъ одной, такъ называемой «Шареной джаміи», которая пощажена для оставшихся турокъ. Послѣ того въ церкви митрополитъ въ сослуженіи многочисленнаго духовенства совершилъ благодарственный молебенъ и освятилъ городъ, обходя его съ крестомъ и св. водою. Вслѣдъ затѣмъ,—опять согласно разсказу С. Милутиновича, — Карагеоргій, сербскіе старшины и Сулейманъ - паша отправились къ мухасилу, чтобы поздравить его, какъ представителя султана, и показать, что все сдѣланное происходитъ во исполненіе воли суверенной власти послѣдняго и въ угоду ей [1]). Этотъ торжественный визитъ мухасилу послѣ занятія Бѣлграда со стороны сербовъ долженъ былъ служить доказательствомъ, что они неизмѣнно считаются съ верховенствомъ султана и что не думаютъ объ отдѣленіи и разрывѣ съ Турецкой Имперіей. «Послѣ занятія сербами Бѣлграда», — пишетъ В. С. Караджичъ, — «Карагеоргій послалъ въ Константинополь писаря Степана съ извѣщеніемъ о томъ, что Бѣлградъ очищенъ отъ кирджаліевъ, и поэтому пусть царь теперь пошлетъ туда своихъ людей [2]). Изъ этого видно, что Карагеоргій и тогда думалъ придерживаться соглашенія П. Ичко, дѣйствуя въ смыслѣ его опредѣленій. Впрочемъ, все это еще лучше видно изъ дѣйствій, направленныхъ къ занятію Шабца. Мы уже указывали, какіе шаги предпринимались Карагеоргіемъ и мухасиломъ въ ноябрѣ 1806 г. съ цѣлью завладѣнія городомъ на основаніи Константинопольскаго соглашенія П. Ичко. Дѣло не было окончено въ виду того, что визирь далъ свое одобреніе *устно*, а начальники гарнизона въ Шабцѣ думали, что въ такомъ важномъ

1) Сербіанка, II, 123—124.

2) Грађа, 206. Въ австрійскихъ замѣткахъ (Срп. Летопис 1827, I, 17) говорится, что Карагеоргій послалъ тогда депутатовъ въ Константинополь завѣрить Порту, что «враги султана и его враги». Между тѣмъ П. Ичко еще съ ноября находился въ Константинополѣ, и этимъ только подтверждается смыслъ данныхъ ему для Порты порученій и заявленій.

дѣлѣ, какъ сдача города, необходимо письменное приказаніе. Сербы, между тѣмъ, приготовились къ нападенію на Шабацъ, рѣшившись завладѣть имъ силою. Поэтому въ началѣ декабря, вѣроятно по полученіи извѣстія о занятіи внѣшнихъ частей Бѣлграда,—въ сербскій лагерь на Мишарѣ къ Якову Ненадовичу прибыли православный владыка изъ г. Зворника съ шестью тамошними турками, дабы примирить сербовъ и шабацкихъ турокъ и черезъ это дать возможность пяти боснійскимъ пашамъ, которые въ то время сидѣли въ осажденномъ Шабцѣ (въ томъ числѣ и Сулейманъ-паша Скопльякъ), — мирно возвратиться въ Боснію. Но такъ какъ и эти посредники не имѣли никакихъ письменныхъ полномочій отъ визиря, то и дѣло это кончилось ничѣмъ. Въ виду этого запертые въ Шабцѣ паши обратились къ визирю въ Травникъ и потребовали формальнаго разрѣшенія на сдачу города. Сербы согласились ждать отвѣта на это письмо и заключили перемиріе на время поѣздки и возвращенія курьера, который и отправился въ Травникъ изъ сербскаго лагеря на Мишарѣ. Въ этомъ лагерѣ оставались и владыка съ турками изъ Зворника [1]). Какъ кажется, визирь не особенно торопился съ приказомъ о сдачѣ Шабца, и по всей вѣроятности самъ объ этомъ спрашивалъ въ Константинополѣ, такъ какъ съ того времени и до передачи Шабца прошло болѣе шести недѣль. Наконецъ былъ полученъ приказъ, котораго ожидали шабацкіе начальники. 23 января, въ Кленкѣ, на австрійской сторонѣ, въ присутствіи австрійскихъ военныхъ властей, состоялось совѣщаніе о сдачѣ Шабца, при участіи съ сербской стороны воеводъ: Якова Ненадовича, Стояна Чупича, Луки Лазаревича и Милоя Петровича, а съ турецкой — Сулейманъ-паши Скопльяка съ другими старшинами. Извѣщенный объ этомъ, Карагеоргій прибылъ на Мишаръ. Во время этого свиданія въ Кленкѣ Сулейманъ-паша говорилъ сербскимъ старшинамъ, что султанъ

---

1) Архив Срп. Кр. Академије, № 463, письмо капитана К. Іовановича изъ Кленка, отъ 11 декабря 1806 г., адресованное митрополиту Стратимировичу.

позволилъ имъ (сербамъ) самимъ «управлять раей, съ тѣмъ, чтобы всѣ подати и налоги оставалась послѣдней, а они бы давали султану лишь царскую «мирію» и «улефу» (дань), но чтобы въ крѣпости (Шабцѣ) оставался турецкій комендантъ, диздаръ, кадій и тѣ изъ шабацкихъ (рожденныхъ тамъ) турокъ, которыхъ сербы признаютъ хорошими. «Мы паши—закончилъ Сулейманъ-паша — «и остальные турки получили приказаніе вернуться въ Боснію, при чемъ вы должны проводить насъ по Сербіи до р. Дрины и черезъ нее—мирно и въ полной неприкосновенности». Послѣ того переговоры велись еще 25-го января и состоялся обмѣнъ поклонами и подарками между боснійскими пашами и самимъ Карагеоргіемъ. Согласно этимъ переговорамъ, 26-го января Шабацъ былъ переданъ сербамъ. Въ этотъ день выѣхали изъ Шабца Сулейманъ-паша Скопльякъ, Гассанъ-паша среберницкій, Чаинъ-паша травницкій и Али-паша зворницкій; вслѣдъ затѣмъ Карагеоргій съ барабаннымъ боемъ и съ музыкою вошелъ въ городъ и занялъ его [1]). Въ немъ изъ турокъ оставались только яничаръ-ага и диздаръ съ десяткомъ турокъ. Карагеоргію были переданы всѣ ключи, касса и т. д. Черезъ два-три дня Карагеоргій отправился къ Соколу и Ужицѣ, чтобы и тамъ установить тотъ же порядокъ. Весьма знаменательно и важно то, что Шабацъ былъ переданъ боснійскими властями, которыя, очевидно, сдѣлали это не по порученію мухасила изъ Смедерева, а по распоряженію изъ Константинополя, которое могло состояться или въ самомъ концѣ 1806 или въ началѣ 1807 года. Въ договорѣ о сдачѣ Шабца было также установлено, чтобы съ боснійской стороны вдоль границъ Бѣлградскаго пашалыка былъ утвержденъ миръ и порядокъ и чтобы граница была открыта для торговыхъ и др. сношеній [2]).

Между тѣмъ сербскій депутатъ Петръ Ичко давно находился въ Константинополѣ съ цѣлью воздѣйствія въ дѣлѣ окон-

1) Голубица, V, 287—292. Письмо изъ Кленка капитана К. Іовановича митрополиту Стратимировичу отъ 26 января 1807 г.

2) Голубица, V, стр. 292.

чательнаго утвержденія и санкціи его соглашенія, равно какъ и по изданію соотвѣтственнаго фирмана. Какъ нѣтъ указаній на то, въ какое именно время въ 1806 г. онъ уѣхалъ изъ Смедерева, точно такъ же нѣтъ указаній и относительно времени его пріѣзда въ Константинополь. Возможно, что уже въ началѣ декабря 1806 г. онъ снова былъ тамъ.

Политическая ситуація въ Европѣ, между тѣмъ, значительно измѣнилась. Наполеонъ, побѣдами у Іены и Ауерштедта, въ октябрѣ 1806 г., разгромилъ было Пруссію. Уже 19 ноября (1 декабря) 1806 г. изъ лагеря у Познани онъ писалъ султану Селиму, чтобы сербамъ не дѣлалъ никакихъ уступокъ, пока они предъявляютъ свои требованія съ оружіемъ въ рукахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ уговаривалъ султана послать свои войска къ Хотину противъ Россіи и этимъ оказать ему помощь, такъ какъ послѣ Пруссіи на очереди стояла Россія. Въ тотъ же самый день Наполеонъ писалъ и своему послу въ Константинополѣ, генер. Себастіани. Въ этомъ письмѣ онъ указываетъ, что для Порты наступилъ самый удобный моментъ избавиться отъ русской опеки и зависимости; а затѣмъ уполномочиваетъ Себастіани на утвержденіе съ Турціей секретнаго договора для защиты и нападенія, которымъ обезпечивалась бы за Турціей неприкосновенность ея областей Молдавіи, Валахіи и Сербіи [1]).

Русскіе точно знали объ этихъ планахъ и еще въ іюнѣ 1806 г., черезъ генер. Михельсона, командующаго русской арміей у р. Днѣстра (которая начала собираться на турецкой границѣ лѣтомъ 1806 г.), завязали сношенія съ Карагеоргіемъ, а затѣмъ вошли въ Валахію и Молдавію, подъ предлогомъ возстановленія въ нихъ порядка, и въ продолженіе ноября и декабря совершенно заняли эти княжества. Послѣднее обстоятельство и вызвало объявленіе войны Россіи со стороны Турціи въ концѣ 1806 г.

Сильное впечатлѣніе повсемѣстно произвело и извѣстіе о

1) J. de Testa, Recueil des traités de la Porte Ottomane, Paris 1865, II, 284.

томъ, что сербы 30-го ноября заняли внѣшнія части, а 27-го декабря и крѣпость Бѣлграда. Мы уже выше отмѣтили со словъ В. С. Караджича, что Карагеоргій немедленно послѣ занятія Бѣлграда отправилъ въ Константинополь своего писаря для сообщенія Портѣ объ очищеніи города отъ непокорныхъ элементовъ, съ приглашеніемъ сдѣлать что нужно, дабы султанъ послалъ туда своихъ людей. Этимъ какъ-бы заявлялось въ Константинополѣ о своей преданности и одновременно указывалось, что теперь время обратить къ исполненію соглашеніе, достигнутое первоначально переговорами съ П. Ичко, а потомъ просмотрѣнное въ Смедеревѣ. Вслѣдствіе вышеупомянутыхъ порученій Наполеона въ Константинополѣ опять стали колебаться. Шагъ, сдѣланный Карагеоргіемъ посылкою Степана Іевтича, былъ на руку той струѣ въ Константинополѣ, которая хотѣла примиренія съ Сербіей. Онъ могъ быть принятъ какъ изъявленіе покорности и преданности, а этимъ у занятія Бѣлграда отнималось все, что могло быть оскорбительнымъ для Константинополя. Какъ кажется, Степанъ Іевтичъ около половины января 1807 г. былъ уже въ Константинополѣ. Имѣется письмо генер. Себастіани Наполеону отъ 16/28 января 1807 г., въ которомъ онъ сообщаетъ, что въ данный моментъ двое сербскихъ депутатовъ заканчиваютъ съ Портой переговоры о мирѣ. Генер. Себастіани говоритъ, что страхъ передъ Франціей заставитъ сербовъ снова передать Бѣлградъ туркамъ. По одной замѣткѣ того же письма, въ которой генер. Себастіани указываетъ, «что сербскіе депутаты даютъ завѣренія въ томъ, что не будутъ вступать въ союзъ съ Россіей» 1), видно, что П. Ичко дѣлалъ все что могъ въ дѣлѣ эксплоатаціи тогдашняго положенія и даже склонялся по вѣтру. Въ другомъ письмѣ генер. Себастіани отъ того же числа (16/28 января 1807 г.), которое онъ писалъ маршалу Мармону въ Рагузу, прибавлено, что между сербами и Блистательной Портой состоялось полное соглашеніе о

1) Выписки изъ французскихъ архивовъ д-ра М. Гавриловича.

мирѣ. «Сербы обѣщали»—сообщаетъ генер. Себастіани—«разойтись по домамъ и *сдать Бѣлградъ и пушки.* Ихъ депутаты уѣзжаютъ черезъ три дня въ Сербію съ такимъ соглашеніемъ»[1]). Намъ уже извѣстно, какое соглашеніе было достигнуто между сербами и турками, и эти французскія сообщенія для насъ интересны въ томъ отношеніи, что они указываютъ на время (16 января 1807 г.), около котораго это соглашеніе было окончательно принято, а также и на то, что сербскіе депутаты готовились къ отъѣзду въ Сербію около 19-го января 1807 г. Объ этомъ тогда знали и въ Виддинѣ, такъ какъ имѣется письмо французскаго агента Меріежа отъ 8/20 марта 1807 г., въ которомъ говорится, что Порта пришла въ соглашеніе съ сербами, въ силу котораго въ Бѣлградѣ будетъ находиться одинъ паша съ 600 человѣкъ турецкаго гарнизона, иначе туркамъ не позволяется жить нигдѣ въ Сербіи и сербы будутъ платить опредѣленную дань [2]).

Къ этому миру и соглашенію нужно прибавить и слѣдующіе стихи изъ «Сербіанки» С. Милутиновича:

Мир је сков'о нам Бонапарт вјечни,
Знавши тужне тјешит' отечески
И јунаштво незазором сматрат',
Чреза свога тад Министра силна
У стамболска при колену цара.
Што л' му исту милост одбацисмо,
И не хотјев, наказа нас грдно
Навојштеньем отважньејшим свијех
На Славјана леденога света,
Принуђе их све прибрати моћи
И са Турц'ма мир напрасно кончит'
Без икаква сучастија српства [3]).

1) Mémoires du maréchal duc de Raguse. Paris, 1867, III, 94—95.

2) Выписки изъ франц. архивовъ д-ра М. Гавриловича.

3) Сербіанка, III, 144. Строки курсивомъ относятся къ генер. Себастіани, послу Наполеона въ Константинополѣ; вторая же половина стиховъ касается событій 1812 года.

Съ тѣмъ, значитъ, сербскіе депутаты и отправились изъ Константинополя въ Бѣлградъ.

Но не успѣли они достигнуть границъ Сербіи, а обстоятельства совершенно измѣнились, и измѣнились, быть можетъ, въ тѣ самые дни, когда они выѣзжали изъ Константинополя, направляясь къ Бѣлграду.

V.

Отношенія и связи сербскихъ старшинъ съ Россіей, начиная съ 1804 г. Связи съ 1806 г. съ генер. Михельсономъ, главнокомандующимъ русской арміей у Днѣстра (на турецкой границѣ). Роль Угричича-Требиньскаго (Ильи или Бея Новокрещеннаго). Требованіе генер. Михельсона отъ 11 января 1807 г. сербской коопераціи со стороны Виддина. Вліяніе русско-турецкой войны на расположеніе духа въ Сербіи. Осложненія и недоразумѣнія въ Бѣлградѣ между Сулейманъ-пашой и сербскими старшинами. Ожиданіе возвращенія Ичко и приготовленія Сулейманъ-паши къ отъѣзду изъ Бѣлграда. Переломъ въ сторону русскихъ и избіеніе оставшихся въ Сербіи турокъ (около 23 февраля 1807 г.). Возвращеніе Ичко изъ Константинополя и умерщвленіе турецкихъ должностныхъ лицъ въ Парачинѣ. Послѣдніе переговоры съ мухасиломъ и разрывъ съ Турціей. Совѣщаніе и рѣшеніе старшинъ возобновить войну съ турками въ союзѣ съ русскими.

Мы уже раньше видѣли, какъ сербскія дѣла стали двигаться по двойному пути: съ одной стороны въ переговорахъ съ Портой, съ другой же — въ исканіи помощи и совѣта въ Россіи, а немножко и въ Австріи.

Намъ извѣстно, какъ еще въ 1804 г.,—въ то самое время когда велись переговоры съ Бекиръ-пашой и когда условія соглашенія съ нимъ приводились въ исполненіе, — сербскіе депутаты отправились въ С.-Петербургъ, чтобы тамъ просить помощи. А если такъ поступали въ 1804 г., когда Россія находилась въ весьма хорошихъ отношеніяхъ съ Турціей и когда возстаніе проходило черезъ трудныя фазы, предшествующія новой русско-турецкой войнѣ 1806 г., то было вполнѣ естественно, что въ 1806 — 7 гг. сербы не хотѣли оставить безъ вниманія этой войны и ея шансовъ и что въ отношеніи своей будущности много

на нее разсчитывали. Не осталось незамѣченнымъ со стороны сербовъ и то, что турки дѣлаютъ имъ уступки только въ виду этой войны, такъ какъ знали, что ни въ 1804, ни въ 1805, ни весной 1806 г. въ Константинополѣ и слышать не хотѣли ни о какихъ уступкахъ возставшимъ. Одинъ нашъ политическій дѣятель того времени въ книжкѣ подъ заглавіемъ: «Сербіе плачевно пакипорабощеніе лѣта 1813», напечатанной въ первый разъ тогда же, говоритъ слѣдующее о политическомъ положеніи 1806 — 7 гг.: «Турецкій султанъ дѣлалъ намъ предложенія о примиреніи, обѣщая дать такія права, которыя обезпечивали бы намъ въ будущемъ свободу, и что онъ будетъ защищать насъ отъ насилія его ослушниковъ, но чтобы мы уже прекратили трехлѣтнюю войну, такъ какъ достаточно наказали его ослушниковъ. Мы кое-какъ растягивали время и послали къ султану депутатовъ съ заявленіемъ, что противъ его воли не будемъ ничего дѣлать, а между тѣмъ ждали только отвѣта отъ нашихъ депутатовъ изъ Россіи. Эти депутаты принесли намъ отвѣтъ изъ Россіи, что скоро начнется война съ Турціей, и что намъ будетъ оказана всяческая помощь и чтобы, поэтому, мы не довѣрялись султану, такъ какъ Россія, при помощи своего оружія, навсегда обезпечитъ намъ отъ турокъ будущее наше счастье и нашу независимость; вдобавокъ, она пришлетъ къ намъ и своего представителя, руководству и наставленіямъ котораго можемъ довѣриться вполнѣ» [1]).

Надо отдать справедливость и заслуженное признаніе сербской политикѣ 1806 г., которая зорко смотрѣла во всѣ стороны и искала помощи вездѣ, гдѣ только можно было ожидать ее. Какъ только, съ пораженіемъ Австріи и заключеннымъ съ Наполеономъ пресбургскимъ миромъ (въ к. 1805 г.), положеніе измѣнилось, Австрія отдѣлилась отъ Россіи, французы вошли въ Далмацію, въ Константинополѣ стала брать верхъ французская политика, а Россія у Днѣстра, тогдашней турецкой границы, начала соби-

1) Лейпцигское изданіе 1846 г., стр. 13.

рать войско, главнокомандующимъ котораго былъ назначенъ генер. Михельсонъ. Ведя съ одной стороны войну съ турками, а съ другой — переговоры въ Константинополѣ, подъ защитою Россіи и Австріи, сербы тотчасъ, еще въ началѣ лѣта 1806 г., завязали сношенія съ новымъ начальникомъ Днѣстровской арміи и искали у него помощи [1]). Въ первой половинѣ лѣта 1806 г. отмѣчена миссія Угричича-Требиньскаго или Ильи Новокрещеннаго, который былъ посланъ къ Карагеоргію Михельсономъ. Встрѣтившись съ этимъ Угричичемъ въ іюнѣ 1806 г. у Бѣлграда, Карагеоргій снова отправилъ его къ генер. Михельсону. Генералъ опять послалъ Угричича къ Карагеоргію, которому съ разрѣшенія Императора Александра отвѣчалъ и старался укрѣпить сербовъ въ ихъ упованіи на Россію. Это было въ сентябрѣ 1806 г., въ то самое время, когда были присланы и деньги и когда тамъ начинали милостиво смотрѣть на всѣ сербскія нужды. Осенью 1806 г. сербы, по предложенію К. К. Родофинникина, который тогда впервые сталъ принимать участіе въ сербскихъ дѣлахъ,—посылали въ Валахію Досиѳея Обрадовича, чтобы онъ въ точности изложилъ желанія и нужды сербовъ [2]). Въ то самое время, когда мухасилъ прибылъ въ Сербію, Карагеоргій посылалъ еще Петра Новаковича Чардаклію къ русскимъ людямъ (агентамъ) въ Валахіи и Молдавіи, чтобы отъ нихъ разузнать, что̀ тамъ подготовляется и чтобы въ переговорахъ съ турками

1) Связь эта возникла по иниціативѣ самого русскаго военнаго начальства Днѣстровской арміи. Оставаясь съ небольшимъ войскомъ, генер. Михельсонъ заручился разрѣшеніемъ Императора Александра на право пополнить составъ арміи добровольческими отрядами изъ сербовъ и болгаръ. Въ письмѣ отъ 10 апрѣля 1806 г. Михельсонъ писалъ князю А. Чарторижскому, что намѣревается послать поручика Бея Новокрещеннаго «къ сербамъ, которые теперь ведутъ войну съ турками, чтобы тамъ разузнать, каково расположеніе этого народа къ русскимъ и вообще все, что тамъ происходитъ и что намъ слѣдовало бы имѣть въ виду». Русскій Вѣстникъ, XLVI, 108—109. Такимъ образомъ Карагеоргій и генер. Михельсонъ тогда, еще вступили въ связь независимо отъ министерства.

2) Андр. Гавриловичъ, Доситије Обрадовић, 48. В. Богишичъ, Разборъ, 66 и пр. Слѣды этой миссіи—въ домашнихъ письмахъ Досиѳея, т. е. въ письмахъ къ его роднымъ.

не сдѣлалъ какой-нибудь ошибки. Въ январѣ 1807 г. генер. Михельсонъ обратился къ Карагеоргію съ письмомъ отъ 11-го января, которымъ и извѣстилъ его объ объявленіи войны. «Сербскій народъ» — говорится въ этомъ письмѣ — «для всего міра служитъ примѣромъ того, что можетъ сдѣлать героическій духъ, пылающій христіанскою вѣрою и любовью къ отечеству» [1]). Далѣе Михельсонъ проситъ Карагеоргія извѣстить его обо всемъ, что происходитъ въ Сербіи, объ арміи, ея числѣ и расположеніи, а также и о самомъ удобномъ способѣ сношенія между сербами и русскими, для того чтобы и онъ могъ сдѣлать необходимые шаги.

На это письмо Карагеоргій отвѣтилъ немедленно, уже 13-го января. Изъ этого видно, съ какою быстротою велась эта переписка, а это показываетъ, какъ много на нее возлагалось. Карагеоргій отвѣчаетъ, что все, что имѣлъ сообщить, передалъ устно Манолачу. Бросается въ глаза уже то обстоятельство, что при первомъ же обмѣнѣ мнѣній между русскимъ и сербскимъ высшимъ военнымъ начальствомъ стремленія ихъ сильно расходятся. Въ то время, какъ Карагеоргій ожидаетъ прибытія въ Сербіи русской военной помощи, чтобы легче очистить, расширить и обезпечить страну, — русское военное начальство, въ свою очередь, не обращая никакого вниманія на собственныя нужды сербовъ, старается утилизировать сербскія силы въ задачахъ простой коопераціи въ опредѣленныхъ русскихъ операціяхъ и буквально требуетъ, чтобы четыре или пять тысячъ сербовъ было прислано въ Краёву въ Валахіи, для подкрѣпленія русскаго праваго фланга! Съ того на практикѣ началось, а отъ того и послѣ почти никогда не отступали.

Вотъ въ какихъ условіяхъ находилась Россія и сербскіе повстанцы въ январѣ 1807 г., т. е. именно въ то время, когда сербскіе депутаты въ Константинополѣ заканчивали мирные переговоры и когда Порта дала свое окончательное одобреніе со-

---

1) Русскій Вѣстникъ, XLVI, 114—115.; А. Петровъ. Война Россіи съ Турціей, I, 223.

глашенію съ сербскими повстанцами объ автономіи Сербіи (какъ думали сербскіе старшины) или Бѣлградскаго пашалыка (какъ, очевидно, думала Порта).

Между тѣмъ объявленіе войны и тѣ болѣе дѣятельныя связи, какія открылъ генералъ Михельсонъ, произвели сильное вліяніе на настроеніе духа въ Сербіи. Къ концу января 1807 г. турецкихъ гарнизоновъ не было больше ни въ Бѣлградѣ, ни въ Шабцѣ, а оставались еще только въ Соколѣ и въ Ужицѣ. Въ отношеніи новой русско-турецкой войны, въ которую нынѣ русскіе открыто приглашали Сербію, гордость сербовъ все больше и больше разгоралась, занося ихъ мечты и надежды въ безконечность. Въ городахъ, между тѣмъ, какъ въ Бѣлградѣ, такъ и въ Шабцѣ, — управленіе не было сосредоточено въ сербскихъ рукахъ, а было смѣшанное, такъ какъ и населеніе ихъ, въ особенности Бѣлграда, — было такимъ же, да и согласно условіямъ новаго мира въ городахъ и впередъ должна была формально удержаться турецкая власть, какъ признакъ верховенства султана въ странѣ. При упомянутомъ общемъ состояніи и при указанномъ расположеніи, изъ этой двойственности въ управленіи городами въ ту смутную пору не могло выйти ничего хорошаго.

Бѣлградскій Сулейманъ-паша старался изъ этой двойственности въ Бѣлградѣ и прочихъ городахъ удержать за собою и за своими турками какъ можно больше власти, чтобы, такимъ образомъ, вышеупомянутый принципъ турецкаго верховенства оставался въ силѣ не только формально, но и въ дѣйствительности. Вооруженной же силы у Сулейманъ-паши не имѣлось никакой. Его упованіе на старые обычаи и прежній страхъ турецкой власти нисколько не отвѣчало расположеніямъ даннаго момента, а онъ не замѣчалъ, что все вокругъ его уже горитъ.

И среди самихъ сербовъ расположенія обострялись и расходились. Пока болѣе умѣренные и разумные люди думали, что полнаго освобожденія тогда же еще нельзя ожидать и что слѣдовало бы удовлетвориться умѣренными турецкими уступками, огромное большинство полагало, что съ русской войной все бу-

детъ закончено и что малодушничаютъ всѣ тѣ люди, которые не предаются самымъ розовымъ надеждамъ. Многимъ казалось, что старшины, охраняя порядокъ и думая о послѣдствіяхъ, только напрасно откладываютъ и не хотятъ протянуть руку, чтобы взять готовую добычу. Такъ какъ на очереди и въ курсѣ было исполненіе достигнутаго переговорами Ичко соглашенія и мира съ Турціей, многіе думали, что союзъ съ Россіей обезпечитъ Сербіи полную независимость и что о будущности всего сербскаго племени нечего больше безпокоиться, если рискнуть и пойти на войну вмѣстѣ съ русскими. Въ счастливомъ окончаніи этой войны никто не сомнѣвался, такъ какъ всѣ разсчитывали, что сильная Россійская Имперія окончательно разгромитъ непріятеля, которому много хлопотъ надѣлали и неподготовленные и неустроенные сербскіе повстанцы. Къ такимъ взглядамъ склонялись и многіе старшины, и не было почти никого, кто бы не думалъ, что положительные результаты будутъ на этой сторонѣ.

Двойное турецко-сербское управленіе въ Бѣлградѣ шло, между тѣмъ, все хуже и хуже еще и потому, что съ сербской стороны въ немъ принимали участіе два большіе грабителя и обирателя, Младенъ Миловановичъ и его приверженецъ Милой Петровичъ Терпавацъ, командиръ «бекьяровъ» (босяковъ). Первоначально, сейчасъ послѣ сдачи Бѣлграда, Карагеоргій назначилъ было старшиною въ Бѣлградѣ смедеревскаго воеводу Вула Ильича (Коларца), но старый товарищъ и другъ Карагеоргія, Младенъ Миловановичъ былъ этимъ недоволенъ и сталъ настаивать, чтобы Карагеоргій уступилъ это мѣсто ему, а начальникомъ войска въ Бѣлградѣ назначилъ бы Милоя. Эти люди должны были дѣйствовать совмѣстно съ Сулейманъ-пашой. Неизвѣстно теперь, изъ-за чего собственно это дѣло не клеилось, и почему, наконецъ, Сулейманъ-паша рѣшился уѣхать изъ Бѣлграда. Отмѣчено, все-таки, что представители смѣшаннаго сербско-турецкаго управленія въ Бѣлградѣ никакъ не могли ладить между собою. А такъ какъ въ скоромъ времени ожидался пріѣздъ изъ Константинополя П. Ичко вмѣстѣ съ вновь назначенными ту-

рецкими чиновниками, Сулейманъ-паша задумалъ поскорѣе отправиться въ Константинополь, оставляя Бѣлградъ всецѣло въ рукахъ сербовъ. Можетъ быть въ этомъ было и исполненіе Константинопольскаго соглашенія, о которомъ мы не знаемъ, какъ въ немъ объ этомъ говорилось въ послѣдней редакціи. Можетъ быть Сулейманъ-паша торопился уѣхать и потому, чтобы въ Бѣлградѣ его не застали П. Ичко и новые турецкіе чиновники, относительно которыхъ онъ могъ знать, что они подъѣзжаютъ къ границамъ Сербіи. Какъ бы тамъ ни было, но 22 февраля 1807 г. утверждены были условія о выѣздѣ изъ Бѣлграда Сулейманъ-паши и всѣхъ турокъ, находящихся тамъ на службѣ гражданской или военной. 23-го февраля они должны были тронуться къ Нишу. Но сейчасъ за Бѣлградомъ (у Пашиной Чесмы или Екмеклука) ихъ встрѣтили назначенные для того люди и всѣхъ ихъ перебили. Ихъ было, какъ кажется, до 270 человѣкъ. Вооруженными были только Сулейманъ-паша и нѣсколько его чиновниковъ; у всѣхъ же остальныхъ оружіе было отобрано еще при занятіи Бѣлграда 27 декабря 1806 г. Всѣ они погибли, но эта буря разнузданности не остановилась на этомъ. Въ самомъ Бѣлградѣ вспыхнуло возмущеніе съ нападеніемъ со всѣхъ сторонъ на оставшихся тамъ турокъ и ихъ семьи. Отмѣчено, что и эти злосчастные защищались, насколько могли, и наконецъ заперлись въ какомъ то домѣ, изъ котораго никто не вышелъ живымъ [1]). Такъ какъ тотчасъ почувствовали, что въ данномъ случаѣ поступлено нехорошо, то стали распускать слухи, будто бѣлградскіе турки взбунтовались и хотѣли перебить проживающихъ въ Бѣлградѣ сербовъ. Одновременно и главнымъ образомъ изъ корыст-

---

1) День этой страшной расправы указанъ въ Срб. Летописи 1827, I, 17. Въ запискахъ Каменскаго («Звезда», февраль 1901, стр. 169) отъ 1808 г. отмѣчено подъ 7 марта 1807 г., но это по новому стилю, согласно сообщеніямъ нѣкоторыхъ французскихъ газетъ. Іокичъ, думая объ этомъ, говорилъ Миличевичу въ 1852 г., что *городъ* (*крѣпость*) былъ сданъ сербамъ *на сырной недѣлѣ*. Споменик, XIV, 45. Сырная недѣля въ 1807 г. была съ 17 по 24 февраля. Такимъ образомъ, съ нѣсколькихъ сторонъ подтверждается, что выходъ турокъ изъ Бѣлграда состоялся 23 февраля (7 марта нов. ст.) 1807 года.

ныхъ видовъ, чтобы завладѣть ихъ деньгами и имуществомъ, — возникло нѣкоторое броженіе и противъ бѣлградскихъ евреевъ, въ виду чего они жаловались русскому послу въ Вѣнѣ, который по этому поводу писалъ генералу Михельсону въ Валахію, а послѣдній, въ свою очередь, обращался къ Карагеоргію и просилъ его не трогать евреевъ [1]). В. С. Караджичъ прямо говоритъ, что сербская стража все время охраняла мухасила, чтобы кто-нибудь и его не убилъ въ то время, когда сербы въ Бѣлградѣ убивали и грабили остальныхъ турокъ [2]). Тотъ же В. С. Караджичъ отмѣчаетъ и то, что тогда же были даны соотвѣтственныя инструкціи Якову Ненадовичу и Лукѣ Лазаревичу, согласно которымъ и они въ Шабцѣ убили диздара и Алайбеговича, а ихъ женъ и дѣтей обратили въ христіанство [3]). Точно такъ же поступали и въ Бѣлградѣ съ женами и дѣтьми убитыхъ турокъ. С. Милутиновичъ съ осужденіемъ отзывается объ этомъ:

На страшноме л' одговар'о суду,
Тко je Вожда криво упутио,
И чрез хотнью покрштати Турке
По узетю одмах Београда [4]).

Можно было бы думать, что эта дикая выходка была вызвана грабительскими инстинктами Младена Миловановича и его друга Милоя, на отвѣтственности которыхъ, уже по самому ихъ положенію, безъ всякаго сомнѣнія, лежитъ самая отвратительная часть этого непростительнаго поступка. Но распространеніе такой же выходки и на Шабацъ, т. е. на оба города съ мусульманскимъ населеніемъ, и упоминанія о томъ, что она состоялась съ одобренія Карагеоргія, заставляютъ думать, что въ данномъ случаѣ этимъ послужились и какъ политическимъ средствомъ [5]).

1) Л. А. Баталака, Истор. српск. устанка, 251 и д.
2) Грађа, стр. 207.
3) Грађа, стр. 206.
4) Сербіанка, II, 127.
5) Кромѣ Л. А. Баталаки, который прямо говоритъ, что Карагеоргій одобрилъ это избіеніе, то же самое утверждаетъ и С. Милутиновичъ въ стихотвореніи: «Спасеније Ичка», Сербіанка, II, 133.

Въ концѣ февраля 1807 г. положеніе сдѣлалось критическимъ. Приближалась весна, а съ нею и время боевой страды. Война между Россіей и Турціей была объявлена. Мы только что говорили о томъ, какое расположеніе она вызвала у сербовъ. Турки, между тѣмъ, именно тогда торопились провести на практикѣ примиреніе съ сербскими повстанцами, хотя фирманъ о сербскихъ правахъ и привиллегіяхъ еще не былъ изданъ. Въ Сербіи вели двойную игру, — на одной сторонѣ, но безъ настоящей искренности, — съ турками, на другой — съ русскими. Въ февралѣ 1807 г. и тамъ и тутъ назрѣвали событія. Отъ турокъ надо было принять миръ, окончательно утвержденный П. Ичко около половины января 1807 г. въ Константинополѣ; отъ русскихъ же надо было принять войну и двинуть войско. Согласовать эти два противоположныя дѣйствія — было невозможно, и поэтому приходилось избирать то или другое изъ нихъ. Распоряженіе о нападеніи на бѣлградскихъ и шабацкихъ турокъ имѣло цѣлью привести къ новому разрыву съ Турціей и снова, такъ сказать, во время исполненія условій примиренія, — поссорить съ нею сербскихъ повстанцевъ. Л. А. Баталака, который, очевидно, былъ невысокаго мнѣнія о соглашеніи П. Ичко, такъ какъ упоминаетъ о немъ только вскользь и всего въ двухъ-трехъ мѣстахъ, — тѣмъ не менѣе возстаетъ противъ нападенія на людей, которые остались жить между сербами, довѣряя ихъ честному слову («вѣрѣ»), и осуждаетъ какъ первое нападеніе на турокъ, выѣхавшихъ вмѣстѣ съ Гушанацомъ въ декабрѣ 1806 г., такъ и второе—на тѣхъ, которые въ февралѣ 1807 г. отправлялись изъ Бѣлграда въ Константинополь. Онъ говоритъ, что Карагеоргій «не поступилъ бы такъ ни съ Гушанацомъ, ѣхавшимъ въ сопровожденіи заложниковъ, ни съ пашой, если бы не совѣты и знакъ со стороны Новокрещеннаго. Но почему онъ это посовѣтовалъ? Тутъ нельзя дать иного отвѣта, кромѣ того, что у него были такія инструкціи и что, согласно имъ, подобными свирѣпыми и жестокими поступками онъ желалъ поссорить сербовъ и турокъ и довести до разрыва между ними; впрочемъ, онъ могъ

такъ поступить, еще побуждаемый личною ненавистью къ туркамъ. Но какъ бы тамъ ни было, а и этотъ совѣтъ Новокрещеннаго и поступокъ Карагеоргія — безчеловѣчны; и гдѣ же тѣ выгоды, которыя могли быть получены для его великой идеи (намѣренія) при священномъ исполненіи такихъ договоровъ?»[1]).

Когда это происходило, П. Ичко могъ быть уже въ Нишѣ. С. Милутиновичъ говоритъ, что Карагеоргій поручалъ Жикичу, стоявшему у Алексинца, никого не пропускать въ Нишъ и изъ него, пока оттуда не выѣдетъ П. Ичко, которому онъ, еще до выхода турокъ изъ Бѣлграда, т. е. раньше 23 февраля, — *во второй разъ писалъ*, чтобы какъ можно скорѣе выбирался изъ Ниша, пока носитъ названіе сербскаго депутата. Вслѣдствіе этого и готовясь къ разрыву, а въ виду этого ожидая и нападенія со стороны турокъ, онъ послалъ въ подкрѣпленіе пограничному коменданту Жикичу еще войска[2]). Изъ этого видно, что убійство Сулейманъ-паши и его провожатыхъ было задумано раньше. И изъ порученій Карагеоргія явствуетъ, что П. Ичко, согласно сдѣланнымъ впереди указаніямъ, — въ третьемъ десяткѣ января 1807 г. могъ уже тронуться изъ Константинополя, направляясь въ Сербію вмѣстѣ съ новыми турецкими чиновниками и слугами. Имѣющіяся объ этомъ свѣдѣнія весьма неполны. Вотъ что разсказываетъ В. С. Караджичъ: «Ичко и кнезъ Миличъ и Живко Парачинацъ и Степанъ (Іевтичъ) выѣхали изъ Константинополя въ Бѣлградъ съ двѣнадцатью турками, взявъ съ собою и сумки для дани; одинъ же изъ турокъ оставался въ Софіи, приготовляясь къ поѣздкѣ въ Бѣлградъ съ назначенными для тамошняго гарнизона 150 человѣкъ солдатъ, — послѣ чего миръ былъ бы окончательно установленъ и утвержденъ фирманомъ. Пріѣхавъ въ Делиградъ, они тутъ только узнали о томъ, что сербы умертвили пашу и всѣхъ бѣлградскихъ турокъ. Тогда Петръ Добрньяцъ сказалъ, чтобы Ичко и тѣ двѣнадцать турокъ (чиновниковъ и слугъ) оставались у него, а Степана отправилъ въ Бѣлградъ

1) Историја срп. устанка, 224.

2) Сербіанка, II, 134.

спросить у Карагеоргія: препроводить турокъ въ Бѣлградъ или отправить ихъ обратно? Карагеоргій и прочіе старшины рѣшили привезти турокъ въ Бѣлградъ и сказать имъ, что паша и бѣлградчане не хотѣли сидѣть спокойно, а подняли оружіе противъ сербовъ, вслѣдствіе чего всѣ турки были убиты; затѣмъ дать имъ нѣсколько тысячъ грошъ на дорогу и препроводить ихъ назадъ. Но Петръ Добрньяцъ, не дождавшись отвѣта Карагеоргія, гдѣ-то около Парачина перебилъ всѣхъ этихъ турокъ и на порученіе Карагеоргія объ отправленіи ихъ въ Бѣлградъ—отвѣтилъ, что онъ всѣхъ ихъ послалъ по рыбамъ въ Виддинъ, а потомъ оправдывался тѣмъ, что и въ Бѣлградѣ безъ него сербы (т. е. Карагеоргій и Младенъ съ другими старшинами изъ Шумадіи) перебили и ограбили турокъ» [1]).

Стихи С. Милутиновича подтверждаютъ это событіе и указываютъ причины, его вызвавшія. С. Милутиновичъ восклицаетъ:

Дар одбачен Народнијем Вождем
И наглецом [2]) . . . . исјечени посли
Сјајне Порте и премногомоћне
Преко сваког народнога права
А с вољења давно жељне дружбе
Против Турак с Рус'ма дјејствовати,
Ласкајућим помоћ' избавит' нас
И уздићи рог имена српска
А за вјеру и узајмну ползу
Што немалост ал' прозирца оку [3]).

Согласно замѣткѣ В. С. Караджича, «послѣ прибытія П. Ичко и Степана изъ Константинополя», сербы и мухасила,

---

1) Грађа, 207 и 71. Л. А. Баталака, Ист. срп. устанка, 445—446, хотѣлъ бы отнести это событіе къ 1808 г. Но разсказъ В. С. Караджича подтверждаетъ и С. Милутиновичъ, какъ это видно изъ приводимыхъ нами въ текстѣ его стиховъ.

2) Подъ этимъ названіемъ надо понимать Петра Добрньца.

3) Сербіанка, II, 144.

котораго до тѣхъ поръ охраняли, — «перевезли въ Нѣмецкую землю (Австрію), откуда онъ уѣхалъ въ Турцію»[1]).

Имѣются и съ другой стороны указанія, что въ концѣ февраля 1807 г. и турецкіе пограничные начальники смотрѣли уже на Сербію, какъ на непріятельскую страну. Передъ нами письмо французскаго агента Меріажа изъ Виддина отъ 25 февраля (9 марта нов. ст.), въ которомъ онъ сообщаетъ министерству въ Парижѣ, что виддинскій комендантъ Мола-ага былъ склоненъ издать строжайшій приказъ, чтобы на Дунаѣ были прекращены всякія связи между Сербіей и Валахіей. А въ Кладово съ этою цѣлью былъ уже посланъ заклятый врагъ сербовъ извѣстный памъ Гушанацъ-Али. Онъ еще до того (т. е. раньше 25 февраля) схватилъ двухъ сербовъ, о которыхъ думали, что служатъ лазутчиками,—и казнилъ ихъ[2]). У турокъ, значитъ, уже не было сомнѣнія относительно сербовъ, и поэтому съ конца февраля 1807 г. больше всего стали обращать вниманіе на Неготинскую Краину, гдѣ во что бы то ни стало нужно было воспрепятствовать связи и соприкосновенію русскихъ съ сербскими повстанцами.

Погромами въ Бѣлградѣ и Шабцѣ въ концѣ февраля 1807 г. и умерщвленіемъ въ Парачинѣ немного позднѣе, (вѣроятно въ первыхъ числахъ марта) назначенныхъ для Сербіи, согласно мирному договору, турецкихъ чиновниковъ былъ произведенъ полный разрывъ между сербскими повстанцами и Портою. Вслѣдствіе нерѣшительности и оттягиванія со стороны турокъ, исполненіе условій мира началось какъ разъ въ то время, когда было почти невозможно достигнуть положительныхъ результатовъ.

Австрійскія донесенія упоминаютъ о послѣднихъ происходившихъ тогда переговорахъ съ мухасиломъ. По этимъ источникамъ, Порта и ея ближайшій совѣтникъ въ то время, французскій посолъ генералъ Себастіани потребовали отъ сербовъ черезъ мухасила, чтобы они прямо высказались противъ русскихъ и отрек-

1) Грађа, 207. С. Милутиновичъ замѣчаетъ, что мухасилъ переѣхалъ уже въ Австрію въ то время, когда П. Ичко выѣзжалъ изъ Ниша.

2) A. J. Odobescu, Docum. Suppl. Bucaresle, 1885, I, vol. II, стр. 398.

лись отъ нихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по австрійскимъ замѣткамъ, тогда было возобновлено и старое, отъ 1805 г., предложеніе о сербскомъ вспомогательномъ отрядѣ, который предоставлялся бы въ распоряженіе Турціи. Изъ тѣхъ же замѣтокъ видно, что предложеніе о вспомогательномъ отрядѣ сербы тотчасъ и рѣшительно отклонили, заявивъ, что они не могутъ сражаться противъ своихъ единовѣрныхъ братьевъ, но соглашались оставаться нейтральными, если Порта приметъ и утвердитъ формулированныя уже условія примиренія. Оттуда узнаемъ и то, что въ то же самое время въ Совѣтѣ усилилась партія, поддерживаемая преимущественно людьми изъ восточныхъ округовъ Сербіи [1]), которая успѣла большинствомъ голосовъ провести рѣшеніе объ открытомъ присоединеніи къ русскимъ и продолженіи военныхъ дѣйствій. Карагеоргій будто бы былъ противъ этого, но — говорятъ упомянутыя замѣтки—подчинился рѣшенію большинства.

Французскому начальству въ Далмаціи было сообщено, что въ Сербіи многіе были противъ этой новой войны, что тутъ стояли другъ противъ друга двѣ страстныя партіи и что, изъ-за этой кажущейся оппозиціи войнѣ, многіе сербы были казнены [2]). Въ австрійскихъ замѣткахъ тамъ, гдѣ говорится о вышеприведенныхъ послѣднихъ вопросахъ — упомянуто, что мухасилу въ Смедеревѣ они были привезены татариномъ (курьеромъ) 17/29 марта 1807 г. Совѣщаніе Совѣта по этому предмету, согласно тому же источнику, — происходило 19/31 марта. Карагеоргій въ этомъ засѣданіи не присутствовалъ. Замѣнялъ его въ предсѣдательствованіи кнезъ Сима Марковичъ. Мухасилъ сообщилъ членамъ Совѣта, какія приказанія получены имъ отъ Порты изъ Константинополя. Онъ всячески и изо всѣхъ силъ трудился убѣдить сербовъ отказаться отъ своего намѣренія возобновить войну въ союзѣ съ русскими; указывалъ имъ на данную Портой амнистію за все, что было ими сдѣлано до тѣхъ поръ,

---

1) Тутъ слѣдуетъ понимать Миленко Стойковича и Петра Добрньца.

2) Письмо генер. Виньоля военному министру отъ 1/13 апрѣля 1807. Ив. Павловича — выписки, Споменик, II, 17.

указывалъ и на собственное ихъ обѣщаніе, что будутъ покоряться Портѣ и платить ей ежегодно по 2500 кошельковъ въ признаніе ея верховенства. Кнезъ Сима Марковичъ отвѣчалъ, что Сербія считаетъ себя вполнѣ самостоятельнымъ государствомъ, что она не желаетъ платить никакой дани и что никогда не подниметъ оружія противъ своего союзника. Мухасилъ указалъ на значеніе и важность такого отвѣта и подчеркнулъ, что послѣ этого онъ долженъ немедленно выѣхать. Онъ дѣйствительно сейчасъ же и уѣхалъ изъ Смедерева[1]).

Сохранилось письмо митрополита Леонтія, въ которомъ говорится о случаѣ, похожемъ на это совѣщаніе. Въ этомъ письмѣ митрополитъ сообщаетъ князю Ипсиланти въ Букарештѣ, какъ послѣ окончательнаго занятія Бѣлграда и истребленія невѣрныхъ собралась Народная Скупщина, чтобы рѣшить, въ какую сторону двинуться съ войскомъ. «Зная приказаніе и желаніе Его Императорскаго Величества», — писалъ въ этомъ письмѣ митрополитъ — «о томъ, что прежде всего нужно спуститься въ Краину, въ видахъ вступленія въ соприкосновеніе и установленія связи (съ русскими), — чего требуютъ и наши интересы, — мы позаботились о снабженіи войска припасами. Какъ только это было рѣшено, избранъ былъ господинъ Миленко для отъѣзда въ Порѣчъ и приготовленія тамъ всего, что нужно для войска, пока оно будетъ собираться. Вождь Карагеоргій рѣшилъ было тогда въ Скупщинѣ и самъ ѣхать въ Порѣчъ съ Миленкомъ. Но этого нельзя было сдѣлать по той причинѣ, что мы получили извѣстіе о нападеніи турецкаго войска изъ Босніи на Дрину и что часть этого войска достигла Ужицы, а остальное задержалось у Дрины. Въ это время прибылъ и ключарь господинъ Маколаки, передалъ намъ офиціальныя письма и устно сообщилъ желаніе Россіи, равно какъ и приказаніе спуститься къ Неготину и Фетисламу (Кладову) и съ Божіею помощью занять Краину. Господинъ Младенъ, управитель Бѣлграда, по полномочію Вождя, писалъ

---

1) Срб. Летопис, 1827, I, 18—19.

Миленку, чтобы тотъ исполнилъ полученное приказаніе; а затѣмъ и самъ Вождь приказалъ нѣкоторымъ частямъ отправиться туда же и присоединиться къ войску Миленка. Эта соединенная армія была довольно многочисленна»[1]).

Можно было бы думать, что въ этомъ же самомъ собраніи старшинъ (по тогдашнему обычаю сзываемое при каждомъ болѣе серьезномъ поворотѣ дѣлъ) происходило и то, о чемъ упоминается въ австрійскихъ донесеніяхъ съ отнесеніемъ къ Совѣту, хотя въ письмѣ Леонтія объ этомъ ничего не говорится. Ясно, что послѣ 23 февраля Сербія начала разрывать отношенія съ Турціей и что тогда, съ общаго согласія всѣхъ старшинъ, она рѣшительно присоединилась къ Россіи.

Тѣмъ и закончилась миссія Петра Ичко. Самъ онъ послѣ того и до своей смерти мирно проживалъ въ Бѣлградѣ, а судьба Сербіи повернулась и пошла другими путями.

VI.

Какъ обстоитъ съ документомъ Мира Ичко. Общественное мнѣніе того времени и слабая оцѣнка этого дѣла. Неожиданный Тильзитскій оборотъ и непріятности съ русскими чиновниками вызываютъ сожалѣніе о Мирѣ Ичко. Оцѣнка этого Мира со стороны сербскаго Совѣта. Позднѣйшее мнѣніе Карагеоргія объ этомъ дѣлѣ. Первоначальное мнѣніе князя Милоша о Мирѣ Ичко. Настоящія турецкія намѣренія съ этими кажущимися уступками. Правильность и неправильность политическаго расчета сербовъ въ отношеніи даннаго соглашенія. Разочарованіе князя Милоша въ первоначальной оптимистической оцѣнкѣ этого Мира.

Если разобрать и соединить вмѣстѣ все извѣстное по данному вопросу, то выходитъ, что Миръ Ичко дѣйствительно былъ окончательно принятъ и утвержденъ Портой около половины января 1807 г., приблизительно въ то самое время, когда и русскіе готовились на дѣлѣ открыть военныя дѣйствія противъ Турціи и когда изъ Русской Главной Квартиры сербамъ уже дава-

1) Споменик, XXXVII, 136, переводъ съ греческаго изъ книги Филимона.

лись порученія относительно кооперацій на русскомъ правомъ флангѣ въ сторону Виддина. Фирманъ же о турецко-сербскомъ соглашеніи и сербскихъ привиллегіяхъ все-таки не былъ опубликованъ.

При серьезномъ разсмотрѣніи современныхъ этимъ событіямъ записей и впечатлѣній современниковъ, во сколько они имѣются,— видно, что большинство сербскихъ дѣятелей считало, что этимъ миромъ турки желаютъ просто провести сербовъ и этими привиллегіями воспрепятствовать вступленію Сербіи въ союзъ съ Россіей, — а тѣмъ лишить ее вѣрныхъ и значительно большихъ выгодъ, какія ожидали ее послѣ войны. Таково было общее мнѣніе объ этихъ привиллегіяхъ, особенно въ началѣ 1807 г. Наши источники говорятъ о нихъ вообще очень мало и притомъ съ недовѣріемъ и пренебреженіемъ,—въ такомъ смыслѣ какъ о предметѣ, который не стоитъ многаго. Только позднѣе и во многихъ случаяхъ, — когда, вслѣдствіе разныхъ недоразумѣній, надежды на русскихъ начали охлаждаться и когда неудачи открыли доступъ и противоположной оцѣнкѣ, — сербы съ нѣкоторымъ раскаяніемъ стали вспоминать безразсудное увлеченіе 1807 г., которымъ былъ вызванъ разрывъ съ Турціей и отклоненіе мира Ичко. Сербскіе старшины и въ то и въ послѣдующее время различно относились къ этому поступку, и во сколько больше пробивалось наружу недовольство русскими, во столько больше сожалѣли объ этомъ поступкѣ и отклоненіи мира Ичко.

Начало проявляться это въ томъ же самомъ году, когда, въ іюнѣ мѣсяцѣ, положеніе совершенно измѣнилось — свиданіемъ въ Тильзитѣ и примиреніемъ Императора Александра съ Наполеономъ, при чемъ русскими не было даже оговорено, чтобы и сербы были участниками русско-турецкаго примиренія. Турки считали ихъ бунтовщиками, а русскіе покорились этой формальности международнаго права. Этотъ неожиданный поворотъ въ самомъ началѣ войны и въ самомъ началѣ серьезныхъ русско-сербскихъ связей, подѣйствовалъ на сербовъ какъ холод-

ный душъ. Вслѣдствіе этого сербскій Совѣтъ 27 августа 1807 г. писалъ главнокомандующему русской арміей на Дунаѣ, генералу Михельсону, что сербскій народъ могъ жить въ покоѣ, *«если бы мы приняли тѣ довольно сносныя условія, которыя предлагалъ намъ въ прошломъ* (т. е. 1806-) *году султанъ.* Но мы» — продолжаетъ Совѣтъ — «изъ любви къ отечеству и народу отвергли ихъ тотчасъ, какъ только изъ писемъ Его Превосходительства господина Родофиникина и отъ нарочныхъ посланцевъ узнали, что русская армія вступила въ Молдавію. Всѣ присылаемые къ намъ люди возбуждали въ насъ надежду на скорую помощь. Наконецъ, мы удостоились получить и манифестъ Вашего Превосходительства, въ которомъ вы насъ приглашаете рѣшиться и смѣло возстать противъ враговъ вѣры, и обѣщаете намъ всякую помощь, покровительство и утвержденіе нашей свободы. До тѣхъ поръ мы боролись только противъ турецкихъ бунтовщиковъ, а когда получили манифестъ, выступили и противъ самого султана»[1]).

Немного позже, въ ноябрѣ того же года, Карагеоргій однажды, сердясь, крикнулъ русскому агенту К. К. Родофиникину (который объ этомъ сообщилъ своему правительству), «что ему (Карагеоргію) султанъ обѣщавалъ прощеніе и свободу всѣмъ сербамъ, только бы остались подъ его верховною властью, а сами бы правили собою... Но вы приказали», — закончилъ онъ сердито, — «чтобы мы на это не соглашались, и мы исполнили ваше приказаніе». Тутъ онъ прибавилъ, что отрубитъ голову каждому совѣтнику, который не сталъ бы слушаться К. К. Родофиникина, и уѣхалъ въ Тополу[2]). Имѣются и другія указанія, свидѣтельствующія о такомъ мнѣніи Карагеоргія. Во время пребыванія Карагеоргія въ дринской арміи уже въ послѣднемъ 1813 году, онъ говорилъ своему родственнику Гаѣ Пантельичу слѣдующее: «Мнѣ султанъ давалъ власть, съ тѣмъ чтобы я принялъ 200 турокъ въ четырехъ городахъ, по 50 въ каждомъ, —

1) Збирка Богишича. Отаџбина XXXII, стр. 12.

2) Н. Дубровинъ. Русскій Вѣстникъ, т. 46, стр. 136—137.

и чтобы муезинъ кричалъ съ минарета,—пусть только, говоритъ, земля называется моей, — и чтобы мы ему давали по 102 пары дани съ каждой души населенія, — изъ нихъ — 100 царю, а по 2 пары сборщикамъ; затѣмъ мы, четыре кнеза, собирали бы еще въ видѣ подати по 1 грошу съ души, и такимъ образомъ наша бы страна славилась»[1]).

И позднѣе, всѣ сербскіе политическіе дѣятели того времени считали, что этотъ миръ былъ у нихъ въ рукахъ и что они его упустили, какъ готовое уже дѣло. Такъ, послѣ пропасти 1813 г. Младенъ Миловановичъ въ Бессарабіи жаловался Л. А. Баталакѣ, что недовольные Букарештскимъ миромъ, сербскіе старшины въ 1812 году были въ страшномъ недоумѣніи насчетъ того, въ какую сторону обратиться за помощью и найти ее тогда, «когда изъ-за вѣры и надежды на Россію и по ея совѣтамъ они всѣмъ пренебрегли и все упустили»[2]).

Въ виду того, что Букарештскій договоръ 1812 г. ставилъ Сербію въ болѣе неудовлетворительныя условія существованія, чѣмъ какія представлялись миромъ Ичко, послѣ 1812 г. всѣ вообще сербскіе старшины думали, что сдѣлали непростительную ошибку, когда въ 1807, 1809 и 1811 гг. отказались отъ самостоятельнаго — безъ участія русскихъ — соглашенія съ турками, которымъ имъ предоставлялись болѣе значительныя уступки.

Когда въ 1815 г. князь Милошъ снова поднялъ возстаніе противъ турокъ и когда начались переговоры о примиреніи, съ сербской стороны избѣгалось всякое упоминаніе Букарештскаго договора, во первыхъ, чтобъ оно не вызвало неудовольствія турокъ, во вторыхъ, потому, что всѣ сербы тогда думали, что этотъ договоръ и не стоитъ ничего, разъ въ 1813 г. могъ быть такъ нарушенъ, вслѣдствіе чего и были имъ недовольны. В. С. Караджичъ говоритъ, что въ 1816 г. отправляемой въ Константинополь сербской депутаціи даны были инструкція — «добиться отъ Турецкаго Двора тѣхъ же условій мира, какія въ 1806 г.

1) Гласник Друштва Срп. Слов. II, 234—235.
2) Историја срп. устанка, 932—933.

выговорилъ было Петръ Ичко»[1]). А когда осенью 1815 г. въ Константинополь поѣхалъ архимандритъ Мелентій для веденія переговоровъ и усмиренія, ему даны были письменныя наставленія, въ которыхъ говорится: «Если бы васъ кто-нибудь упрекнулъ: *Вы царскій фирманъ разорвали и царскую милость отрынули*, — отвѣтьте, что все вышло изъ-за русскихъ, которые надули нашихъ старшинъ обѣщаніями и подарками, а старшины, въ свою очередь, надули народъ и заставили его поступать такъ, какъ они хотѣли и приказывали»[2]). Въ письмѣ же отправленномъ султану 27 сентября 1815 г., т. е. сейчасъ послѣ перемирія съ Марашли-Али-пашой, и въ подписи подъ которымъ значится: «Рая санджака Семендріи», можно читать и слѣдующее: «Мы передъ тобою провинились въ томъ, что данный намъ девять лѣтъ тому назадъ милостивый фирманъ отвергли. Но не мы это сдѣлали, а тѣ четверо, которые нами управляли и сами были обмануты русскими, — ихъ же теперь нѣтъ среди насъ, а уѣхали они къ тому, кто ихъ обманулъ»[3]).

Однако, какъ бы ни были основательны причины такого расположенія сербскихъ старшинъ, — ихъ оцѣнка была неточна и разсчеты, на которые они надѣялись говоря такъ, — вовсе не оправдались и не осуществились.

Ни осенью 1806 г., ни въ январѣ 1807 г. Порта не была расположена дѣлать сербамъ уступки и удовлетворить ихъ, — какъ не была никогда ни до, ни послѣ того. Ея разсчеты преслѣдовали совершенно иныя цѣли. Сербскія завѣренія въ томъ, что они борются не противъ Имперіи или султана, а противъ дахіевъ или кирджаліевъ, ослушниковъ султана, — встрѣчали у турокъ такое же довѣріе, съ какою искренностью выражались со стороны сербовъ. Ни въ 1804, ни въ 1805, ни въ 1806 гг.

---

1) Građa, 171.

2) Петровичи В. и Н., Građa, II, 124—125.

3) Петровичи В. и Н., Građa, II, 126. Упоминаемыхъ четверо суть: Карагеоргій, Младенъ Миловановичъ, Миленко Стойковичъ и Яковъ Ненадовичъ; всѣ четверо находились тогда въ Бессарабіи.

Порта не желала ничего другого какъ только провести сербовъ, и ни на одну минуту не разставалась съ мыслью покорить ихъ снова и получить удовлетвореніе за возстаніе. Съ того самаго момента какъ стало замѣтно, куда клонится сербское возстаніе, Порта постоянно и неизмѣнно стремилась подавить его тѣмъ способомъ, который оказался бы самымъ подходящимъ и дѣйствительнымъ. Не имѣя возможности потушить возстаніе силою и дѣлая попытки усмирить его уступчивостью, турки при этомъ каждый разъ строго слѣдили и заботились какъ можно полнѣе сохранить возможность возвращенія къ старымъ порядкамъ. Этимъ и объясняется то, что̀ объ этомъ самомъ мирѣ Ичко говоритъ В. С. Караджичъ, а именно, что турки въ 1806 г. «легко обѣщали» все, чего искалъ П. Ичко и даже послали въ Смедерево мухасила, «но весьма долго не рѣшались и откладывали утвердить это фирманомъ» и «отчасти по этому, отчасти по разнымъ другимъ причинамъ изъ это мира ничего не вышло, а снова началась война въ которой сербы стали русскими *союзниками*»[1]).

И дѣйствительно, значительныя уступки турокъ въ августѣ 1806 г., о которыхъ говорилось впереди, объясняются только давленіемъ русско-турецкой войны. Ожидая войны съ Россіей, Турція все время — отъ августа и сентября 1806 г. и до марта 1807 г.— старалась усмирить сербовъ разными уступками, чтобы только отвратить ихъ отъ вступленія въ союзную съ русскими войну. Этотъ моментъ рѣшалъ все какъ въ Константинополѣ, такъ и въ Бѣлградѣ, въ немъ и былъ центръ всего вопроса.

И хотя сербскимъ старшинамъ казалось потомъ, что разорвавъ въ 1807 г. съ Турціей они сдѣлали громадную ошибку, въ дѣйствительности же фатальная ошибка была бы сдѣлана, если бы они тогда вступили въ соглашеніе съ Турціей и остались глухи къ русскимъ призывамъ къ войнѣ противъ нея, въ особенности, если бы еще вступили въ союзъ съ Турціей, какъ это позже, по совѣту французовъ, въ нѣкоторомъ родѣ имъ и предлагалось.

---

1) Грађа, 117.

Слѣдуетъ еще упомянуть, что въ соглашеніи Ичко имѣется и одинъ значительный дефектъ.

Дефектъ этотъ состоитъ въ томъ, что тамъ нигдѣ не говорится ни о какой иностранной гарантіи выговоренныхъ правъ.

Такъ какъ гарантіи не было, то возникаетъ вопросъ: что сталось бы съ соглашеніемъ Ичко послѣ того, какъ въ іюнѣ 1807 г. Императоры Наполеонъ и Александръ помирились и первый изъ нихъ изъ лучшаго друга Турціи превратился почти въ злѣйшаго ея врага? Что было бы съ сербами въ іюнѣ 1807 г. если бы они въ мартѣ присоединились къ туркамъ? Правда, въ свой договоръ перемирія съ Турціей отъ 12/24 августа 1807 г. русскіе не успѣли внести и сербовъ, но всетаки они въ дѣйствительности обезпечили послѣднимъ, дополнительнымъ согласіемъ Порты, перемиріе на ровный же срокъ, а все потому, что считали ихъ своими союзниками.

Не будь этого, права Сербіи не получили бы международнаго договорнаго признанія и утвержденія, и поэтому держались бы только до тѣхъ поръ, пока оно было выгодно Турціи, и были бы уничтожены при первомъ удобномъ случаѣ.

Правда, русскія заботы и хлопоты о Сербіи не всегда отвѣчали желаніямъ сербовъ, но, начиная съ союза 1807 г., основаннаго и запечатлѣннаго кровью,—онѣ всегда проявлялись въ той степени, въ какой позволяли обстоятельства, которыя не всегда вѣрно понимались и оцѣнивались сербами. Союзъ и совмѣстная борьба съ русскими укрѣпили требованія и ожиданія сербовъ, пріобрѣвъ имъ наконецъ и интернаціональную санкцію, безъ которой нельзя было и представить настоящей государственной автономіи. Какъ можно было бы добиться этой необходимой интернаціональной санкціи если бы обстоятельства не облегчили союзъ 1807 г.? А ясно какъ божій день, что безъ интернаціональнаго обязательства передъ болѣе сильнымъ турки, не долго думая, уничтожили бы все, что̀ въ 1806 г. дали и обѣщали, когда уже въ 1813 г., не смотря на Букарештскій договоръ, они набросились на Сербію и покорили ее.

Настоящая оцѣнка слишкомъ наглядно подтвердилась на практикѣ.

И Карагеоргій въ 1813 г., да еще послѣ Букарештскаго договора, безуспѣшно добивался условій соглашенія Ичко. Точно также напрасно упоминалъ и выставлялъ его и князь Милошъ какъ послѣ перемирія съ Марашли Али-пашой въ 1815 г., такъ и черезъ первыхъ посланныхъ имъ въ Константинополь депутатовъ въ 1816 г. Туркамъ тогда ничто не угрожало, и поэтому они не хотѣли и слышать о чемъ-нибудь подобномъ, а заботились только о томъ, какъ бы уничтожить сопротивленіе Сербіи и снова ее подчинить себѣ. Князь Милошъ очень скоро убѣдился, что путемъ непосредственныхъ переговоровъ, безъ поддержки Россіи и безъ требованія правъ, опредѣленныхъ Букарештскимъ трактатомъ,— ничего нельзя подѣлать съ турками. Поэтому онъ во время перемѣнилъ политику и обратился къ русскимъ, хотя одно время у него имѣлись планы уклониться отъ нихъ, или по крайней мѣрѣ показывать видъ, что уклоняется. И не смотря на все сильное недовольство сербовъ Букарештскимъ договоромъ въ періодъ съ 1813 по 1816 гг., только ссылками на него, фактическимъ обладаніемъ страною и поддержкою Россіи можно было обезпечить Сербіи ея автономныя права.

И какъ непосредственными переговорами съ Турціей послѣ 1815 г., безъ участія Россіи, нельзя было ничего добиться, точно также и въ 1806 г., не смотря ни на какія турецкія завѣренія, не было никакой возможности достигнуть какихъ либо положительныхъ результатовъ. Въ настоящее время въ этомъ отношеніи не можетъ быть уже никакихъ сомнѣній, такъ какъ передъ нами не вѣрныя или невѣрныя предположенія, а фактическіе результаты.